НЁМАН

10/2017
ОКТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 12.08.2017. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,56. Тираж 1482. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

16 +

Людмила РУБЛЕВСКАЯ

Авантюры студиозуса Вырвича

Роман приключенческий и фантасмагорический

Пролог

Падать со второго этажа на мостовую вредно.

Особенно если ты не кошка, а студиозус славной Виленской академии, без малого дипломированный философ. Пусть даже этот без точки с запятой философ и привык лазать в окна и преодолевать каменную кладку, кои мешают шляхетскому стремлению к славе или куртуазному приключению.

Но то, что отважный и мудрый студиозус Прантиш Вырвич не удержался на узком выступе под окном очаровательной панны Агнешки, дочери стеклодува с улицы Шкельной славного города Вильни, не оправдывает даже дождь, сделавший камни скользкими, будто речь пана Юдицкого, судьи. Точно так однажды жена Владислава Вазы, королева Марыся, ради любопытства коей в соймовом зале специальный балкон приделали, грохнулась вместе с тем балконом и своими «дамами фрауциммера» просто на головы высокому сойму, да еще при том одна пани, зацепившись, из платья вышелушилась. Ох и позора было… Не меньше, чем сейчас для Вырвича.

Ибо продержись еще немножко Прантиш у ставен, окрашенных венецианской лазурью, панна Агнешка точно впустила бы его в свою комнатку с розовыми занавесками, в тот рай, куда студиозус стремился три недели. Панна даже нежную ручку не сразу из Прантишевой вырвала… И тут — гах!... Сапоги скользнули, пальцы разжались, и — конец Вавилонской башне и соблазнительным надеждам… Потому что сабля Вырвича предательски загремела по брусчатке, которую простые люди называли кошачьими лбами, сам кавалер от досадного вскрика не удержался, да и барышня довольно громко охнула от испуга и громыхнула ставнями, крашеными венецианской лазурью… И начались кары египетские. Из соседних окон отец паненки высунулся и ее две незамужние тетушки, они и без этого холостых да гожих мужчин чем-то вроде вытяжки чертового корня считали, от которой рассудок едет, будто копыта на льду. И хотя Прантиш почти сразу же, прихрамывая, по ночной улочке драпанул, успел о себе такого наслушаться, что трехглавый Цербер, страж подземного царства, от стыда бы себе лишние головы отгрыз, а оставшаяся удавилась бы собственным слюнявым языком. Да ежели бы только слова догнали Вырвича… Содержимое ночной вазы, над которым одна из Агнешковых тетушек постаралась — точно на его чубатую голову выплеснулось.

Не то чтобы вещество это внове было для виленской мостовой — горожане, к возмущению профессора Виленской академии доктора Лёдника, не подозревая о страшном слове «гигиена», не стыдились улочками да дворами в качестве уборных пользоваться, а на публичные лекции пана профессора о возможном моровом поветрии очень резонно отвечали, что недавний пожар,

проредивший дома, как зубы у старухи во рту, непременно всю заразу повывел…

Но Прантиш не считал себя частью привычной ко всему мостовой, и вонючая жижа, попавшая на его камзол, почему-то заметно охладила чувства к очаровательной дочери стеклодува, покорившей сердце студиозуса сонливым, как у теленка, взглядом кротких темных очей и естественной — не приклеенной — родинкой на правой щечке.

Но даже воспоминания о естественной родинке не могли преодолеть досады от полученного же «угощения». К тому же в сердце студиозуса присутствовала настоящая Прекрасная Панна, спрятанная глубоко и надежно, как в полоцких подземельях, и была это совсем не Агнешка Пузыня.

Прантиш прибавил ходу — кто-то из родственников паненки послал в погоню за поганым соблазнителем невинных девиц городскую стражу, и топот за спиною звучал похоронными аккордами. Оставалось надеяться, что имя соблазнителя не откроют, — но надежда была маленькая, так как стеклодув Еган Пузыня уже несколько раз отгонял нахального, голубоглазого, чубатого пана Вырвича от своего родимого цветочка и точно знал имя студиозуса.

Прантиш, сопровождаемый спасительным дождем, который смывал его позор и вонь, летел-петлял узкими улочками, стараясь забыть о боли в ноге, и раздумывал, стоит ли бежать к конвенту, студенческому общежитию, ведь погоня именно туда и направится. Собаки во дворах нехотя взлаивали, будто понимая, что беглец на добро их хозяев не позарится, тусклая лампадка на Острой Браме посматривала с укором, не обещая спасения без раскаяния и епитимии, и не оставалось иного пути, как перескочить через знакомую каменную ограду с выщербинами, куда так удобно ставить ноги, немного переждать, пока утихнут шаги погони, погладить рыжего мохнатого пса по кличке Пифагор и поцарапаться в закрытый зеленый ставень, стараясь проситься как можно более жалобно:

— Пани Саломея! Пан Лёдник! Это я, Прантиш! Можно у вас переночевать? Я ключ от своей комнаты потерял, не могу попасть в конвент… И ногу подвернул…

И услышать, как под ворчливые проклятия хозяина и успокаивающие реплики хозяйки гремят замки, приоткрываются двери, и нырнуть в спасительное тепло дома друзей, где всегда для несчастного студиозуса Вырвича есть свободный топчан, и спрятаться с головой под пуховое одеяло, забыв о родинке панны Агнешки, ночной вазе ее тетки и о том, что завтра с утра — занятия по риторике, к которым Прантиш подготовился не лучше, чем индюк к заплыву в Вилии. А чтобы сон был слаще, представить одну благородную паненку с озорными глазами и улыбчивым ртом, с горделивым именем Полонея, которая сейчас, возможно, танцует на балу в Варшаве, — балы там могут греметь до утра, и не хватает среди пылких кавалеров пана Прантиша Вырвича герба Гиппоцентавр. Но придет, придет время, когда звезда пана засияет ярко, как камни на гетманской булаве, и Фортуна вместе с собственной отвагой подарит ему титул и славу, стоящие внимания княжны славного рода Богинских.

Вильня протыкала небо темными шпилями храмов, и прозрачная холодная кровь все капала и капала на черепичные и гонтовые крыши, на каменную мостовую, на траву, на Великое Княжество Литовское, которое снова ожидали большие перемены, а значит, потрясения, устремления и разочарования.

Глава первая

Наследие великого гетмана

Когда настоящий студиозус идет на лекцию, меньше всего он думает о лекции и учебе, о святом своем долге перед родителями, которые снарядили дитятко, возможно, на последние семейные деньги в объятия богини мудрости Минервы… Нет, объятия его волнуют — но не холодно-мраморные.

Студенты тащились к академии холодным осенним утром, как тени на топком берегу Леты, силясь сделать лица постными, как незаправленные щи, потому что в первую очередь всех ждала месса. Вырвич, схизматик, мог особенно не усердствовать, но присутствовать был тоже обязан — отцы иезуиты за этим строго следили. Если бы еще можно было научиться спать с открытыми глазами…

А после лекций, когда Вырвич уже почти чувствовал во рту вкус горячих клецок, случилось еще более неприятное. Винцук Недолужный, однокурсник Прантиша, исполнявший на курсе обязанности цензора, чернявый городенец с большой лобастой головой и плечами — на них можно было, казалось, молотить снопы, дернул Вырвича за рукав:

— Держись, друг. Тебя профессор Лёдник вызывает, чтоб он облез неровно. Злой, как Цербер, у которого одновременно из трех пастей по мослу отобрали.

В серых глазах Недолужного плескался застарелый ужас, потому что на протяжении последних лет не было для студента Виленской академии более страшного создания, чем доктор Балтромеус Лёдник, возглавлявший кафедру, так сказать, «всех подозрительных наук», и читал лекции по практической физике, химии, биологии, а также вел факультатив для тех, кто хочет заняться медициной. И не то чтобы доктор кричал или, упаси Бог, за волосы собственноручно кого-либо таскал — наоборот, пан Лёдник был человеком исключительного воспитания, казалось, заставить его измениться в лице или заорать не сможет даже появление пражского Голема на виленских улочках. Но суровый взгляд темных глаз совокупно с ядовитым тоном низкого голоса действовали на провинившихся, как взгляд василиска, то есть заставляли столбенеть от ужаса. А доктор находил такие въедливые слова, что некоторые нерадивцы выбрали бы лучше кожаной дисциплиной по спине, чем выслушивать выговоры пана Лёдника. Никаких компромиссов доктор не признавал, на благородство и богатство родителей не обращал внимания, подарки не принимал… Его побаивалась даже профессура, и слухи о докторе ходили невероятные, особенно среди первокурсников, которых один вид доктора пугал: высокий, хоть и не богатырского сложения, худое лицо, хищный нос, губы горделиво поджатые, а темные глаза пронзительные… Перекреститься хочется. Одни утверждали, что пан Лёдник чернокнижник и некромант, не слабее известного пана Твардовского. Иные считали его волком-оборотнем. Третьи сплетничали о необычном фехтовальном мастерстве доктора: шляхетство себе он добыл на поле боя, где спас жизнь великому гетману, но народу за жизнь положил не меньше, чем вся королевская янычарская хоругвь. О воинственном прошлом свидетельствовали шрамы на лбу и шее. И, конечно же, за выдающееся владение саблей заплатил демонический доктор страшную цену самому Люциферу, возможно, предоставил ему мешок бедных студентов, невовремя сдавших практикум…

Правда, учащиеся старших курсов на эти ужастики в основном усмехались: может, и был профессор черным магом, но и медиком выдающимся. Лекции его читались на грани святотатства, он критиковал учение Галена и рассуждал по поводу того, что болезни вызваны не излишком в организме одной из четырех жидкостей, а невидимыми вредными веществами, которые попадают в него снаружи, вместе с воздухом или водой. Поэтому отрицал неоспоримую пользу кровопускания и промывания желудка, кои, как известно, помогают от любых болезней. Доктор даже публичную лекцию прочитал о вреде модных «фонтенелей» — искусственно созданных на ноге нарывов, которым не дают заживать, чтобы через них из организма все время выходил гной. Лёдник утверждал, что именно такой «полезный нарыв» недавно свел в могилу российскую императрицу Елизавету. Хотя каждый знает, что французский баснописец Фонтенель, в честь коего и назвали явление, именно таким образом избавился от болезни, и чем больше крови из больного выпустить — тем лучше!

Многие коллеги за глаза называли Лёдника шарлатаном, и давно бы его, схизматика и святотатца, вытурили из святых академических стен, благословлённых Орденом Иисуса. Однако же с той поры, когда под присмотр Лёдника попала и начала пополняться его микстурами да бальзамами академическая аптека, стала она приносить нешуточный доход, и лечиться к профессору просились самые влиятельные лица, даже из Польши, Лифляндии и Чехии приезжали. Правда, принимал он далеко не всех, и никакими деньгами соблазнить доктора было невозможно — будто ему дракон ночами золото носил или в докторовом кармане склют завалялся, неразменный талер. Ведь разве может такой не очень состоятельный человек деньги презирать, что сами в руки идут?

Но за сложные случаи, когда все остальные лекари только руками разводили, Лёдник брался без разбора — нищий или магнат корчится на кровати… И за возможность совершить экспериментальную операцию подколенной аневризмы мог еще и сам денег приплатить. И плевать ему было, что коллеги по лекарскому цеху нос воротили от «низкого» хирургического дела, ибо хирурги приравнивались к цирюльникам и должны были считать врачей более высокой кастой. Но особенно защищало профессора от преследований то, что его опекал сам великий гетман, воевода виленский Михал Казимир Радзивилл по прозвищу Рыбонька. Вот и недавно Лёдника несколько раз к воеводе звали, который в Вильню приехал да совсем занемог. А великий гетман — не тот, кому какой-нибудь мошенник-ведьмак может пыль в глаза пустить.

Те, кто знал Лёдника получше, говорили, что он строгий, но справедливый, единственно не терпит лени и глупости. И задаром ходит лечить больных в госпиталь при православном братстве почти уничтоженного пожаром Свято-Духова монастыря. А его жена — такая неземная красавица, он ее беспременно из какого-то дворца выкрал… А студиозус Прантиш Вырвич, что в Вильню вместе с доктором приехал, то ли его внебрачный сын, то ли подопечный, хотя не приведи Господь такого опекуна, который мытарит и дома, и на занятиях.

Недолужный почесал темные пряди и сочувственно взглянул на унылое лицо Прантиша:

— А может, обойдется? Ты же профессору, кажись, родственник…

— Нет, не родственник… — безучастно ответил Вырвич. — Да и явись к нашему Балтромеусу хоть бы и Платон или Авиценна — он и им за неправильные дефиниции разнос устроит.

Коридоры стремительно пустели, студенты высыпали из строения, как сухие горошины из раскрытого стручка. Винцук с интересом всматривался в обличье Вырвича, будто хотел разобрать на нем скандинавские руны. В действительности хотел приметить хоть какое-то сходство с хищным высокомерным лицом Балтромеуса Лёдника. Но Прантиш Вырвич выражение черт имел жуликоватое, рот улыбчивый, волосы русые, непослушные, глаза голубые, честные, как у хорошего вора, а под носом — совсем не клювастым, а всецело пригодным для куртуазного шляхтича, — пробивались светлые усики.

— Послушай, ну хоть мне признайся — слово чести, дальше не передам, — кто тебе пан Лёдник? — не выдержал Недолужный. — Ты в его доме — свой, ночуешь, кормишься… Профессор за тобой, как за сыном, присматривает. Опекун, наверное?

Вырвич грустно улыбнулся:

— Напрасно языками молотите — не сын я ему. Мой отец — пан Данила Вырвич герба Гиппоцентавр — в прошлом году на Крещение умер, ты же помнишь, как я на похороны отпрашивался. Я — последний из рода, родственников не имею. А Лёдник… — Вырвич встретился с блестящими от любопытства глазами проверенного в проказах приятеля, снова улыбнулся каким-то своим воспоминаниям. — Помни, слово давал — не разболтать… Лёдника мне однажды… продали.

Если бы сейчас в коридоре появилось животное крокодил, кое согласно бестиариям воплощает лицемерие, ибо убивает человека и сейчас же над ним плачет, Винцук был бы не так поражен.

— Как это… продали?

— За шелег. Это все, что я тогда имел в кармане, — Прантиш немного паясничал, но было ясно, что не шутит. — На дороге из Менска в Раков остановилась рядом карета… Понимаешь, Лёдник добыл философский камень. Этот может… Упрямый… Но, добывая, наделал долгов и наконец заложил себя самого. А хозяин его разозлился, что Лёдник после этого отрекся от алхимии и астрологии, а добытого из меди золота оказалось не более щепотки, и продал его первому встречному… Так мне и повезло его заиметь.

— Так профессор… был твоим слугой? — брови Недолужного, похожие на двух черных пушистых гусениц, полезли на лоб. Вырвич фыркнул.

— Ты можешь представить пана Лёдника чьим-то слугою?

Недолужный в ужасе затряс головою. Легче представить, как литовский подскарбий Тризна, что в кресло не влазит, для которого король приказал специальную скамью во время сойма ставить, бодро танцует мазурку.

— Ну вот… Лёдник и тогда был таким же… Взялся за мое образование.

— Ой-е… — Винцук, очевидно, представил, как это — когда такой учитель около тебя постоянно. — Чтоб он облез неровно. И ты что, не выдержал и отпустил его на волю?

Прантиш отвел глаза и еле заметно покраснел.

— Да нет… Так получилось, что он сам себе добыл свободу и шляхетство. По справедливости и соответственно Статуту. На поле боя.

Однокурсник Прантиша помолчал, привыкая к новостям.

— И как же вы сейчас?

Прантиш широко улыбнулся.

— Знаешь, мы с доктором столько раз друг другу жизни спасали, не сосчитать. И, приятель, так случилось, что сейчас самые близкие мне люди на свете — это пан Бутрим и пани Саломея Лёдники. Вот так…

И снова сокрушенно вздохнул.

— Вот только от наказаний это меня не спасает. Холера…

— Холера… — согласился Недолужный, и приятели двинулись в сторону профессорского кабинета, печальные, как деревянные статуи святых в базилианском храме.

Кабинет заведующего кафедрой практических наук напоминал почему-то подземелье, хотя и находился на втором этаже: но то ли от тяжелой мебели из черного дерева, то ли от пыли фолиантов, которые своим весом прогибали полки, то ли от зловещего блеска химических инструментов и сосудов с заспиртованным неведомо чем, о коем лучше не знать доброму христианину, — здесь чудился мрак и пробирал, как от мороза, озноб. А наибольший страх нагонял восковой анатомический муляж, заказанный лично Лёдником во Флоренции. Муляж представлял собой наполовину рассеченный бюст молодого мужчины, причем все содержимое головы и грудной клетки было показано очень правдоподобно. И мышцы, и вены, и глазное яблоко, и кости…

Правда, сам хозяин кабинета, возвышавшийся над столом размерами с небольшой плац подобно черной скале, о которую разбиваются надежды бедных студиозусов, нагонял страху поболе заспиртованных тварей и раскрашенного воска. Даже Вырвич, которого профессор упорно не замечал, продолжая что-то корябать пером, нервно переминался с ноги на ногу и пытался проглотить вязкий ком боязни. Наконец профессор Лёдник смилостивился поднять глаза на Прантиша и отбросил перо…

Все, раз не положил аккуратно в специальную серебряную подставку в виде грифона с отверстой пастью, а бросил, даже чернила брызнули на стол, значит, сердитый, как этот грифон, и теперь спасай мою душу, святой Франтасий… Точнее, ту часть студенческого тела, через которую происходит процесс воспитания посредством розог и кожаных дисциплин.

Прантиш глубоко вздохнул и постарался придать лицу выражение искреннего раскаяния, даже голубые глаза от старания заслезились.

Лёдник заговорил, как мог бы заговорить египетский сфинкс с последним посетителем кабачка, что не только сфинкса, но и архангела Гавриила к утру может увидать.

— Значит, ключ от конвента забыл, — голос профессора звучал обманчиво тихо, аки далекие раскаты грома. — Ножку подвернул, бедняга, плутая… А не была ли та ножка пана Вырвича подвернута под окном одной благопристойной панны на улице Шкельной, а?

Голос профессора набирал мощь. Прантиш только голову в плечи вобрал, как черепаха, на которую нацелился с небес орел, и молчал, как король Жигимонт Ваза на элекционном сойме, правда, бедняге Жигимонту ничего не оставалось делать, так как ни польского, ни белорусского языка он не знал… А Лёдник уже шипел, не как орел, а как рассерженная змея.

— У меня только что был уважаемый цехмастер, пан Еган Пузыня. И рассказал о ночных похождениях одного самоуверенного неуча.

Прантиш почувствовал почти неодолимое желание драпануть отсюда… все равно куда, хоть бы и на лекцию. Даже ноги вздрогнули, сделали шаг в сторону двери, и Вырвич в очередной раз пожалел, что у Лёдников нет собственных детей и поэтому весь их воспитательный раж приходится принимать на свою бедную русую голову… Но профессор стремительно — действительно как черная змея — очутился просто перед студиозусом, отрезав все пути к отступлению. И началась… лекция. Прантиш только согласно кивал: да, болван, да, распутник, да, лодырь…

— Зачем ты полез к той девице, если знал, что от отца мало не попадет? Может, жениться собрался? Сватов будем засылать?

Вырвича даже передернуло, когда он представил, что будет до конца жизни, просыпаясь, видеть рядом на подушке круглое лицо с родинкой у рта и встречать сонный, как у теленка, взгляд… Ой, нет! Как говорил королевскому палачу шляхтич, которого одна не первой молодости паненка хотела освободить согласно древнему обычаю, накрыв своим платком-рантой и тем признать его мужем: «Быстрее, быстрее, пане Якуб, к виселице!»

Профессор, понаблюдав за страданиями подопечного, неожиданно улыбнулся.

— Дон Гуан нашелся из Подневодья… Ланцелот в посконных портах. Ты хоть знаешь, сколько мне пришлось здесь распинаться, чтобы убедить пана Пузыню не подавать на тебя в городской суд? Да передо мною Демосфен сопляком оказался бы! А может, и стоило сдать тебя на расправу, чтобы, наконец, научился отвечать за свои поступки? А сколько этих проказ за время учебы было? — Лёдник торжественно начал загибать пальцы. — В прошлом мае с уланами, пьяный, подрался, и кто тебе ключицу из осколков складывал и штраф платил? Доктор Лёдник, известно. В июне с таким же дурнем Вилию в бочках переплывать удумали, едва не утопились. На первом курсе твоя банда кресло пана судьи на астрономическую башню затащила…

Профессор сокрушенно вздохнул, вернулся за стол и утомленно подытожил:

— Вырвич, если бы вред от тебя сводился к взрывам во время дурацких экспериментов, я бы простил, оправдал понятной юношеской любознательностью… А здесь — одна шкодливость да похоть… А самое мерзкое — что соврал.

— Пан Лёдник, Бутримус, ну как же мне было признаться в таком афронте! — скорбно стукнул себя в грудь кулаком Прантиш. — Даже поцеловать красотку не успел. Свалился, ногу подвернул, да еще мерзостью облили… В конце концов, ты сам говорил, у меня характер сложный… Преобладание огненной стихии…

— Вот и отвечай за свой огненный темперамент! — грозно промолвил профессор. — Давно в карцере был?

Вырвич лихорадочно просчитывал в голове варианты, как бы наилучшим образом разжалобить своего бывшего слугу, но в коридоре послышались чьи-то уверенные шаги — по каменному полу бряцали шпоры, будто сюда шагал железный идол. Двери кабинета распахнулись, как от ветра, и к профессору ввалился насквозь пьяный шляхтич в щегольском, но мятом убранстве радзивилловских цветов, голубых с золотом — такие носили «избранные», ближний круг гетмана. Молодое, но уже хронически багровое лицо неожиданного гостя морщилось от горя, как пустая мошна, на вислых усах блестели слезы. Гость выхватил из-за слуцкого литого пояса запачканные лосиные рукавицы и кинул на пол, будто надеялся таким образом кого-то убить и тем получить облегчение собственным душевным страданиям.

— Имею честь разговаривать с паном Балтромеусом Лёдником? — прогундосил в нос шляхтич, покачиваясь сломанной камышиной, а в кабинет вошли еще двое, такие же взбудораженные и пьяные, — один с соломенным чубом, что уныло свисал из-под соболиной шапки, второй — постарше, пузатый, как корыто, с запухшими, будто подбитыми глазами. От шляхтичей пахло горелицей за литовскую версту.

Лёдник с достоинством выпрямился:

— Чем обязан приятному визиту милостивых панов?

Прантиш на всякий случай привычно занял стратегическую позицию рядом с профессором — не придется ли вспомнить былые боевые денечки? Но шляхтич в голубом жупане только отвесил поклон, едва не упав, и торжественно вымолвил, добавляя в голос рыданий:

— Несчастливый случай привел нас сюда, многоуважаемый пан Лёдник! Черными вестниками явились мы в Виленскую академию в этот проклятый день! Умер благодетель наш, отец наш, великий гетман Михал Казимир Радзивилл Рыбонька! Закатилось его светило и осиротело княжество!

Двое других шляхтичей застонали, закачались, хватаясь за головы и повторяя жалобные слова.

Лёдник низко склонил голову.

— Разделяю ваше горе, ваше мости, ибо эта весть и мне рвет сердце. Его светлость князь Михал Казимир — благодетель мой, он присвоил мне шляхетство и подарил имение. А самое главное, мудростью своей предотвратил страшное бедствие, кое ожидало нашу страну, когда могучие паны хотели учинить драку за владение святыней, которая принадлежит только Господу. И мне обидно, что не имели снадобья мои достаточной силы для продолжения жизни великого гетмана. Но лекарь — только инструмент, на все воля Господа, панове… Вечная память…

Лёдник перекрестился, гости также начали истово креститься… Даже Прантиш Вырвич почувствовал, как наворачиваются на глаза слезы: вспомнились события трехлетней давности, когда пришлось в Полоцке биться с войском российского наследника Павла, и как Лёдник заслонял собою Михала Радзивилла, как сам едва не умер от ран, как княжна Полонея Богинская вместе с красавицей Саломеей, женой Лёдника, спрятали в Полоцких подземельях копье святого Маврикия, привезенное когда-то в Полоцк рыцарем Гроба Господня Александром Солтаном, и те подземелья взорвали.

И где сейчас та Полонейка, ясноглазая, неугомонная, шаловливая Дама… Помнит ли еще своего верного рыцаря Прантиша Вырвича?

Вдруг на фоне общих всхлипов и вздохов не к месту звонко отбили время круглолицые часы, украшенные позолоченной виноградной лозой, и кощунственно весело защелкал железный соловушка, засуетился на веточке под циферблатом. Лёдник даже бросил на механического певца сердитый взгляд, будто надеялся, что тот, как первокурсник, сразу потеряет голос. Но соловушка отщелкал свои рулады и только тогда замер. Шляхтич в голубом жупане откашлялся, оглянулся на своих товарищей и торжественно промолвил:

— Должны мы, братья, выполнить последнюю волю нашего пана, который и на смертном одре не забыл, что ты, пан-брат Балтромей Лёдник, на поле боя спас его жизнь. На добрую память покинул он тебе… покинул… ну… такое…

В этом месте шляхтич остановился и даже оглянулся на товарищей, мучительно подыскивая слова, чтобы то наследие описать. Пузатый шляхтич помог:

— Очень редкую и дорогую вещь оставил! Приспособление! Научное! Выписанное из дальних заморских стран!

Третий шляхтич, с соломенным чубом, тонким, будто надорванным долгими рыданиями голосом пояснил:

— Его милость князь Радзивилл выкупил этот прибор для своей кунсткамеры за триста дукатов. Но никто покупки ясновельможного князя не видал, как привезли, так и стояла запечатанная. Потому что здесь знаток нужен… Ой, хороший знаток…

— И священник со святой водой и сакраментами… — проворчал пузатый, и Прантиш догадался, что вокруг таинственной вещи ходят не самые хорошие слухи.

Между тем в коридоре послышался грохот и сердитые, с одышкой, голоса… Несут! Прантиш еле сдерживался, чтобы не броситься навстречу, но шляхтичу, естественно, не к лицу такая поспешность… Шестеро слуг затащили в кабинет огромный ящик, в котором мог спрятаться если не конь, то жеребчик точно. Ящик был из основательных досок, покрытых красным лаком до зеркального блеска, по углам укреплен железными полосами, и даже со специальными бронзовыми ручками для держания. На переднем щите было выжжено слово «Pandora».

Тут же вперед вытолкали мелкого, похожего на полевую мышь, человечка в синем жупане — пана возного, пронзительным голосом зачитавшего завещание великого гетмана. Прантиш отметил про себя, что Михал Казимир приказал передать ящик под названием «Пандора» со всем содержимым пану Балтромею Лёднику, профессору Академии Виленской, незамедлительно после своей смерти, не дожидаясь оглашения основного завета, и возлагается ответственность за исполнение воли покойного на пана хорунжего Никиту Знасаковича (при этих словах молодой шляхтич в голубом жупане скорбно ударил себя кулаком в грудь).

Прантиш думал, что гости непременно дождутся, когда ящик будет открыт, но те сразу же поспешили уйти, кидая настороженные взгляды на принесенное добро. Только пузатый шляхтич, неодобрительно осмотрев банки, в которых плавали заспиртованные твари, да восковый бюст, на прощание проговорил что-то навроде: «В самые те руки передали демонские приспособы…»

На полу остались лежать грязные лосиные рукавицы.

Из опустевшего кабинета медленно выползал густой запах стародорожской горелицы, а посреди помещения, будто ковчег на Арарате, возвышался блестящий красный ящик. Даже портреты Галена и Гиппократа смотрели на него заинтересованно, будто пытались тихонько высунуться из тяжелых позолоченных рам.

— Давай откроем! — Прантиш даже подпрыгивал от нетерпения и предвосхищения чего-то необычного, и возможно, опасного. Профессор, чьи темные глаза тоже подозрительно разгорались, неуверенным голосом заговорил, что ему сейчас обязательно надо идти принимать участие в траурных церемониях по своему благодетелю, и времени нет, и осторожным нужно быть с неизвестными подарками, и… а, гори оно все синим пламенем!

В четыре руки, используя кинжал, хирургические клещи, молоток для трепанации черепа и другие подходящие и не очень инструменты, доктор и студиозус справились с ящиком за четверть часа. Доски упали, как порубленные крестоносцы, по комнате разлетелись облака хлопка, которым для безопасности была обложена неизвестная вещь в плотной белой ткани. Под окрики Лёдника «Осторожно! Не руки, а грабли!» стянули ткань… И Вырвич едва не сомлел. Там сидела покойница. Овальное личико с розово-белой кожей, яркий маленький рот, высокий белый парик, перевитый нитями жемчуга… А глаза! Да, самое ужасное — глаза, мертвые, блестящие, огромные, едва не по дукату, лучисто-серые, с синевато-белыми белками, с длиннющими ресницами… Лицо, кое можно вполне представить соединенным с туловищем чудовища, например, как у Феи Мелюзины, наполовину змеи, или у птицы Алканост, которая пророчит несчастья, или у Сирены с рыбьим хво-

стом, которая заманивает неосмотрительных мореходов волшебным пением, будто пузатого виленского каморника — запахом литвинского пива… Хотя разве может сравниться пение, даже самое возвышенное и руладное, с запахом свежего янтарного пива, сваренного в славном городе Вильне?

К счастью, Прантиш сумел удержаться от позорных для шляхтича проявлений испуга, потому что когда Лёдник целиком снял покрывало и глазам открылась красивая паненка в придворном наряде, только совсем необразованный человек мог продолжать нелепицу насчет забальзамированных трупов… Паненка была восковая. Вырвичу, однако, пришлось преодолевать некоторую жуть, чтобы прикоснуться к нарумяненной щеке подарочка от гетмана: воск, конечно… Белый воск. Но серые стеклянные глаза будто бы недовольно сверкнули.

Вырвич прошелся вокруг куклы. Она сидела за маленьким столиком из красного дерева, в тонких восковых пальчиках зажат карандаш, которым паненка, кажется, собиралась что-то писать на немного пожелтевшем листе бумаги. Из-под водопада тончайших — как паутинки и снежинки — кружев нижней юбки виднелся клювик зеленого башмачка, расшитого камешками. За корсетом алела шелковая роза. Невероятно тонкий стан был затянут в голубую парчу в розовые цветочки. Студиозус осторожно взял руку куклы, что лежала на столе: та не поддалась безвольно, ее можно было только немного приподнять, и была она тяжелая — похоже, внутри железные кости. Вырвич наклонился ниже: пальчики составлены из отдельных деталек, в щелях блестел металл, но на суставах даже морщинки обозначены — ясно, что моделью для отливки из воска послужила рука живой женщины. Прантишу на мгновение показалось, что ноготки, накрашенные розовым лаком, сейчас царапнут по его коже, вонзятся в тело до крови… Он аккуратно положил руку куклы на стол, с чувством, будто только что подержал сонную гадюку.

Зачем великий гетман заказывал неизвестно где, и очевидно за немалые деньги, эту зловеще-красивую куклу и какого рожна завещал ее доктору Балтромею Лёднику, Вырвич понимал не более, чем трактат сэра Ньютона о динамике небесных тел. А Лёдник между тем, закусив губу, как ребенок, который готовится поймать особенно красивую бабочку, ходил вокруг своего наследства, ощупывал его, что выглядело немного фривольно, и темные глаза горели на худом лице, а нос напоминал клюв хищной и очень голодной птицы, так что Вырвичу вспомнилось, что Лёдника за непреодолимую жажду знаний, не всегда безопасных, в его родном Полоцке когда-то прозвали Фаустом.

Проблема со стеклодувом Пузыней, его хорошенькой дочуркой и распущенным поведением студиозуса Вырвича была забыта, профессор вцепился в тайну, как породистый пес-медиалан в бок кабана.

Полоцкий Фауст встал за спиною куклы, задумался и вдруг резким движением расстегнул ее платье. И застыл со страшно довольной миной, будто созерцал марципаны небесные. Вырвич тут же нарисовался рядом, и глаза студиозуса полезли на лоб: в обнаженной спине куклы открывался сложный механизм со множеством колесиков и шестеренок, пружинок и шурупчиков… Будто наполнение часов разрослось подобно кусту лозы. Вырвич протянул было руку потрогать блестящие колесики, но сразу же получил от профессора по пальцам. Лёдник опустился на колени и едва не носом влез в кукольное железное нутро.

— Подобные механизмы, насколько мне известно, могут создать два человека на свете: швейцарец Жан Жак Дроу и Вокансон из Гренобля… — задумчиво промолвил профессор. — Каждая такая штуковина делается не

один год и не из одной тысячи деталей. И о ней известно всему миру. А об этой я никогда ничего не слышал.

Вырвич фыркнул — конечно, Бутрим уверен, что знает все на свете, и если он чего-то не слышал, то оно либо засекречено, либо нестоящее. Годы профессорства на докторову самоуверенность подействовали, как теплая вода на цветок, и расцвела она во все стороны, как куст розмарина.

— Это всего только кукла. С чего бы это трубить о ней во все рога?

— Кукла? — загадочно и до обидного покровительственно проговорил Лёдник. — Ты думаешь, над простой игрушкой такие мастера, как Вокансон, работали бы годами? Не удивлюсь, если со временем такие автоматы на некоторых работах заменят людей… Надеюсь, хотя бы не в брачной постели.

— Автоматы? — недоуменно переспросил Прантиш. — Что за холера?

— Ты, конечно, не читал трактат Жюльена де ля Метри «Человек-машина»? — со всегдашней невыносимой фанаберией снова начал лекцию профессор, не ожидая ответа. — Де ля Метри — последователь Декарта, он исповедует «ятромеханизм», согласно которому человек — всего только животное или сопряжение пружин. В трактате утверждается, что люди, как бы сильно ни хотелось им возвыситься, воспарить, по сути своей не больше, чем животные или прямоходящие механизмы. Ну, а из этого исходит, что такой механизм можно попробовать… сделать.

Прантиш в ужасе глянул на восковую дамочку и перекрестился. Лёдник снисходительно кивнул головой:

— Да, эта паненка должна уметь многое… Во всяком случае, на этой бумаге точно что-то отразит. Воплощал идеи Жюльена де ля Метри уже упомянутый мною мастер Вокансон. Вначале он сделал механического флейтиста, который играет на флейте менуэты и ригодоны — он действительно дует в инструмент, пальцы нажимают на клапаны… Посмотреть на чудо собирались целые толпы! Потом мастер сделал железную утку, что могла не только крякать, ходить, хлопать крыльями, но и есть, переваривать пищу и отправлять естественную надобность. Это я уже сам однажды наблюдал. И наконец, в академию Лиона Вокансон подал проект искусственного человека — автомата, чьи движения, кровообращение, пищеварение, сокращение мышц могли бы имитировать человеческие, даже трупы нам, медикам, не нужно было бы выкапывать, чтобы изучать анатомию…

Прантиш хмыкнул, потому что проблема с материалом для анатомического театра была настолько острой, что пахла пусть не костром, но тюрьмою — точно. Отцы-иезуиты и так следили за каждым шагом профессора-схизматика, а когда тот заводил разговор насчет практических занятий для своих студентов, улыбались так вежливо, что можно было скорее отравиться их доброжелательностью, чем получить согласие на очередной эксперимент. Тем более что медицинский факультет, как было обещано, так и не основали, кафедра Лёдника была скорее факультативной… Так что бывший алхимик все время серьезно рисковал. Но представить, что нужно вскрывать желудок автомату? Что кто-то мог попробовать сам создать живое существо, замахнуться на роль Господа?

— И сделал Вокансон это чудовище? — спросил Вырвич.

— Навряд ли, — мрачно ответил Лёдник. — Академики в Лионе боятся обвинения в богохульстве. Приравнивать человека к механизму — значит отрицать существование вечной души, упаси нас Бог от таких исследователей… Муравей не может сделать муравья.

Вырвич насупился.

— А не обвинят ли нас за эту тварь в колдовстве?

Лёдник хмыкнул.

— Кукла — это не страшно… Я видел гораздо страшнее. — Профессор поколебался и неохотно продолжил. — Был у меня в Праге один… учитель. Он очень хотел изучить настоящую душу. Подстеречь, когда она отделяется от тела, взвесить, если удастся — перехватить… Возможно, вселить в другое тело… Вот такие эксперименты — чудовищны. Это — уже за гранью дозволенного человеку…

Студиозус почувствовал, как по коже побежали ледяные мурашки. Лёдник никогда о своей алхимической юности не рассказывал, а из путешествий по Лейпцигам-Прагам-Лионам-Парижам-Лондонам и где там еще он успел побывать — тоже озвучивал не все. И Вырвичу вдруг показалось, что он совсем не знает мужчину с хищным профилем, который стоит рядом в черном камзоле и аккуратном парике.

— Вы что, людей ради экспериментов убивали?

Лёдник глухо ответил, всматриваясь куда-то в пространство:

— Я — нет… Но мой учитель, боюсь, ни перед чем не останавливался.

Умолк, опустив голову, и тени в углах комнаты потемнели.

— Каждый день напоминаю себе, какое счастье, что Господь вовремя меня остановил, не дал дойти до бездны. Пусть и позволил, чтобы я сам себя сделал рабом, потерял все, что ценил. А ты думал — я неизвестно почему раскаивался, от алхимии отказывался? — Лёдник горько улыбнулся. — Да, я только наблюдал… Делал вид, что не догадываюсь о безбожных стадиях экспериментов… Но где-то же, на краю сознания — знал! Любопытство перевешивало все… Даже боязнь погибнуть духовно. До конца жизни теперь вымаливать…

Встряхнул головой, будто сбрасывая тяжелые воспоминания.

— Так что автомат — это ничего, это интересно и может иметь практическое применение. Потому что Вокансон и новые ткацкие станки придумывает…

Прантиш тоже отогнал ужасные картинки, кои рисовало воображение о чернокнижном прошлом его бывшего слуги, взлохматил русый чуб.

— И ты думаешь, что эта кукла может есть и… ну… отправлять надобности?

— Это навряд ли! У Пандоры органов пищеварения не предусмотрено! — улыбнулся Лёдник.

— Почему Пандоры?

Профессор показал на деревянный щит от ящика, прислоненный к стене, с выжженной надписью.

— Надеюсь, не требуется напоминать, что согласно античным мифам красавицу Пандору создала богиня Гера, которая хотела отомстить людям, и прелестница из-за своего любопытства открыла сосуд с запечатанными болезнями и бедами.

Вырвич только отмахнулся:

— Да ну их, мифы… Давай лучше автомат этот включим, посмотрим, что он делает!

— Если бы его можно было включить, я бы это сделал, — недовольно объяснил Лёдник.

— Сломан? — разочарованию Вырвича не было границ.

— Конечно же…

— Вот бы Якуба Пфальцмана сюда, он бы разобрался! — мечтательно промолвил Прантиш, рассматривая сероглазую Пандору. — Пфальцман — настоящий мастер…

Как студиозус и рассчитывал, упоминание бывшего однокурсника, отменного изобретателя, который придумал двигатель нового вида и сделал железную черепаху — боевую машину по чертежам великого Леонардо, подействовало на профессора, как свежая кровь на ворона. Лёдник поджал надменные губы, аккуратно снял камзол, повесил на высокую спинку кресла, напоминающую силуэт готического храма, стянул парик, и черные волосы, перетянутые на затылке шелковой лентой, упали на спину, решительно засучил рукава ослепительно-белой рубахи… Если бы кукла, ради исследования которой происходили эти подготовительные процедуры, могла мыслить, то, несмотря на высоту, выпрыгнула бы в окно: полоцкий Фауст принял вызов и не отступит, даже если нужно будет разобрать подарок до последнего винтика. Вырвич тоже радостно закатал рукава… Может быть, возиться с механизмами и не совсем шляхетское дело, но Прантиш твердо усвоил, что в науке свои баталии и дуэли, которые требуют смелости не меньшей, чем военное дело.

Металлический соловушка снова зашуршал, защелкал на циферблате часов, но на него обратили внимание не большее, чем на залетевшую муху. С восковой Пандоры бесцеремонно и неделикатно стащили голубое в розовые цветки платье, и оскорбленная красавица напрасно всматривалась грозным взглядом лучистых серых глаз куда-то в пространство, из которого приходят призрачные мстители за честь восковых дам.

Профессорский слуга Хвелька, курносый добродушный толстяк, несколько раз стучал в дверь, почтительно просил сообщить, когда пан профессор появится дома, потому что пани Саломея волнуется… Но был отправлен назад очень непочтительно — даже губы у бедняги от обиды задрожали… Хвелька достался профессору полумертвым от желтухи — хозяин, известная пьянь, приехал в Вильню на соймик, ну и загулял, слуга тоже нализался как грязи, печень и не выдержала… Лёдник случайно заметил его в углу пировального зала скрюченным в узел. Хвелькиному пану было не до забот о больном, и он предложил доктору, если ему так уж интересна судьба пожелтевшего неудачника-холопа, выкупить его за десять талеров. Лёдник холодно сказал, что его самого в свое время продали за шелег, но Хвельку за названную цену выкупил, выходил и стал для спасенного земным божеством, грозным, всемогущим и милостивым. С единственным пороком — запрещает бедняге слуге намочить усы даже в пиве…

Богатый пациент несколько раз присылал лакея… Стремились в кабинет проштрафившиеся студиозусы… Приходили от профессора Франтишка Попроцкого, который уже несколько лет выпускал в Вильне «Политические календарики», для коих Лёдник писал статьи по медицине. Но все получали из-за запертых дверей довольно резкие предложения появиться в другой день и, напуганные подозрительным лязгом в кабинете, считали за лучшее уйти.

Тем более, было чем себя занять: славный город Вильня начинал многодневное горевание по умершему великому гетману Михалу Казимиру Рыбоньке, тело которого должны были перевозить в Несвиж. Погребение и другие траурные церемонии с личностью такого ранга занимали люд честной не менее, чем военные действия. К тому же и побоища могли случиться. В Вильню должен был приехать сын и наследник Михала Казимира, Кароль Радзивилл по прозвищу Пане Коханку. Следовало решить судьбу освобожденной после смерти Михала Казимира должности воеводы виленского… И Кароль твердо рассчитывал ее унаследовать. А этого желали далеко не все, потому что многие почитали князя за безумца и рассказывали, как даже покойный ныне отец нередко приказывал подымать мосты перед своим замком, дабы

не пустить пьяного в мякину сыночка с его «албанской бандой», предлагая протрезветь детинам за ночь на морозе. Однажды даже приказал в воздух из пушки стрельнуть, чтобы отогнать оголтелых. Из такого, порченого, — что за повелитель? На соседей наезды устраивает, в конторах окна бьет… А на должность виленского воеводы уже претендует представительный пан Михал Богинский, представитель Фамилии — могучего объединения магнатов во главе с Чарторыйскими. И когда соберется сойм… Уже сейчас под окнами гудят-шумят волны фанаберии людской, а буря вся впереди… И кто знает, где восстанет нерушимая скала, о кою то море разобьется, или где строится спасительный ковчег — не здесь ли, в кабинете профессора Виленской академии, из покрытых красным лаком досок, на одной из которых написано имя «Пандора»?

Вдруг рука куклы шевельнулась — это было даже страшно. И начала водить карандашом туда-сюда. Все остальные части куклы оставались омертвелыми. На листе бумаги возникли ровные полукруглые линии.

— Здорово! — обрадовался Прантиш. Но Лёдник выглядел недовольным.

— Этого очень мало. Будто кто-то специально поставил на механизм ограничитель «для дураков». Чтобы включили и успокоились. А я не люблю, когда меня считают дураком. Нужно задействовать эту паненку целиком.

И Лёдник с новыми силами взялся за ремонт, как мороз на ночь.

— Бутрим! Тебя в алхимическое золото переплавили? Ты зачем Хвельку прогнал?

В комнату стремительно вошла женщина с гибкой и стройной фигурой, ее волосы были забраны под скромный чепец, но огромные синие глаза смотрели так, что истинный мужчина под взглядом этих глаз сразу же мечтал убить дракона или совершить хоть какой-нибудь подвиг, лишь бы посмотрела более ласково, лишь бы улыбнулись эти совершенно очерченные губы…

— Прости, Саломея, но у меня интересная научная загадка… — пробормотал Лёдник, который стоял на коленях перед восковой панной, сунув за ее спину руку, даже не взглянув на живую красавицу. Но пани Лёдник не обиделась. Она как завороженная смотрела на Пандору.

— Ого, какая у тебя новость! Действует?

— Нет… — буркнул Лёдник. — Рисует каракули, но я уверен, это только для отвода глаз. Сначала были отсоединены несколько деталей, и похоже, это кто-то сделал нарочно. А какой-то важной детали просто нет. Мне нужно понять, как она должна выглядеть.

Гостья сразу же присела рядом с мужем, всматриваясь в механизм.

— Я не очень разбираюсь в машинерии… Но, возможно, вот это колесико должно быть сочленено вон с тем?

— А я думаю, нет, — рассеянно ответил Бутрим. И понеслось… Дискутировать семейная пара Лёдников умела в совершенстве, с использованием десяти языков и множества научных словечек, от коих у нормального студиозуса сводит челюсти, как от черемуховых ягод. Вскоре нежные белые ручки пани были также выпачканы смазкой и оцарапаны острыми зубцами шестеренок, как и у Прантиша и профессора, и все присутствующие, кроме сероглазой Пандоры, успели три раза поссориться по поводу назначения той или иной детали… И Вырвич в очередной раз подумал, как же повезло Лёднику с женой…

Лёдник начертил гипотетический вид детали, которой не хватало, после чего они с Прантишем пробовали что-то похожее сделать из латунной проволоки… Установить на нужное место…

Только колокол, который просигналил, что время гасить огни, заставил прервать работу. Тут же защелкал металлический соловушка, восковая рука Пандоры вздрогнула, и зажатый в ней карандаш провел по бумаге еще несколько линий, потом черта немного искривилась… Но дальше дело не пошло.

— Ну, почти закончили! — удовлетворенно промолвил Лёдник, размазывая по щеке жирное черное пятно. — Нужно только заменить пружинку… Завтра закончим, и барышня нам что-то напишет…

— Бутрим, — неожиданно серьезно заговорила Саломея, заглядывая в мертвые глаза Пандоры. — Мне почему-то неспокойно… Не нравится мне эта кукла. С чего бы это такой странный подарок от гетмана? Не прячется ли здесь какая-то интрига, и мы снова по самые уши встрянем в кровавые приключения?

— Прекрати, Залфейка, — покровительственно промолвил утомленный Лёдник. — Это всего только интересный дорогой автомат для развлечений богачей. Уверен — если бы не хворь, князь просто пригласил бы меня помочь запустить эту штуку. У пана Кароля Радзивилла вон золотой павлин есть, который ходит и хвост распускает. Какие тут могут быть тайны, кроме механических?

— Возможно, и так… — тихо промолвила Саломея. — Но ты сам рассказывал мне историю пражского Голема. И я чувствую, что лучше всего было бы тебе взять топор, порубить эту куклу вдребезги да утопить в Вилии…

— Нервы у тебя расшатались, Залфейка! Сделаю тебе на ночь отвар львиной травы… — Лёдник прижал к себе жену, поцеловал ее в лоб.

— Все, идем… А ты, кот мартовский, — сурово взглянул на Прантиша, — пойдешь с нами. И переселишься с этих пор в наш дом. Теперь ежедневно, как стемнеет, — чтобы был в комнате! Ясно?

— Ясно… — пробурчал Вырвич. Пани Саломея нахмурилась.

— А что случилось? Почему ты так с мальчиком строго? Пан Вырвич чего-то натворил?

— Потом расскажу… — недовольно ответил профессор, застегивая камзол.

А под окном ревели пьяные голоса, будто грешные потомки Адама просились к праведному Ною в ковчег, который вздымается на волнах Всемирного потопа все выше и выше:

— Умер его мость князь Радзивилл! Оплачем великого гетмана! Гуляем, паны-братья, в память щедрого князя нашего!

В опустевшем кабинете смотрела во мрак серыми мертвыми очами восковая кукла в белом парике, украшенном жемчугами, и никто не видел, кроме металлического соловушки, как дернулась ее рука с зажатым в пальцах карандашом…

Глава вторая

Рисунок Пандоры

Когда древние греки хотели почтить память умершего, они ставили на его могиле не обычный памятник, а так называемый курос. Обнаженную глиняную фигуру эдакого идеального, усредненного покойника. С соответствующими пропорциями, со слепоглазым улыбчивым лицом, длинными кудрями,

широкими плечами… И правильно, смерть всех уравнивает, зачем потомкам помнить, что были покойники на момент ухода с этого света лысыми, хромыми, горбатыми, с отвислыми животами, а годами созерцая надмогильный курос, даже тот, кто когда-то вкладывал в некрасиво разинутый беззубый рот с синюшными губами медный обол — плату Харону, начинал верить, что покойный был именно вот такой — уверенный в себе, улыбчивый красавец и силач…

Ради великого гетмана, виленского воеводы не нужно было лепить глиняного болвана, чтобы все и каждый представили его сарматским рыцарем без единого порока. Ибо прославления качеств умершего приобретали все большую силу, шляхта друг перед другом состязалась в изобретении витиеватых определений, чему, ясное дело, способствовала река медовухи, которая щедро лилась за поминальными столами. Сын покойного, его мость Кароль Радзивилл, даже мычать не мог, так упорно топил свое горе… Говорили, что даже подписал, не читая, подсунутую ему ушлым приятелем Богушем дарственную на имение Дубинки, ну и много еще чего с погруженным в траур добросердечным князем разные стяжатели вытворяли…

Правда, если бы и поставили в эти дни посреди Вильни князю Михалу Казимиру Радзивиллу согласно античным обычаям глиняного идола, его бы сразу же неосторожные в горе своем поклонники в щебень превратили…

Так что никого не удивила живописная группа, которая среди крупнозвездной сентябрьской ночи мерила все углы на Остробрамской улице: двое шляхтичей, в распахнутых кунтушах и жупанах, со сбитыми набекрень шапками, и кургузый, но объемный слуга, пытающийся придать своим панам более-менее прямое направление движения. Правда, шляхтичи не ревели и не пели. Старший, который повыше, только ругался сквозь зубы, но как-то странно, на нездешних языках, сразу нескольких, да время от времени сокрушенно повторял:

— Три лекции! Три лекции завтра!

Тот, что помоложе, который раскачивался маятником не меньше, утешал спутника непослушным языком, будто во рту пчелы похозяйничали:

— Плюнь ты, Бутрим, на эти лекции! Ты теперь шляхтич, а не клистирная трубка!

Старший резко остановился, едва не опрокинув всю компанию, и грозно зарычал низким голосом:

— Я — сын кожевника! Не собираюсь забывать о своем происхождении! Мой герб — мои знания! Я — доктор! Я учу и лечу, и в том предназначение мое! Апостол Петр был рыбаком и этого не стеснялся! А Господь наш — сын плотника!

Где-то рядом завыла собака, ее жалобный вой охотно подхватили хвостатые соплеменники во всех дворах до самого базилианского монастыря.

— Тихо ты, сумасброд крученый! Хочешь, чтобы за кощунство да оскорбление рыцарства в острог законопатили? — сердито одернул спутника молодой шляхтич, чей русый чуб прилип к потному лбу. — Могу снова тебя в слуги взять, если паном быть не хочешь! И вообще… сейчас пошлю Хвельку за пани Саломеей!

Хвелька, почти трезвый и измученный, второе исходило из первого, встрепенулся, его круглое курносое лицо просветлело надеждой, как полная луна, с которой сползла тучка…

— И действительно, пан Прантиш, давайте я сбегаю, позову пани, здесь уже недалеко, а вы его мость пана доктора постережете! Ишь, как его разо-

брало — никогда таким не видел… С непривычки, наверное. Он обычно не пьет совсем, одно лишь свои отвары… А это вредно! — голос Хвельки стал менторским, хотя его прозрачно-серые глаза все время пугливо косили в сторону хозяина, беспомощно свесившего голову, так что шапка едва не падала. Эдакий непривычный вид доктора придал слуге отваги.

— Нельзя мужчине совсем без вина да горелицы… Горелица червецов убивает, и сало без нее в животе застревает… — продолжал бубнеть Хвелька. — Вот прежний мой хозяин, пан Адам Малаховский, пристрой, Боже, его душеньку в небесной корчемке, единым духом мог кварту медовухи выпить — и ничего! Даже ясновельможного пана нашего короля, Августа Саса, однажды перепил, из двух кубков, имя которым было Иван да Иваниха… — Хвелька ностальгически вздохнул. — Ах, пане Прантиш, а как же пышно хоронили гостей на кладбище у панской усадьбы! И каждый день служили в костеле мессу за умерших от панского угощения! Да за такие похороны можно полжизни отдать. А у вас что… Ги-ги-ена одна, тьфу! После доброго шляхетского застолья гости не должны на своих ногах домой идти! Позор это! А самое недоброе — не давать честному слуге своему выпить в гостях ни глоточка доброго винца…

— Язык отрежу! — рявкнул вдруг Лёдник, подняв голову, и слуга испуганно взвизгнул:

— Так, может, я за пани Саломеей?..

Имя Саломеи подействовало на доктора, как жбан рассола. Он снова выругался по-чужеземному, на этот раз на старогреческом, сердито зыркнул темными страдальческими глазами на Хвельку и молча побрел дальше… Прантиш, взбодренный тем, что наконец оказался в чем-то более искушенным, чем Лёдник, — правда, доктора на гетмановских поминках спаивало намного больше уважаемых гостей, чем пана Вырвича, — вознамерился поддержать профессора. Но это благородное намерение, к сожалению, пропало втуне, ибо Прантиша пошатнуло так, что он на мгновение перепутал, где мостовая, где забор, где звездное небо, и только неожиданно твердая рука бывшего слуги удержала его от объятий с мокрыми камнями. Лёдник даже в таком состоянии продолжал защищать былого хозяина. В итоге оба преклонили колени на виленских кошачьих лбах перед стеклянным богом, признавая его победу.

— Три лекции! У меня завтра три лекции! И кон… кон… суль… тация п-печени!

— К хромой свинье твои лекции, Бутрим! И печень тоже…

Где-то далеко послышались выстрелы и пьяные выкрики.

— Вечная память славному гетману!

Мудрая пани Саломея не сказала ни слова. Передоверив Прантиша заботам Хвельки, не особо довольного такой честью, потащила мужа в опочивальню. Отваров ради такого случая было уже наварено два кувшина.

Утро было тяжелым. Примерно как пушечное ядро. Во всяком случае, если бы над ухом Прантиша выстрелила пушка, гудения в ушах не могло быть больше.

— На, пей…

Чья-то рука поднесла ко рту студиозуса железный кубок с горячим душистым отваром. Прантиш даже глаза как следует не разлепил… Отвар попал в горло, сухое, как пустыня, где сорок лет бродил Моисей со своим народом, и

оживил этот бесплодный пустырь… Глаза, наконец, открылись… Ну да, перед студиозусом возвышался профессор Лёдник, суровый, как скала, из которой только Моисей и смог выбить жезлом воду… Несмотря на огненных кузнечиков, прыгавших в глазах, Прантиш хихикнул: ситуация до боли напоминала утро трехлетней давности, когда Вырвич молодецки напился токайского вина в придорожной корчме под громким названием «Рим», и только что приобретенный слуга — этот самый доктор — подавал ему похожий отвар с таким же самым кислым выражением на лице…

— Лекции отменили… — проворчал Лёдник, которому по логике должно было быть ныне аки снопу на току после хорошей обработки цепами, и уж никак не до лекций. — Траур по всему городу.

Прантиш со вздохом облегчения упал назад на подушку и тут же застонал от головной боли. Память возвращалась обрывками, отматываясь назад, как цепь на колодезном вороте. Вот они возвращаются домой, обивая углы и вытирая мостовую, вот во дворце Радзивиллов в память умершего великого гетмана подымается кубок за кубком, кто-то орет: «Подлейте еще уважаемому пану Лёднику!» Вот на багровом лице наследника, Кароля Станислава, остекленело блестят глаза, и молодой князь в своем любимом белом жупане, унаследованном от предков и запятнанном во все цвета усилиями тех же предков, да и самого Кароля, в очередной раз валится под стол, его подхватывают многочисленные руки прилипал, один из них украдкой стаскивает с пальца сюзерена сигнет… Вот Прантиш с Лёдником подъезжают ко дворцу… Выходят из университета… Вот запирается помещение, в котором остается кукла с серыми глазами…

— Пандора! — Прантиш забыл о головной боли и вскинулся на кровати. — Бутрим, пошли куклу чинить!

Лёдник потер лоб, который, очевидно, все же трещал немилосердно.

— Ad res portandas asini vicitantur ad aulam (Ослов зовут во двор для перевозки тяжестей). Позавтракаем, оклемаемся, приму писаря с больной печенью, тогда можно будет и автоматом заняться.

Прантиш встал на ослабевшие после вчерашнего ноги, нетерпеливо вздохнул. Докучный все-таки этот доктор.

— Паны будут трапезничать, или хватит рассола? — с легкой насмешкой прозвучал голос хозяйки, неслышно зашедшей в комнату, и Прантиш улыбнулся: когда смотришь на пани Саломею, которая любезно улыбается, нужно быть бездушным автоматом, чтобы не ответить тем же. У пани ямочка возникала почему-то только на левой щеке… И хозяин дома, если не было посторонних, эту ямочку тут же стремился поцеловать. Сегодня, похоже, ему было не до того. Странно даже, что как обычно фанаберится. Лекций непрочитанных жалеет. Да страшно представить, как бы он сегодня на тех лекциях студентов школил!

Пани Саломея одета была в скромное коричневое платье, блестящие черные волосы убраны под белый чепец, изящная рука сжимала четки. Прантиш знал, что больше всего на свете пани мечтает подарить мужу дитя, но Бог не дает… И пани беспрестанно молится о такой милости. Вот и сегодня, видимо, успела уже слетать в Свято-Духову церковь.

Где-то на ратуше часы пробили полдень. Ничего себе заспался студиозус! В профессорском доме тут же отозвались напольные часы из черного дерева, что стояли в столовой, — приличные черные часы безо всяких украшений да безделиц, без искусственных соловушек, нездешних пейзажей в эмалевом

окошке, танцующих фигурок. Эти часы, как и хозяин, были строги и упрямы: двенадцать часов пополудни — и все, имеете научный факт.

Но как и хозяин, они хранили в себе множество тайн, ибо время — наибольшая тайна, которую нельзя осознать, но страшно хочется взнуздать. По крайней мере, Прантишу очень хотелось немного обогнать его и заглянуть в то светлое будущее, где он с гетманской булавой в одной руке другой обнимает очаровательную паненку Полонею Богинскую в ослепительно-белом платье, расшитом настоящими диамантами! И смотрит Полонея на него так, как… как пани Саломея на клювоносого хмурого Лёдника, когда тот не видит.

Прантиш не прекратил воображать свои будущие подвиги даже когда сел за стол, от сладких картин едва ложку в крупяник не уронил, отчего и словил с другого конца стола строгий взгляд Лёдника. Эх, где те времена, когда славный шляхтич Вырвич своего бесправного слугу Лёдника, который за долги отдал себя в пожизненное рабство, одним взглядом мог заставить молчать, имел право поставить его на колени и даже голову безродную отсечь за оскорбление… Не то чтобы Прантиш желал для своего учителя рабской доли, но сохранить немного власти над этим Фаустом не повредило бы.

Вырвич тоскливо вперился в картину в тяжелой золоченой раме, украшавшую столовую: на ней уважаемый философ Аристотель, худой старикан с длинными седыми кудрями и бородой, степенно приложив руку ко лбу, занимался мудрствованием на фоне мраморных колонн, увитых виноградом и вьюнками. Картину Лёднику подарил один из пациентов, рисовальщик, выписанный из Италии для росписей в костеле. Доктор ловко вправил худенькому, лохматому, как черный баранчик, италийцу локтевой сустав, поврежденный во время падения с лесов, заодно подлечил его больные легкие. И вот вам — Аристотель… Если присмотреться, то древний грек имел определенное сходство с профессором. По крайней мере, в старости последний мог бы выглядеть как-то так… Прантиш еле сдержал смех, представив Лёдника с длиннющей седой бородой, в сандалиях и белой простыне…

— Рубец с анисом, как ты любишь, — сказала хозяйка профессору, осторожно ставя на стол тяжелую миску. Запах был такой соблазнительный, что Прантиш, который, садясь за стол, был уверен, что пара ложек крупяника — это все, что сможет этим утром принять его несчастный желудок, невольно облизнулся.

Но получить наслаждение от вкуснятины, приготовленной Саломеей Лёдник, студиозусу была не судьба. На улице отчаянно залаял рыжий Пифагор, в ворота настойчиво постучали, послышался тонкий испуганный голос Хвельки…

Гость в дом — Бог в дом, как утверждают блюстители сарматских обычаев… Но блюстители иногда ошибаются. На этот раз гостей было двое, но весьма опасных. Оба одеты в мундиры банды альбанцев — особого войска, которое еще юношей создал Пане Коханку в своем имении рядом с Несвижем, торжественно именованным Альбой. В банду отбирались самые отчаянные, дюжие и до конца преданные своему пану. Канцлером у них был в свое время недоброй памяти Михал Володкович, расстрелянный два года назад в Менской ратуше за особенные буйства — после его смерти князь неслыханно горевал, говорили, что он даже призрак Володковича еженощно видит.

На плечистых усатых гостях были жупаны из голубого атласа, саетовые кунтуши соломенного цвета, серебряные пояса, желтые сафьяновые сапоги, красные шаровары и голубые шапки с околышем из крымской мерлушки. Пуговицы блестели диамантовыми буквами — инициалами Кароля Радзивилла.

— Приносим извинения его мости пану хозяину за внезапность нашего визита, но пусть его милость пан Лёдник милосердно простит убитых горем рыцарей, кои потеряли своего ясновельможного властелина…

Альбанец с черными аккуратными усиками и пронзительными узкими зелеными глазами, который представился паном Домиником Богушем, ближайшим другом уважаемого пана Кароля Радзивилла, изрекал витиеватые скорбные слова по всем правилам этикета. Прантиш с удивлением отметил, что оба шляхтича были почти трезвыми, их лица не опухли от рыданий и перепоя. А пристальный взгляд черноусого так и совсем не понравился. Прантиш тихо-тихо переместился к стене, где в специальных подставках дремали сабли, шпаги и палаши. Лёдник не собирался забрасывать благородное мастерство фехтования, и в доме, хоть и небольшом, кроме кабинета и лаборатории было выделено специальное помещение для муштры и регулярно пополнялась коллекция оружия.

Между тем пан Богуш наговорил, будто на скрипке наиграл, необходимую, и даже с лишком, порцию извинений и перешел к делу. В соответствии с его словами, его мость Пане Коханку для наилучшего сохранения памяти отца готов за любую сумму выкупить ту восковую куклу, кою Михал Казимир Радзивилл на смертном одре завещал доктору Лёднику.

Звучали рулады насчет вечной сыновней памяти, но Прантиш, который и сам природную способность имел пыль в глаза пускать да языком мягко стелить, даже затылком ощущал какое-то мошенничество.

— А нельзя ли нам, многоуважаемые паны, лично встретиться с его милостью князем, чтобы выразить свое соболезнование и договориться насчет лучшего исполнения завещания великого гетмана? — благонравно спросил Вырвич. Злые угольки, на мгновение загоревшиеся в глазах пана Богуша, сказали о многом. Пан заверил, что обременять его мость князя какими-то заботами непочтительно.

— Ну вот и подождем, паны-братья, пока законное горе ясновельможного князя не войдет в берега. Потому что он сейчас той куклой заниматься не станет.

Гость от злобы едва зубы не стер. Потом с мнимым безразличием спросил, работает ли установленный в кукле механизм. И услышав, что он испорчен, даже изменился в лице. А его товарищ, седоватый и длинноносый, не постеснялся и пригрозить… Глаза Лёдника запылали черным огнем.

— Великий гетман оказал мне честь своим последним подарком. Я буду свято беречь его и не отдам ни за какие деньги, даже если придется заложить последнюю рубаху. Такая была воля его милости Михала Казимира Радзивилла, а его воля для меня важнее надобности всех иных многоуважаемых панов!

Пан Богуш не желал, похоже, доводить дело до дуэли. Он успокоил товарища, у которого уже глаза начали наливаться кровью, и почтительно распрощался… Но яснее ясного дал понять: не отступит. Пандору придется отдать.

Когда на улице стих лай разозленного Пифагора, Саломея печально вздохнула:

— Говорила я вам, недобрая эта кукла.

Лёдник молчал, и в этом молчании была гроза. Потом горделиво вскинул голову, стремительно подошел к стене с оружием и решительно взял свою саблю турецкой работы с простым эфесом, украшенным только строгой серебряной чеканкой, тоже когда-то подареную великим гетманом.

— Вырвич, двигаем в академию! Я не позволю всяким фанфаронам отбирать у меня из-под носа интересный научный прецедент!

— Фауст, остынь! — схватила мужа за рукав Саломея. — Отдай им куклу и забудь! Снова хочешь по самую шею в неприятности вляпаться?

Но глаза профессора горели упрямым холодным огнем, хорошо знакомым Вырвичу. Если Лёдник эдак в чем-то упорствовал, его можно было убить, но не отговорить. Профессор, как черный вихрь, прошел в прихожую, молча нахлобучил шляпу, запахнулся в плащ и даже не взглянул на жену, которая, в отчаянии прикусив губу, смотрела ему вслед.

Прантиш еле поспевал за доктором, рассекавшим воздух, как пиратский корабль. Прохожие, боязливо косясь, уступали ему дорогу, кто-то, наверное, и перекрестился вслед. Первые сухие листья падали на мостовую, будто о чем-то предупреждали — о грустном, естественно: смерть, тление, неизбежный переход от надежной веточки к холодной почве, приукрашенный несколькими мгновениями свободного полета…

Пандора, прекрасная и недвижная, все так же смотрела перед собою в пространство серыми лучистыми глазами, только Прантишу почудилась в них злая насмешка. Даже зловещая… Потому что на пожелтевшем листе бумаги, который лежал на маленьком столике перед куклой, красовался рисунок — карандаш, зажатый в руке автомата, застыл в его последней точке. После некоторого оцепенения оба исследователя бросились изучать послание механического духа. Обычный пейзаж: сложенное из крупных камней строение, похожее на склеп, на полукруглой арке над входом надпись на латыни «Здесь добудешь победу огня над железом». Внизу рисунка был ряд мельчайших цифр, поделенных на группы черточками, и столбцы букв, из которых никак не желали складываться знакомые слова.

Рисунок, если присмотреться, был несовершенный — он весь состоял из отдельных прямых черточек, отчего казался шероховатым. Но никто бы не догадался, что рисовал не живой художник, а бездушный автомат. Лёдник и так и сяк крутил лист, смотрел на свет, едва не пробовал на вкус.

— А что это за место? — не выдержал Вырвич. Профессор пожал плечами.

— Не знаю. Правда, надпись над входом заметная, о ней может быть известно. «Победа огня над железом»… Victoria ferrum luce... Что-то символическое, эзотеричное… Может, там тайная лаборатория? — в голосе профессора послышалась мечтательность — так ему, похоже, возжелалось в ту лабораторию, за новыми знаниями. — Тайну происхождения ее, уверен, раскрывают эти буквы и цифры… Эх, есть один способ… Если бы это мне раньше в руки попало, я бы провел некий ритуал… — лицо Лёдника сделалось таким жадно-хищным, что Прантиш перепугался — понял, что доктор вспомнил о своих занятиях черной магией и вот-вот возобновит практику… Но тот опомнился, встряхнул головой, сбрасывая одурь, виновато перекрестился, пробормотал короткую молитву.

— Нужно включить наш автомат, пусть еще порисует.

Лёдник принес со своего стола лист бумаги, положил под руку Пандоры. Прантиш, не ожидая приглашения, с радостным предчувствием нажал на маленький рычаг в спине куклы. Послышался легкий шум, будто скользили по хрусткому снегу санки, потом что-то внутри восковой фигуры стукнуло, Пандора резко подняла лицо, и ее глаза встретились с глазами студиозуса. Вырвич еле удержался, чтобы не отскочить от дьявольской фигуры. Кукла посмотрела направо, налево, причем поворачивалась не только голова, но также и глаза, а грудь взволнованно вздымалась. Потом шевельнулась рука с карандашом… Черточка за черточкой на листе начал возникать знакомый

рисунок. Пандора внимательно всматривалась в него, поворачивая голову, а по коже Вырвича бегали ледяные мурашки. В том, что происходило, было нечто мерзкое, безбожное… Злая пародия на жизнь.

Лёдник держал рядом два листа бумаги: изображения ничем не отличались, разве что второе было более резким, будто у разбуженной ото сна куклы прибавилось сил и она теперь сильнее нажимала на карандаш.

— За этим рисунком непременно должно скрываться нечто важное! — твердо сказал Вырвич. — Недаром его мость Пане Коханку хочет заполучить этот автомат!

— Думаю, это князю ввели в уши другие, тот же его конфидент Богуш, — рассеянно проговорил Лёдник, всматриваясь в рисунки, будто они были двумя прорвами, в которые упало что-то ценное. — Его милости Каролю Радзивиллу, на наше счастье, сейчас не до каких-то кукол, поэтому за меня всерьез и не взялись…

Лёдник скрутил листы в трубку. Его лицо потемнело, складка меж бровями углубилась.

— И те, кому нужна Пандора, не отступят.

Вырвич тоже нахмурился.

— Надеюсь, ты не собираешься отдавать свое наследство?

Профессор помолчал.

— Отдавать не собираюсь. А вот отнять — могут. Я с альбанцами один не справлюсь. Даже с твоей помощью. Так что пока никому не говори о том, что механизм отремонтирован. Может, пока Богуш с компанией будут уверены, что автомат сломан, ничего предпринимать не станут? А я распоряжусь, чтобы куклу завтра же перенесли в мою тайную лабораторию.

Это означало — в подвалы. В придачу к официальной лаборатории выпросил там Лёдник у ректора уголок для рискованных опытов. Ключ от тех апартаментов был только у профессора, а допущенными туда — несколько доверенных учеников, которые твердо решили стать медиками, и конечно, Вырвич. Через подземный ход, что тянулся до самых королевских конюшен, удобно было приносить трупы для исследований. Прантиш подозревал, что лабораторию периодически обыскивают иезуиты — нельзя же допустить до непоправимого богохульства, но Лёдник алхимией более не занимался, золота не варил, духов не вызывал. А вскрывать трупы в европейских университетах давно не было запрещено — наоборот, это делали в анатомических театрах перед сотнями глаз, последнее время стало модным приводить туда титулованных дам, которые повизгивали на галерее и красиво теряли сознание в объятиях своих спутников. Смерть переставала быть таинством, делаясь балаганным зрелищем. В любой книжной лавке продавались подробные анатомические атласы, в любой аптеке Италии, Франции, Швейцарии изготавливали раскрашенные восковые муляжи вскрытого тела. Но здесь, в Вильне, даже заведующий кафедрой мог позволить себе подобные упражнения только в подземельях.

Теперь туда отправится и восковая кукла.

Лёдник, который никак не мог заставить себя оторваться от «прецедента», ковырялся во внутренностях автомата так страстно, будто каждое мгновение его могли вырвать из алхимических рук. Вырвичу даже надоело. Наконец профессор, довольный, будто кот, добравшийся до хозяйской колбасы и украдкой ее уговоривший, утомленно вытер взопрелый лоб и объявил, что принцип действия он в общих чертах уяснил.

— И вот еще какая странность: тот механизм, отвечающий за появление рисунка, — он небольшой, с множеством мельчайших деталек, — выглядит старше, чем остальные части автомата, похоже, его встроили в куклу, созданную значительно позднее. На кой ляд великий гетман приобретал этот автомат? И почему отписал именно мне?

Лёдник потер свой многомудрый лоб, утомленный от думания, надвинул глубже шляпу и едва не пожелал кукле на прощание доброй ночи.

Перед тем как покинуть помещение, Прантиш задержался, подошел к Пандоре, быстренько расстегнул на ее спине платье, сунул руку в механизм и ловко вынул ту детальку, которую они с профессором изобрели. Так, на всякий случай. Кукла — собственность профессора, значит не должна служить другим!

Глава третья

Страшная тайна Лёдника

Человек, говорящий просто и понятно, может, конечно, показаться умным и даже мудрым, как древний грек Сократ. Хотя господин, который покорно принимает на полысевшую голову помои, выплеснутые женушкой из глиняной миски, — а именно такое случилось с паном Сократом, — вряд ли может называться мудрым. Иначе либо миска в его доме была бы золотая, и дело с помоями устроила прислуга, а не хозяйка, либо женщина десять раз подумала бы о последствиях, кои мудрый человек может организовать, даже не пересчитывая обидчику зубы.

Нет, самый мудрый человек — это тот, у кого из десяти слов простак поймет хотя бы два. И обязательно вся речь пересыпана латынью, как сало — тмином. А если оратор еще и вид имеет фанаберистый да грозный, на голове — аккуратный белый парик, на плечах — бархатную мантию, а на груди посверкивает золотая докторская цепь, — все, мудрость здесь переливается через край и никак не может поместиться в непрочные сосуды студенческого сознания, занятого незаконченной на перемене игрой в кости. Вот бы еще раз кинуть, точно бы Венера выпала!

— Вырвич! О чем я только что рассказывал?

Русый студиозус выглядел настолько честно и добросовестно, что хотелось сразу ему выдать диплом и коленом под зад придать направление из академии, потому что достанет до печенок, прокудник, всех профессоров, пока доучится.

Эх, сошел однажды хоробрый шляхтич Прантиш Вырвич герба Гиппоцентавр со славного пути сарматского рыцарства — вместо того чтобы шестопером головы врагам пробивать, штудирует Платона да Блаженного Августина, и вот результат — надобно после лекций, когда все честные студиозусы растекаются в стороны от Академии, как воды Черного моря во время бегства евреев из Египта, тащиться в подвалы к вредному пану Лёднику. А между тем астрогалы — кости для игры — просто жгут сквозь карман, так хочется пустить их в дело… А теперь, если не спасет святой Франтасий, снова придется вскрывать диафрагму очередного трупа, добытого в тюремном или больничном морге, да пересчитывать вслух латинские наименования мышц и костей — Лёдник взял себе однажды в голову, что со временем сможет сделать Вырвича своим преемником и в медицинском деле.

Как жаль, что у Лёдников пока нет наследника! Балтромей, наверное, вместо погремушки положит в колыбель с одной стороны микроскоп, с другой — лейденскую банку, чтобы с рождения изучал наследник природоведческие науки.

Правда, был в наказании один соблазн — где-то там, среди колб и хирургических инструментов сидела таинственная Пандора, и можно, попросив профессора или улучив момент, заставить ее ожить…

Двери в лабораторию оказались распахнутыми, посреди помещения со сводчатым потолком стоял Бутрим, как верстовой столб. Восковая паненка исчезла. Зато погром — как после победного похода гуннов через Рим. Шкафы распахнуты, все с полок сброшено на пол. Колбы и пробирки хрустят под ногами, будто сухие кости. Столы и стулья перевернуты, бумаги рассыпаны по полу, словно с потолка бумажный дождь прошел…

Тот, кто это сделал, ничего не искал — просто давал понять: знайте, ученые крысы, свое место.

Прантиш разъяренно выругался.

— Пан Богуш, не иначе! Я вызову его на дуэль!

— Успокойся, юноша. Все равно ничего не докажешь, — мрачно проговорил Лёдник. — Сам подумай — без разрешения ректора кто бы сюда пробрался, эдакий бедлам учинил да здоровенный ящик вынес? Я не говорил тебе… — Лёдник сделал паузу. — Вчера профессор Попроцкий уговаривал меня показать ему интересную машину, которую я изучаю в своем кабинете. Мол, он в механике дока, автоматами интересуется, несколько студентов есть, могут помочь. А я отказался, боюсь, резковато. И возможно, напрасно.

Лёдник виновато отвел взгляд.

— Ну, зажадничал я тайной делиться. А если бы показал — может, не было бы этого нападения. Хорошо, успели мы все же изучить интересный прецедент. И получили рисунок…

Прантиш злорадно усмехнулся:

— Зато воры его не получат!

И показал Лёднику деталь со шпиндельком, забранную из Пандоры. Профессор только головой покрутил и пробормотал что-то насчет того, что волка хоть с золотой ложки корми, к каше не приучишь. Но деталь забрал.

Вырвич еще раз оглянулся кругом.

— Послушай, почему бы не обратиться к тем панам, что завещание привозили? Его мость Михал Казимир точно же хотел, чтобы именно ты куклой занялся.

Профессор толкнул ногой поваленный железный подсвечник, и тот загремел на камнях, как низверженный Голиаф.

— К кому ты сейчас обратишься, если все пьяные в лоскуты? Пане Коханку постановил, что два года будет по отцу поминки справлять, безумец несчастный. Тело еще здесь, а около Несвижа шляхетные любители попить-поесть на дармовщинку уже целый город из шатров ставят. Нет, защитников у нас здесь не найдется. И Саломее не говори… Волноваться начнет. А я ее сегодня и так обидел… Она попросила если не отдать куклу князю Радзивиллу — так хоть коллег к ней допустить. А я ее обругал…

Бутрим вздохнул, обвел глазами разгромленную, как московцы на Уле, лабораторию.

— Ну что, Вырвич, приведи сюда еще двух проштрафившихся недоучек, Недолужного да Горового. Хватит вам в кости играть. Лучше приберите здесь собственными ручками, ясновельможные паны. Лакеев в свою лабораторию все равно не допущу.

Бедняга Недолужный только и сказал в адрес профессора:

— Чтоб он облез неровно!

...Интересно, какие существуют единицы для измерения злобы? Собачий лай, ругань торговки, плевок мытаря? Какими бы они ни были, у Прантиша, возвратившегося из Академии, злости было на десять перебранок, сорок плевков и мешок собачьего лая. Даже любимая тыквенная каша с изюминами и орехами во время ужина не лезла в горло. Пандору украли, профессор принудил к позорной мужицкой работе, и никаких подвигов не предвидится. Лёдник вон и сам сидит злой, водит длинным носом над бумагой, будто в надежде вынюхать, что за место нарисовано автоматом, покрывает лист столбиками цифр, а рядом нагромождены стопки фолиантов, с которыми время от времени что-то сверяет. Второй рисунок Пандоры лежит на коленях у пани Саломеи, но она его не изучает, а сжав тонкие пальцы, посматривает грустными тревожными глазами то на образа, то на мужа. Боится, что ее Фауст снова сорвется в мистику, забыв обо всем. И такой упрямый — не подойди, ужалит.

В комнате стояла непривычная тревожная тишина, нарушаемая только шелестом страниц. Даже Хвелька зашился в своем чулане и не осмеливался показаться хозяевам, хотя обычно от его болтовни спасал только приказ Лёдника помолчать. Один Пифагор, допущенный в помещение по причине дождя и странности хозяев, которые неслыханно баловали своего сторожа, вилял себе рыжим пушистым хвостом, тыкался холодным носом в ладони, заглядывал в глаза умоляюще-вопросительно: что притихли, мудрые человечки? Вас же никто на цепь не привязывает? Вы же можете еще кусочком сала ради бедной собачки пожертвовать? Поднимал настроение и пылающий камин — Лёдник настоял, чтобы в доме кроме обычной печи, обложенной мстиславским зеленоватым кафелем с ангелочками, был камин, живой огонь, созерцание коего споспешествует гармонии стихий в человеке.

Действительно, в камине очень удобно жечь неуклюжие вирши, которыми Прантиш, начитавшись Яна Вислицкого и куртуазных французских поэтов, начал втайне заниматься. Бросил тихонько смятую бумагу в пасть красного дракона — и все… Никакого осмеяния.

За окнами послышался грохот экипажа, запряженного несколькими лошадьми. Пифагор рыжей тенью метнулся в сени и заполнил их звонким лаем. Экипаж остановился перед домом Лёдников, кучер прикрикнул на коней, потом в ворота застучали.

— Дома ли пан доктор?

Сразу же затараторил что-то Хвелька, встретивший гостей, потом сунулся в комнату спросить хозяев, можно ли впустить посланца от пациента — богатого пациента, как можно было судить по почтительным ноткам в Хвелькином голосе.

Что же, неожиданные посетители — даже в такой позний час — в доме лекаря не новость. Сколько раз Лёдник среди ночи собирал котомку и отправлялся спасать чью-то грешную душу, не забыв перед выходом помолиться святому Пантелеймону-целителю, своему древнему коллеге, которого укоряли за то, что лечил бесплатно и сбивал другим докторам цену. Пифагор добросовестно отрабатывал свой собачий долг, страстно облаивая двери… А в них вошел коренастый крепкий мужик лет за сорок, тиская в руках мерлушковую шапку, судя по одежде — слуга из богатого дома. Обычный такой мужик, упрямый, хитроватый, не очень гибкого ума, со светлыми невыразительными глазами, которые сейчас смотрели на Балтромея Лёдника настороженно

и — невероятно — с насмешкой. Так и мерили пана профессора во весь немалый рост.

— Пан… Лёдник, я от ее мости пани Гелены Агалинской с нижайшей просьбой.

Поклон гостя был достаточно низкий, но с мгновением невежливого промедления, чего иной, быть может, и не заметил бы, но Прантиш, сын дотла обедневшего шляхтича-посконника, привык защищать свою шляхетскую честь и в родном Подневодье, и в Менском иезуитском коллегиуме, и научился примечать наименьшие проявления неуважения.

А Лёдник вел себя тоже странно. Тот, кто хорошо его знает, догадался бы, что доктор потрясен. Он стоял перед гостем с гордо поднятой головой, но на худых щеках горели пятна, а глубокий низкий голос едва заметно дрожал.

— Чем могу помочь ее мости пани Гелене?

Гость еще раз окинул оценивающим взглядом фигуру профессора, будто проверял, как сохранился за зиму летний возок.

— Ее мость вместе с мужем и шурином приехали на поминки по ясновельможному великому гетману князю Радзивиллу, — объяснил мужик. — Пан Агалинский с братом теперь во дворце за поминальным столом. А панич Алесь Агалинский, младший сынок, совсем занемог. А он и так квелый, от рождения. Неизвестно отчего покроется болячками да обмирает. Вот пани и послала меня за тобой… за вами, пан доктор.

И снова едва припрятанная насмешка и неискренний поклон… Доктор задумчиво проговорил:

— Значит, у твоих хозяев родился еще один сын… Надеюсь, роды не повредили здоровью пани. Что же, для меня честь помочь пани Гелене.

— Пани очень просила тебя… вас не медлить. Карета ждет у дома, доктор.

Гость закончил обшаривать глазами профессорский дом и бросил взгляд на пани Саломею, естественно, взгляд сразу стал очень заинтересованным… Прантиш не стерпел, выскочил вперед и толкнул наглеца в грудь.

— Ах ты, хамло! Ты как со шляхтичем разговариваешь? Порублю саблей на солому!

Лицо мужика сразу изменилось и приобрело виновато-заискивающее выражение, слуга проворненько упал на колени, старательно поцеловал руку Вырвича, потом его башмак, начал проситься…

На плечо Прантиша легла тяжелая рука Лёдника, тот проговорил глухо, будто ему было больно.

— Не укоряй этого человека, пан Вырвич. Не так легко кланяться тому, кого целый год лупил плетью. Правда, Базыль?

Невыразительные светлые глаза мужика зыркнули из-подо лба на профессора.

— Что его милость Киприан Агалинский, мой пан, мне приказывал, то я и делал.

Вот оно как! Прантиш встретился взглядом с Саломеей. У той задрожали губы. Что ж, прошлое догоняет даже тех, кто взрывает за собой воздушные замки. До того как попасть в руки Прантиша, известный алхимик Лёдник стал собственностью пана Агалинского, своего кредитора, с которым не сумел расплатиться. О том, что было с Лёдником в имении Агалинских, тот никогда не рассказывал, и вообще этой темы не любил. Но ясно, что настрадался там сегодняшний профессор порядком. Сам пан Киприан Агалинский, продавший Лёдника по дороге на Воложин первому встречному, выбросив из

кареты просто в грязную лужу и посоветовав воспитывать его дрыном, симпатий у Прантиша, тогдашнего школяра, не вызвал. Толстенный, злой, красномордый… Состояние тихого отчаяния, в котором тогда находился Лёдник, и шрамы на его теле тоже свидетельствовали о многом. Вот и объяснение… Если в Прантише, несмотря на его молодость, Базыль без колебаний признал высшего, вельможного пана, то доктору и теперь был не против по-свойски посчитать ребра.

Огоньки прыгали в камине, будто зрители в балагане радовались необычному спектаклю, в котором кто-то из героев должен умереть насильственной смертью.

— Иди, Базыль, к карете, жди меня. Я сейчас соберусь, — проговорил Лёдник своим обычным высокомерным тоном и стремительно пошел в кабинет. Прантиш догнал его, задержал за рукав:

— Бутрим, что с тобой? Неужели послушно пойдешь служить тем, кто превратил тебя в раба?

Пифагор прижался рыжим боком к Прантишевой ноге, требуя, чтобы погладили, — нашел время, глупая животинка.

— Там страдает маленький мальчик… — тихо проговорила Саломея. — Все остальное — чепуха…

Лёдник с благодарностью поцеловал жену в щеку.

— Спасибо, дорогая… И еще… Я вам не рассказывал, — голос профессора стал совсем тихий. — Пани Гелена спасла мне жизнь. Если бы не она — навряд ли я дотянул бы до встречи с паном Вырвичем.

И зашел в кабинет, загремел там инструментами и бутылочками, собирая свой лекарский саквояж. Потом послышались слова молитвы. Саломея приблизилась к Прантишу:

— Пан Вырвич, пожалуйста… Я боюсь отпускать его одного… Не могли бы вы?..

Прантишу не нужно было ничего объяснять и просить. Он молча надел шапку и взял саблю с выгравированным на эфесе гербом «Гиппоцентавр». Теперь Вырвич — не какой-то школяр, он и себя защитит, и своего учителя! Хочет тот или нет…

Редкие фонари превратили мокрую мостовую в застланый лунным ковром сказочный путь, каменные дома застыли, будто заколдованные великаны, с горы Гедимина сползал призрачный туман. Прантиш сидел в карете напротив доктора, одетого в немецкий наряд, смотрел на его профиль — прафессор молча уставился в окно — и догадывался о безумной карусели из невеселых воспоминаний, крутящейся сейчас в профессорской голове. Хоть ты снова иди за Крестовую гору на могилу Кашпара Бекеша, приказавшего написать на надгробии, что ни во что не верит. При созерцании этой могилы Лёдника всегда пробивало на вдохновенную лекцию о вечной надежде и спасительном пути души через страдания.

Молчание, наполнившее карету, было таким густым, что заставило бы онеметь целый сойм. Колеса громыхали и поскрипывали, будто жаловались на холод, осень и дождь…

Дом, где остановились Агалинские, не был особенно шикарным — шляхта, понаехавшая из Княжества и Королевства, позанимала все приличные строения, так что кому уж какой достался. Свет фонаря отражался на мокрой черепице крыши. Можно было рассмотреть только крыльцо с двумя деревянными колоннами и окна из настоящего стекла, за которыми тускло светили огоньки свечей. Один из огоньков плыл в сторону двери — гостей ждали…

— Сюда, пан доктор! — служанка в белом чепце и переднике, как ни была встревожена, бросила жадно-заинтересованный взгляд на Лёдника. Вырвич понял, что она тоже видела его в ином положении.

В прихожей доктор строго потребовал воды — вымыть руки перед тем, как идти к пациенту, затем аккуратно вытер чистым льняным полотенцем каждый палец отдельно, влажную ткань рассеянно бросил на руки служанке… За его действиями наблюдали, как за черномагическим ритуалом, после которого у всех вырастут рога. Ну и репутация здесь была у алхимика! После визитов лиц с такой репутацией лихорадочно ищут в доме подброшенный «расскепенный желудь» или завязанную узлом тряпочку. Профессор презрительно поджал губы и с поднятым подбородком двинулся вперед, на его левом боку блестела сабля. Вырвич тоже принял, насколько смог, надменный вид и демонстративно положил руку на эфес сабли, весь такой авантажный да с политесом, готовый мгновенно покарать за любую непочтительность.

Покоев оказалось неожиданно много, лампа в руках служанки плыла по темному коридору, как чья-то светлая душа, что из жалости решила проводить неофита через подземное царство. Чувствовалось, что дом съемный — через открытые двери помещений видно было, что мебели маловато, портретов так и вовсе нет, кроме толстой физиономии Августа Саса в золоченой раме. Но, похоже, нынешние постояльцы привезли с собою кое-что для уюта — там стояли ширмы из китайского шелка, тут поблескивал на столике серебряный сервиз… Наконец распахнулась последняя дверь, и перед гостями оказалась хозяйка. Конечно, до пани Саломеи ей было далеко. Никто бы не смог принять эту женщину за Сильфиду неземной красоты — а Саломее однажды пришлось исполнять эту роль. Но ведь Саломея Лёдник, в девичестве Ренич, была единственной и неповторимой… Женщина, встретившая ночных гостей, тоже по любым земным меркам была красивой. Стройная фигура, горделивая посадка головы, большие светлые глаза, тонкий, с горбинкой нос, рот, наверное немного великоват, с нервной складкой, русые непослушные волосы зачесаны в высокую прическу, и отдельные легкие прядки выбиваются, будто легкий дымок. Светлые глаза смотрели на Лёдника с необычным напряжением, будто на далекий парус долгожданного корабля: какого он цвета, траура или надежды?

— Приветствую, Бутрим!

Лёдник снял шляпу, отвесив церемонный поклон, и поцеловал руку женщины.

— Мои искренние поклоны ее милости пани Агалинской… Позвольте представить — его мость пан Прантасий Вырвич из Подневодья, мой благородный друг.

Прантиш отвесил поклон не хуже Лёдника и тоже приложился к ручке хозяйки. Но та смотрела только на доктора. Они будто вели молчаливый разговор о чем-то грустном, горькая улыбка скривила уста доктора, а глаза пани заблестели от непролившихся слез.

— Как я рада, что у тебя все хорошо, Бутрим, — тихо проговорила женщина. — Ты заслужил это.

— На все воля Господня, Он дает, Он и отнимает соответственно грехам нашим, — негромко ответил доктор. — А как вы, пани?

— Соответственно грехам моим, — печально улыбнулась Агалинская. — К счастью, муж в радзивилловском дворце днюет и ночует… Он бы не позволил тебя пригласить. Старший сын Андрусь, ты его помнишь, в Варшавском

шляхетском корпусе. И я специально поехала в Вильню… Ради Алесика… Если ты ему не поможешь, то кто?

Пани провела Лёдника за ширму, которой был отделен угол помещения, поставила на столик лампу. В кровати спал ребенок лет трех. Худенький, черноволосый… Свет от лампы разбудил его, и на гостей глянули темные глаза, блестящие от лихорадки…

Ошеломленный Лёдник молча смотрел на ребенка, потом перевел взгляд на пани, та, подтверждая его догадку, прикрыла веки, слегка улыбнулась… Доктор пылко поцеловал ее руку и снова уставился на мальчика, как на неслыханное чудо, невольно улыбаясь. Прантиш, разинув рот, тоже смотрел на темноглазого малыша, наблюдавшего за пришельцами не по-детски строго, эдаким очень знакомым пристальным взглядом… Наконец студиозус не выдержал и воскликнул:

— Ну, доктор, ну, пройдоха!

Пани покраснела, а Лёдник как не слышал. Присел на край кровати, погладил руку пациента:

— Приветствую юного пана!

— Ты кто? — голос ребенка был немного осипшим, но уже сейчас властным, а в глазах не было заметно страха.

— Я — доктор, ваша мать попросила меня вылечить вас. Что у пана Алеся болит?

Пани со светлой улыбкой наблюдала, как Лёдник возится с младшим Агалинским. Осматривает, выслушивает, задает вопросы… Мальчик старался держаться мужественно, как его учили, как пристало шляхтичу, — но от горького лекарства беднягу едва не вырвало…

— Если пан выпьет эту микстуру, он обязательно выздоровеет, а тогда я приглашу вас в гости в академию. Там есть огромная труба, через которую видны звезды — близко-близко, и можно посмотреть, что делается на Луне! Пан хочет посмотреть на звезды? — серьезно спрашивал Лёдник.

— Хоцу! А их мозно снять с неба?

Прантиша в этой ситуации больше беспокоило, что скажет пани Саломея, когда узнает об этаком материальном воплощении мрачного прошлого своего мужа. И что еще более важно, не прибьет ли доктора пан Агалинский, который, похоже, имеет на это законное право. Неужели даже не догадывается, в кого уродился его темноволосый сын? Не было ли в своем доме у пана еще более важного основания избавиться от алхимика, чем злоба на непокорность и страх быть отравленным?

Лёдник качал мальчика на руках, что-то шептал на ушко — и был таким счастливым, каким Прантиш его никогда не видел.

Но украденное счастье долгим не бывает. Когда больной задремал, доктор осторожно, как хрустального, положил его в кровать, накрыл одеяльцем…

— У него аллергия… Это… врожденное. Некоторых веществ его организм не переносит. Лекарства оставлю и сделаю еще… Отвары — пить, мази — смазывать высыпания, если появятся. Но главное — дам список, от чего ему может стать плохо. Избегать определенной пищи, запахов… Он это перерастет. Лет в одиннадцать, думаю.

Прантиш вспомнил, что у Лёдника в детстве тоже была такая болезнь, — отец-кожевник не мог приспособить его к наследственному ремеслу, так как сын от запаха сырых кож покрывался болячками и терял сознание.

— Я могу еще его увидеть? — прошептал Лёдник. Пани склонила голову, светлые прядки, выбившиеся из прически, колыхнулись.

— Не знаю… Разве что мужу будет не до нас. Ты слышал, в Вильну даже Богинские приехали, хотят место воеводы для пана Михала. Тот оставил российскую императрицу ради такого случая. Пока неизвестно, чью сторону примет муж, — Богинские сейчас шляхту перекупают. Но ясно, что ожидается возня.

— Пришлете за мной, как только получится… Или ко мне мальчика привезите. За ним нужно наблюдать. И для вас я тоже лекарств передам. Мне кажется, вы совсем запустили свою болезнь. Помните мои рекомендации?

Лёдник что-то объяснял насчет снадобий, диеты и прогулок, а у Вырвича от известия, что Богинские здесь, даже дыхание сперло. А вдруг и панна Полонея приехала? Там, в Варшаве, она еще больше ввязалась в политику, каких только интриг не приписывали юной красавице. Прантишу, понятно, иные слухи рвали сердце… Но вот он, шанс, — если паненка здесь, не понадобится ли ей, как когда-то, отважный и ловкий рыцарь, способный выполнить любое, самое сложное поручение?

На прощание пани Агалинская спросила:

— Твоя жена красивая, Бутрим?

— Красивая, — ответил бывший слуга.

— Ты ее любишь?

— Очень.

Пани промолчала.

— Дай Бог вам счастья.

— И вам также, моя пани… И вам также…

Базыль проводил гостей до кареты, подсвечивая фонарем. Когда под колесами снова оказалась мостовая Старого Города, Прантиш въедливо-утвердительно спросил:

— Пани Саломее ничего не говорить?

Профессор вскинул голову:

— Почему же не говорить? Я сам ей скажу. Думаю, она все поймет…

— А кое-кто собирался меня в карцер сажать за невинные ухаживания за простой девицей… — не преминул упрекнуть студиозус, все еще кипевший от возмущения. Известно, прелюбодеянием грешили многие, при варшавском дворе так вообще считалось неприличным не иметь официальных любовников. Во время балов на площади перед дворцом стояли кареты, в которых можно было уединиться со своими амаратами от любопытных. В весях под Несвижем во многих семьях воспитывались им потомки князей Радзивиллов, иногда выплачивались небольшие пенсии. Но доктор, который исповедовал самоограничение, дисциплину и презирал развратных богачей, не имел в глазах студиозуса права на грехи! К тому же, одно дело — куртуазные интриги между аристократами или когда благородный пан обращает внимание на хорошенькую крестьяночку и пользуется правом первой ночи… И иное — когда слуга, холоп — в постели своей замужней хозяйки! Разбавляет мужицкой кровью кровь рыцарского рода! Пусть Лёднику присвоили шляхетское звание, по рождению же он — никто, обычный мещанин… Не так плохо доктору у Агалинских жилось, однако… Поимел своего счастья… Отвращение отразилось на лице Прантиша. Лёдник помрачнел.

— Не смею отрицать — я грешник. Окаянный грешник. Но она… Пани Гелена… Нет, это был не каприз и не похоть, Вырвич. Не прихоть аристократки и месть слуги — тебе же это пришло в голову, да?

— А что же это было?

Колеса постукивали по мокрым камням, будто перемалывали минуты, неумолимо и старательно.

Лёдник поднял вверх худое лицо, зажмурил глаза. В тусклом свете фонаря он выглядел, как готический барельеф в старинном храме.

— Что это было… Не думал, что буду кому-нибудь об этом рассказывать… У нас с вами, пан Вырвич, карета вместо исповедальни…

Прантиш хмыкнул, вспомнив, как когда-то они ехали в тюремной карете — Лёдника заграбастали в корчме из-за того, что он якобы занимался там колдовством, и раскаявшийся алхимик рассказывал по дороге, как довел себя до холопского состояния, распродав имущество, чтобы делать опыты по добыче философского камня. Что ж, пусть исповедуется снова — не все же мучить бедняг студентов.

— Я плохо помню, как мне объявили приговор суда и привезли в имение Агалинских… — тихо говорил алхимик, опустив глаза. — Когда за мной пришли в мой заложенный дом, выломав дверь, я как раз заканчивал выпаривать одну интересную субстанцию… А потом — потом туман. Одно я решил, что Божью кару нужно вынести достойно. Пусть терпит тело — стоит попробовать спасти душу. Никакой алхимии, астрологии, опытов над бестелесными субстанциями! Даже декумбитуру больных больше составлять не стану… Да, переломало меня тогда изнутри хорошо.

Поначалу пан Агалинский был со мной даже вежливым — мы не раз за одним столом сидели, он любил послушать мои «ученые разговоры»… А заиметь собственного дипломированного доктора — это же лучше, чем породистую гончую! Мне отвели комнатку, я оборудовал небольшую лабораторию, потянулись пациенты — слуги, дворовые люди… У панича Андруся Агалинского — рыжий такой мальчик, веселый, непоседливый — кроме царапин и синяков случилась пневмония, намерился было форель руками ловить в соседней речушке, стремительной, холодной как лед. Вылечил… Пришлось подбирать снадобья и пани Гелене, она страдает болезнью сердца. И не было того, что ты подумал, молокосос. Я давал клятву Гиппократа. Я никогда не позволю себе подойти к постели больной с похотливыми намерениями. И пани Агалинская просто была со мной уважительной… Честно говоря, я еще и раздражался из-за ее сострадания, страшно раздражался — ни за что не хотел, чтобы меня жалели. Пусть лучше боятся, ненавидят, презирают… Только не жалость.

А потом пан Агалинский приказал мне составить гороскоп — собирался на сеймик, хотел узнать, каких хлопот ждать. А я отказался. Хотя раньше расписывал ему по таблицам Эфемерид почти что путь в уборную. И тогда пан сказал, что мне время уяснить, кто я есть такой.

И выписал мне первую записку к Базылю…

Нет, Базыль — не простой палач, мужиков наказывал другой человек. А на этого была возложена обязанность следить за поведением в панском доме — лакеев, горничных, кучеров, поваров… Если кто проштрафился — пан писал на бумажке цифру и отправлял виновного с ней на конюшню, где был особый уголок — там можно было удобненько разложить человека и всыпать ему столько плетей, сколько написано в бумажке.

Когда очередь дошла до меня, вся прислуга была счастливой — они до сих пор не могли понять, как ко мне относиться: будто бы пан, будто бы строгий… А сам такой же, как они.

И пошло колесо поперек колеи… Каждое утро я подавал пану Агалинскому его лекарства для лучшего пищеварения — он переедал жирного. Пан

требовал гороскоп, я отказывал, получал записку, шел на конюшню, и Базыль имел заботу выдать мне то, что прописал пан. Сначала старался, даже слишком: а вот тебе, выскочка в напудренном парике…

Вскоре это превратилось в какой-то турнир: люди гадали, что случится раньше — пану надоест меня воспитывать или сломаюсь я. Агалинский ярился все больше и больше — ясное дело, не привык встречать сопротивления от более низких. Несколько раз под пьяную руку срывался и лупил меня собственноручно чем попало. К счастью, временами он уезжал, и я мог немного залечить спину. Выручало и докторское мастерство — я иным серьезно помог, и мне начали сочувствовать. Однажды разбудил Базыль — у его дочери был приступ крупа, девочка задыхалась, мне едва удалось ее спасти. После этого рука Базыля стала легче, он начал каждый раз уговаривать меня прекратить злить пана — лбом стену не пробить, доктор, ну что тебе стоит нарисовать те предсказания? Бедняга искренне не понимал, зачем я создаю себе эдакие страдания.

Иногда меня сажали в холодную — что-то похожее на наш университетский карцер. Бывали просто комичные случаи — к пану приезжают важные гости, не хватает партнера для игры в вист, меня вытаскивают из холодной, одевают рубаху с кружевами, камзол, парик, и я целый вечер веду остроумную светскую беседу и играю в карты… Пока все не напиваются. Тогда я снова снимаю все панское и возвращаюсь в холодную. Короче, не жизнь, а лондонский Бедлам, приют для умалишенных. Ну, а у пани Гелены у самой жизнь не сладкая. Этот оболтус, ее муж, с ней тоже руки распускал. Правда, и пани не кроткая овечка, но куда ей деваться? Я, как мог, защищал ее — объяснял Агалинскому, что у жены больное сердце, что ей необходим покой. Она была мне благодарна за это, и что сына вылечил, и что есть ей с кем поговорить о французских романах, до которых пани большая охотница…

Заступалась и она за меня, конечно. Уговаривала приложить какие-то усилия, чтобы выкупиться, — но я не хотел ни к кому обращаться. Хоть, возможно, кто-нибудь из однокурсников по Праге или Лейпцигу откликнулись бы. Пани, не предупредив даже, пробовала тайно продать ради моего выкупа свои диамантовые серьги, но воли у нее не намного больше, чем у слуги. Ростовщик доложил пану Агалинскому о своеволии жены — побоялся ссориться с грозным соседом. Была гнусная сцена, пани Гелена, естественно, не призналась, зачем ей понадобились деньги, что-то выдумала… И в имении стало еще хуже. Потому что Агалинскому ввели в уши, что я — знаток ядов и черной магии и могу ему отомстить. Чем больше он меня истязал, тем больше меня боялся. И вот однажды, в начале апреля, пан особенно разозлился и приказал бросить непослушного раба в холодную на ночь. Как раз были заморозки, в моем узилище снег не таял. И до утра я бы не дожил — в одних портах, избитый, как горькое яблоко… Пани Гелена пришла ко мне, выкрав ключ. Отдала свою шубу… Вот тогда и случилось между нами… Грех? Да, грех. Может быть, поэтому Господь и не дает мне наследника от законной жены. Может быть… Но той ночи я никогда не забуду. Я вдруг поверил, что стоит жить и не сдаваться. Вот и вся история…

Прантиш перевел дыхание… Что тут скажешь — судьбы человеческие не прямые, как тракт. И единственный выход здесь — молчание. Лёдник никогда не сможет забрать своего сына, пани Гелена никогда не заменит в сердце Лёдника волшебную Саломею, а маленького панича, если распространятся слухи, что он байстрюк, ждет самое печальное будущее. Ну а что ждет в таком случае пани Гелену… Все проблемы с появлением и исчезновением

восковой Пандоры блекли перед простыми и жестокими отношениями между людьми.

Но профессор смотрел на тусклые отблески на мостовой и невольно улыбался, — и Вырвич знал, что он вспоминает маленького черноволосого мальчика, который сейчас сладко спит в кровати за китайской ширмой.

Глава четвертая

Как Прантиш познакомился с доктором Ди и встретился с Полонеей

Люди очень любят придумывать сказки о большом и страшном: драконах, великанах, рыбах Ремор да ледяных Гримтурсах, о провалившихся под землю или на дно озера храмах или целых городах… А мелочей, мизерных сущностей замечать не хотят — хотя они, возможно, более значимые и опасные для человеческого существования, чем великаны и драконы, которых честный рыцарь с помощью архангела Михаила да Пресвятой Богородицы с одного удара может свалить. Есть, правда, малюсенькие альрауны, живущие в корнях мандрагоры, но и те принимают образы огромных страшных чудищ, иначе кто же их испугается. А в каждой капельке воды спрятан целый мир — недаром доктор Антоний ван Левенгук, который изобрел микроскоп, едва не сомлел от потрясения, когда ту каплю увидел увеличенной. Целый зоопарк удивительных существ — анималькулей — суетился перед глазами! А для человека мудрого и самое большое, и самое малое создано по единому образцу.

Доктор Лёдник припал к окуляру немецкого микроскопа, но изучал он не инфузорий, а железный шпинделек, похожий на блестящую букашку, — тот, что ловкий студиозус Прантиш Вырвич вынул из куклы-автомата. Студиозус был тут же — развалился на диване и делал вид, что готовится к занятиям по риторике. Но толстенный том с примерами красноречия всех времен и народов валялся корешком вверх, развернутый на случайном месте. Какая риторика, после того как Лёдник целый час упрямо гонял своего персонального ученика на занятиях по фехтованию, едва не прыгая по стенам… Прантиш догадывался, что такой бешеный ритм получился потому, что доктору нужно было сбросить нервическую аффектацию, он всегда говорил, что самое лучшее для сего средство — физические практикования. Но доктор как железный. Прантиш молодой — и лежит, а этот вымылся, переоделся — и за работу. Сидит вон, спокойный такой, детальку пинцетом ворочает… А какое уж тут спокойствие, если вот-вот из Академии попрут, — высокопоставленный покровитель умер, а в окружении его наследника врагов и завистников полно, и в ректорате некоторые давно живьем бы охальника доктора сожрали. Тут не до снисходительности — страна на грани войны. На российский трон императрица Екатерина села, бывшая принцесса София Анхальт-Цербстская. Личность амбициозная, коя захочет и литвинские земли контролировать. Основание есть: здесь живут единоверцы, которых преследуют за православную веру. В правах ограничивают, храмы закрывают, насильно заставляют переходить в Унию… Как не заступиться? А чтобы заступиться — ясно, нужно войска вводить. Поэтому на православных в Короне смотрят как на потенциальных предателей. Вот, братчиков из Свято-Духова монастыря снова камнями забросали. И кто? Старшекурсники родной Виленской академии… Прантиш ввязался было с одним таким воякой со схизматиками в драку, за

что снова наказание от начальства схлопотал… И Вырвич совсем не был уверен, что удастся завершить образование в этих стенах. А если разгорится война, на какой стороне воевать придется — снова неизвестно… Ведь вот-вот и корона польская начнет разыгрываться, как стопка талеров в кости. Август Сас на ладан дышит, сидит безвылазно в своих покоях да бумажных человечков вырезает. С бумажными, ясное дело, справиться легче. Князь Михал Богинский бодается со своим другом-соперником Станиславом Понятовским за внимание российской императрицы — и за возможность в будущем стать королем. Радзивиллы на себя пышный ковер власти тянут… А что будет с должностью воеводы виленского — страшно представить, ибо Михал Богинский в прошлом году с влиятельной пани оженился, вдовой подканцлера Сапеги, Александрой из Чарторыйских, покорив сердце пани игрой на кларнете и флейте. А пани Александра — личность в политике искушенная. Объединившись с многочисленными сестрами пана Михала, создала целую политическую ложу… Но ведь и за Радзивиллами сила! Правда, с женой Пане Коханку не повезло — персона легкомысленная, за мужем ни на поле боя, ни в высылку не поедет, зато любимая сестра Теофилия способна и на дуэль, не хуже Полонеи Богинской. И кому дело среди этих злоключений до какой-то куклы?

— Нет, только не это! — отчаянный выкрик Лёдника заставил студиозуса вздрогнуть, хрестоматия полетела на пол, а пани Саломея едва не уронила поднос с кружками кофе, что несла для утомленных жнецов интеллектуальной нивы.

— Зачем я только поддался любопытству… Снова — на те же грабли! Не хочу иметь ничего общего с подобным! — разъяренный профессор мерил нервными шагами кабинет. — Я столько усилий приложил, чтобы отречься от всяческого магического морока, такую цену заплатил — и вот!

— Да что такое, Бутрим? Что ты там нашел? — пани Саломея поставила поднос с кружками на стол и заглянула в микроскоп. Пожала плечами… Ее сразу же отодвинул от окуляра Вырвич. На детальке виднелись микроскопические буквы «VOO».

Саломея и Прантиш недоуменно переглянулись и посмотрели на нервозного профессора.

— И что это значит? — спросил Вырвич. — Ты трех букв испугался?

Лёдник резко остановился.

— Что значит? Что нечистая сила снова пробует столкнуть меня в ту трясину, откуда я едва вылез! Это подпись доктора Ди!

Удивленное молчание слушателей профессора так разочаровало, что он едва удержался от обидных слов.

Саломея подошла, положила руки на плечи рассерженному мужу.

— Не злись, а объясни! Ты с возрастом делаешься все больше нетерпимым, тебе кажется, то, что знаешь ты, понятно всем. Дорогой, даже орехов двух одинаковых нет, а не то что умов. Errare humanum est (Человеку свойственно ошибаться).

Лёдник отвел взгляд, глубоко вздохнул, по своей же успокаивающей методике, которой учил Прантиша.

— Это тот самый доктор Ди, астролог и алхимик, после прочитания трактата которого по элективной астрологии «Иероглифическая монада» я совсем поехал умом, точнее — нырнул в эзотерические науки… Ди жил в Англии во времена королевы Елизаветы. Еще студентом Кембриджа он сделал механического скарабея и выпустил на сцену студенческого театра. Народ, удирая,

устроил в дверях давку, Ди выгнали из университета. Он изобрел много чего еще… Навигационные приборы, телескоп, бинокль, рассчитал, где должен быть Гринвичский меридиан… Много экспериментировал с кристаллами и зеркалами… И все это было бы хорошо, если бы не эксперименты с духами. Связался с проходимцем и фальшивомонетчиком Эдвардом Келли, предложившим доктору заняться связями с иным миром, а он, Келли, будет посредником между Ди и «ангелами». Ну, и занялись… Если верить самому Ди, духи слетались к нему, как мухи на мед. Особенно прописался при нем некий Уриель. Который не только показывал доктору в специальном зеркале картинки будущего, но и учил языку, на коем разговаривают ангелы. Можете себе представить, я читал эти трактаты на «енохианском языке», пробовал его усвоить… Прости Господи…

Лёдник перекрестился и, наконец, сел.

— А почему ты решил, что Пандору сделал доктор Ди? — не понял Прантиш.

— Потому что он подписывался так — Voo. Никто не знает, почему. Я думаю, доктору принадлежит только «сердцевина» автомата. Я заметил микроскопические следы пепла на детальке — можно представить, что когда-то подобную куклу — не знаю, в виде кого она была сделана, может, самого доктора Ди или того Уриеля, — бросили, как дьявольское творение, в огонь. А потом кто-то забрал что уцелело в огне, спрятал… И уже в наше время автомат восстановили. И он снова рисует то, что заложил создатель. А если знать его личность, то становится ясным, что тайна может быть очень ценной. Конечно, в сооружении, нарисованном Пандорой, доктор Ди мог заниматься любовью с красивой девицей, поэтому этот пейзаж и захотел увековечить. Там может быть могила его друга или место для связей с духами… А может скрываться одно из изобретений Ди.

— То зеркало, которое показывало будущее? — даже захлебнулся от восхищения Прантиш.

— То зеркало хранится у графов Питерборо и представляет собою хорошо отполированный кусок черного угля в круглой оправе, с ручкой из слоновой кости, — скептически пояснил Лёдник. — Лежит под стеклом, как редкость, рассказывают о нем любопытным гостям всякие чудеса, а духов, ясное дело, никто не видит. Кому охота тревожить нечистую силу из-за дурацкого любопытства. Была у доктора еще зеркальная камера — для тех же встреч с духами, и я точно знаю пару балаганов в Европе, где подобные камеры используют на каждом представлении. Был перстень с бериллом, что вызывал видения… Кстати, его и еще кое-что доктору будто бы привезли аж из Америки, как священные предметы ацтеков. А лично меня вот что заинтересовало…

Лёдник полез в шкаф с книгами, покопался, перекладывая с места на место томища, наконец выискал маленький томик ин-кварто с золотым обрезом «Духовные дневники доктора Ди», полистал, зачитал:

— «Нетрудно сделать зеркало, кое силой солнца, даже спрятанного за облаками, превращает в пепел все разновидности камня и металла. И я могу легко добыть огню победу над железом». Понимаете, здесь ничего не говорится ни о духах, ни о предсказаниях, ни о видениях… Конкретное физическое явление. Превращение одной энергии в другую. Архимед тем же самым занимался, когда с помощью зеркал жег римские корабли, плывшие покорять его родные Сиракузы. И подходит смысл надписи над входом! — голос доктора стал виновато-неуверенным. — Если бы вдруг оказалось, что Пандора дает ключ именно к этому изобретению, его стоило бы поискать.

— Фауст, ты снова увлекаешься невозможным! — напряженно заметила Саломея. — Никакой огонь не может превратить в пепел камни и металл.

— Когда-то утверждали, что повозка сама по себе никогда не поедет. А мы сами видели машину Пфальцмана с водяным двигателем, — упрямо проговорил Лёдник. — Лет триста назад никто не мог представить, что часы могут быть такими маленькими, что их станут носить на шее, что ткать и прясть будут станки, что за океаном откроются новые земли, населенные народом с древней культурой… Какой-нибудь барон или маркиз сидел в своем замке и был уверен, что ни один король его за каменными стенами не достанет, — но появляются пушки, и земли барона становятся частью великой державы… В индийском эпосе есть описание «дротика Индры» — смертельного оружия в виде луча света. Луч выходил от круглого отражателя, возможно, зеркала, и целился по звуку. Может, это и есть оружие доктора Ди?

Прантиш представил, что ему достался такой огненный меч: на что ни наведи его луч — спалит, испепелит. Вот добыл бы славы с такой силой!

А с другой стороны — какая же это слава, коли победа добывается не смелостью, не стратегией, не умелым владением оружием — а просто потому, что тебе в руки попала смертоносная штуковина, какой больше ни у кого нет. Ты можешь быть слабым, трусливым, жадным, подлым… Главное, быть честолюбивым. Направил луч, и перед тобою гекатомба… Чем же здесь гордиться? Отец Прантиша даже огнестрельное оружие презирал, говоря, что от него упадок в Речи Посполитой благородного искусства фехтования…

Сомнения студиозуса озвучила Саломея:

— Допустим, Бутрим, ты добудешь секрет зеркала, от которого испепеляется железо. И кому ты его отдашь, и что из этого будет? Война, какой еще не случалось? Не с тысячами, а с миллионами жертв? Твое любопытство стоит этого, Фауст?

Лёдник сидел, обхватив голову. Глухо заговорил:

— Вы просто не понимаете, как это привлекает… Все эти тайные науки… Потому что не узнали, на свое счастье, их яд, что я пил полными кубками. Как это… волнует, кружит голову — новые знания, новые открытия, недоступные «обычному» человеку… И как тяжело удержаться, когда видишь перед собой очередного малограмотного богатого хама, от того, чтобы сбить с него фанаберию какой-то простенькой демонстрацией магии… Вот властитель, надменный, довольный жизнью, который почитает тебя за червя. А тебе звезды сообщают о его жалком будущем, и от тебя зависит, не направить ли спесивца к бездне… Этот сатанинский морок очень силен. Понимаешь, что это морок, только когда начинаешь гибнуть. Нет, не хочу!

Лёдник решительно встал, подошел к окну, распахнул и изо всех сил швырнул в темноту хитрый шпинделек с тремя зловещими буквами, а вслед за ним, предварительно сломав, восстановленную деталь. До канавы, грязной и глубокой, как раз, наверное, добросил. В комнату ворвался свежий осенний воздух вместе с запахом дыма и тоски. Профессор взял оба листа с рисунком Пандоры и отправил их в пылающий камин. Вырвич вскочил с места с возмущенным вскриком, но было поздно. Огонь крутил уже в желтых пальцах черные бесформенные комки, которые рассыпались на глазах, вспыхивая синими лепестками.

— Все, — Лёдник с облегчением вздохнул. — Выбросим же из головы проклятую куклу. Ну, полюбовались, поинтересовались, механизм изучили. И спасибо на этом.

Саломея подошла, поцеловала мужа в щеку.

— Аминь.

Прантишу было что возразить, но он промолчал.

Следующие дни были такими обычными, что Вырвичу казалось, будто он находится в центре вихря — вокруг что-то кружится, пролетают схваченные стихией предметы, а здесь, на маленькой площадке, укромное место… Но очень ненадежное и временное. Прантишу даже сделали послабление — пара визитов в кабачок, а также одна симпатичная драчка с подмастерьями уважаемого цеха золотарей как должно подняли настроение.

В четверг после занятий Недолужный подлетел к Прантишу с вытаращенными глазами:

— Твой профессор, он что — черные мессы служит? Дитя какое-то на астрономическую башню поволок!

Прантиш, конечно, помчался понаблюдать и ловко приладился вместе с приятелем к дверной щели на пятом этаже обсерватории: солидный профессор посадил себе на плечи маленького панича в аккуратном камзольчике и носит по помещению, малыш хохочет и трогает интересные блестящие предметы, которых в звездном кабинете предостаточно. Но что в этом странного: к славному лекарю привезли на консультацию больного наследника богатой семьи, и тот развлекает капризного пациента.

А Вырвич видел, что Лёдник аж млеет от умиления и заходится от тоски, что этот ребенок с темными любознательными глазенками навсегда останется для него чужим.

А потом была еще пани Саломея… Потому что профессор посчитал нужным познакомить ее с младшим Агалинским. И Прантиш не сомневался, что пани готова отдать все на свете, чтобы этот мальчик был ее сыном.

Юный панич Алесь не хотел уходить от интересного клювоносого доктора и учинил целый скандал, когда его передавали на руки няньке и усаживали в карету. Только обещание Лёдника, что следующий раз покажет, как создается просто в лаборатории радуга, успокоили малыша. Так же, как и подаренная книжка с красивыми рисунками о всех странах мира — на рисунках шествовали пятнистые жирафы с длиннющими шеями, подымали топорики патагонцы с перьями в длинных волосах, красовались огромные слоны с носами, похожими на змей, около японского императора стояли слуги с гигантскими веерами… Пан Алесь уткнулся в книжку (всепоглощающая любовь к книгам была у панича, конечно, предсказуемой) и позволил отвезти себя к матери.

Пани Саломея остаток дня просидела, запершись в комнате. Из-за дверей слышались только тихие слова молитв.

«Бездна бездну призывает во гласе хлябий Твоих, вся высоты Твоя и волны Твоя на мне преидоша…»

А потом было письмо. Обычное письмо в конвертике, запечатанном сургучом с оттиском знака, который знатоками шляхетских гербов — а таким должен быть каждый настоящий шляхтич — читался сразу: ворота с крестом наверху, что ведут к военному шатру. Часть герба Огинец, коим пользуются князья Богинские.

Посланец, молодой шустрый парень в кавалерской одежде, сунул Вырвичу конвертик прямо у выхода из университета и исчез в толпе, не отвечая на вопросы.

Напрасно Лёдник винил Прантиша в нетерпеливости! Студиозус не стал разрывать конверт прямо на улице. А добежал до своего любимого места на Замковой горе, у руин замка, в котором сто лет назад держал блокаду небольшой российский отряд и орудия превратили стены в гравий.

Ласковое солнышко, с уже заметной осенней тревогой о своем скором охлаждении, пристроилось за спиною расчувствованного студиозуса, который сидел на прогнившей балке под охраной седого репейника и прижимал к лицу маленький конвертик, от коего исходил невероятно волнующий запах вербены, мускуса и лучшей, полной блеска и приключений, жизни. На маленьком листочке в конверте, конечно, не могло поместиться все, что нафантазировал себе студиозус, но главное наличествовало: Полонея Богинская, придворная дама, красавица, магнатка, назначала свидание загонному шляхтичу Вырвичу! Правда, в знакомой манере: загадочно, ничего толком не объясняя и приказным тоном. Сегодня, на закате солнца, в доме за доминиканским костелом, тайно.

И естественно, Вырвич сильно подозревал, что расплатится за эту честь, как и в прошлый раз, очень дорого, рискуя собственной шкурой ради магнатских интриг…

Но чем приключение опасней, тем больше чести для рыцаря!

В репейнике зашуршал ветер, белые мохнатые семена теплыми снежинками закружились, полетели сеять новую жизнь, увеличивать Великую Державу Репейника… Ерунда, что кто-то считает это растение сорняком, — а оно просто злит всех тем, что имеет и нежные яркие цветы, и острые шипы, чтобы защищать свою красоту, и крепкий стебель — не сорвешь голыми руками. Житель здешней земли, которого не так просто вытоптать, уничтожить или переделать в фиалку.

Естественно, вечером Вырвич нацепил на пояс персиянский кинжал с диамантом, полученный когда-то от Полонеи как извинение за то, что посылала юношу в полоцкие подземелья на верную смерть. Красные сапоги сверкают, шапка лихо заломлена набок, русые кудри аккуратно причесаны, жаль только, усы еще маленькие, так себе, не усы, а усики, и не топорщатся воинственно, а только свидетельствуют, что есть.

Если бы фащевский олух, памятник святому Симплициану около деревни Фащевка, мог двигаться, он не смог бы делать это более степенно и торжественно, чем пан Прантиш Вырвич, следовавший за лакеем по темному полупустому дому — ясное дело, съемному — в комнату к панне Полонее Богинской.

Но пану понадобилось все его мужество, чтобы сохранить хотя бы спокойно-вежливое выражение лица… Ибо панна решила сразу точно указать бедному шляхтичу, кто есть кто в этом не лучшем из миров, и для дерзкого, осмелившегося претендовать на сердечное благоволение самой Богинской, venit summa dies et ineluctabile fatum — пришел последний день и неумолимый фатум… Помещение, где его принимали, было, как и у Агалинских, спешно украшено привезенным — китайские ширмы, ковер, столик с сервизом, только все подороже. Зато хозяйка помещения была убрана, как на коронацию, безупречно и ослепительно. Куафюра паненки представляла собой средних размеров облако, в коем с помощью искусственных цветов и маленьких фигурок была устроена галантная сценка «Селадон соблазняет Галатею». Причем дела у мизерного Селадона очевидно не ладились, потому что Галатея убежала от него на три вершка вверх по напудренным локонам. Платье с кринолином было похоже не на облако, а на остров, заросший розовыми цветами. Кружев для отделки платья было использовано столько, что хватило бы похоронить не одного фараона, запеленав его мумию. А за сокровища, что сверкали на руках, шее, в ушах паненки, можно было развязать небольшую войну. Трупов эдак на сотню.

За всей этой роскошью в самую последнюю очередь виднелся облик их владелицы. Личико Полонеи с немного вздернутым носиком и широко расставленными голубыми глазами было набеленным и нарумяненым так, что казалось обличьем еще одной восковой куклы. Мушка у правого уголка рта, губы, нарисованные сердечком так хитро, что кажутся совсем маленькими. Голубые глаза посматривают… непонятно, с каким выражением посматривают. Ясно, что при дворе прежде всего нужно научиться прятать чувства. Куда-то исчезло милое плутовское выражение, шаловливые искорки в глазах… И неужели эта кукла когда-то помогала Прантишу залезть в окно базилианского монастыря, таскала с Саломеей бочонки с порохом в подземелья под Полоцком и дарила Прантишу Вырвичу на прощание довольно пылкие поцелуи? Не может быть!

Прантиш склонился в низком поклоне, проговорил положенные церемонные слова приветствия, чувствуя, как внутри что-то перегорает, будто некачественный фитиль. Мечты Вырвича о свидании со своей дамой на более равных правах оседали, как плохо взбитые сливки. Он сидел в аудиториях, горбатился над учебниками — и ничего за эти три года не добился… Он достоин только презрения! Проклятый Лёдник! Это бывший слуга увел юношу со славного пути, Вырвич мог сейчас быть в военном мундире хорунжего или поручика… Да святой Франтасий знает, кем мог быть! А он — всего только недоученный студиозус…

Полонея Богинская склонила голову в знак приветствия — хорошо если на вершок. Хотя с таким украшением на голове особенно не покиваешь. Запах eau de lavande, модной лавандовой воды, в которой паненка, очевидно едва не купалась, сделался еще сильнее, даже голова кружилась.

— Добрый вечер, пан Вырвич. Рада видеть вас в добром здравии. Надеюсь, вы сможете ответить на некоторые вопросы, что у меня имеются.

Речь у панны Богинской была вежливой и надменной, как холодное зеркало, и почему-то каждое слово звучало как приказ, которого нельзя ослушаться. Но Вырвич вдруг почувствовал не покорность, а отчаянное веселье, кое в тяжелые моменты всегда приходило ему на помощь и было причиной всегдашних проказ. Лёдник ворчал, что это следствие перевеса в организме огненной и водяной стихий одновременно: у молокососа временами пар из ушей.

Конечно, паненка, что сидела перед Прантишем на особой скамье, обтянутой сафьяном, была упакована, как золотая луковица, но ведь под всеми этими оболочками из пудры, кружев да бархата у нее находилось то же самое, что и у Агнешки Пузыни с улицы Шкельной. Вырвич ловко подскочил, поцеловал паненке ручку — от такой смелости в ее голубых глазах даже появилась растерянность, стал рядом, куртуазно склонившись:

— Ваша мость не должна сомневаться, что мое сердце давно принадлежит ей, и на любой вопрос из этих волшебных уст я постараюсь сейчас же найти ответ…

Дело было не в словах, а в том, что Прантиш говорил, будто ворковал, с той долей загадочности и нежности, которая заставляла виленских мещаночек краснеть и отдавать русому студиозусу свои сердца. Полонея отвела глаза — Вырвич понял, что ей не нравится эдакое вольное обхождение, но ничего, потерпит — сама пригласила, сама напустила на себя важность.

— Я хочу спросить пана об одной вещи… О подарке его мости князя Михала Казимира Рыбоньки доктору.

Прантиша как холодной водой окатило, и будто колокольчик зазвенел где-то в голове, предупреждая об опасности.

— О каком именно подарке хочет спросить ясная панна? — не меняя куртуазного тона, уточнил студиозус. — Его мость великий гетман был милостив к нам и одаривал щедро.

Полонея снова отвела взгляд.

— Так, одна безделица… Механическая кукла, умеющая рисовать. Понимаете, мой брат в своем Слонимском дворце собирает коллекцию таких кукол — у него есть арап, бьющий в барабан, лев, который рычит, ходит, вращает глазами… Искусственных птиц целая дюжина. И очень хотел бы присоединить ту куклу-рисовальщицу. Естественно, пану Лёднику будет выплачено щедрое вознаграждение…

Прантиш снова поднес к губам ручку панны, пользуясь тем, что не оттолкнет же она его, пока не домоглась ответа.

— А почему наияснейший пан Богинский не узнает об этом у самого пана Балтромея Лёдника?

Голубые глаза от резонного вопроса на мгновение стали растерянными, потом в них блеснул гнев, но паненка смогла снова изобразить вежливое спокойствие:

— Пан брат сейчас занят, он поручил это мелкое дело мне. А мне, может быть, приятней поговорить с паном Вырвичем, чем с доктором, его бывшим слугой. Лёдник по-прежнему такой мрачный? Где он держит куклу? Не раскрутил еще на винтики?

И тогда Прантиш, так же нависая над паненкой и целуя то одну ее ручку, то другую, с удовольствием сообщил, что кукла была — да сплыла. Украли куклу воры.

Богинская от потрясения даже вскочила, довольно грубо вырвав свою ручку из рук Прантиша.

— Как это украли? Кто?

Вырвич с удивлением заметил, что паненка заметно подросла… Стала почти одного с ним роста. А на ее куафюру так вообще надо смотреть задрав голову. И сразу же осадил себя: тьфу, дурень, какое там подросла — это же ботинки на каблуках в шесть вершков, которые, к возмущению почитателей сарматских обычаев, понапривозили в Речь Посполитую из Парижа.

Услышав про мглу неизвестности, в коей потонула кукла, Полонея нервно заходила по комнате, подтвердив подозрения Вырвича насчет каблуков: они громко цокали, а походка паненки стала шаткой и неуклюжей.

— А хоть один рисунок она успела нарисовать?

Полонея резко остановилась перед Вырвичем, и ее глаза уже не были холодными, а просто пылали нетерпением и тревогой. Будущий философ заверил паненку, что кукла так и не включилась. Не успели ее починить.

Разочарование, которое не смогла скрыть Богинская, заставило тревожный колокольчик в голове студиозуса зазвенеть еще громче. Но не успел Вырвич похвалить себя за мудрость, как лицо магнатки вдруг переменилось. Как будто в темную комнату внесли яркую лампу. На губах заиграла ласковая усмешка, глаза заулыбались, обласкали студиозуса:

— Ах, пан Вырвич, что мы все о каких-то механизмах говорим… Мы же не виделись три года. Вы так возмужали за это время — настоящий рыцарь… И, наверное, много знаний получили… Давайте… нет, перейдем, как когда-то, на ты — давай вспомним нашу юность… Ах, какие были события! Помнишь корчму под Раковом? А монастырь?

Паненка позвонила в серебряный колокольчик, обвязанный розовой лентой под цвет ее платья, и приказала слугам, что прибежали на звук, немед-

ленно накрыть на стол и принести самого лучшего вина. Полонея Богинская желает поужинать со своим давним добрым другом, паном Прантишем Вырвичем!

— Ты какое вино больше любишь, токай или мадеру? — теперь голос Полонеи звучал тоже интригующе, Прантишу даже как-то неловко стало — так сильно послышалась фальшь, но студиозус сейчас же выбросил опасение из головы. Конечно, не помешало бы посмотреть в волшебное зеркало доктора Ди, которое предсказывало будущее… Но почему бы не включиться в игру — еще неизвестно, кто кого переиграет, у студента тоже жаба на языке не изжарится. Наконец его Прекрасная Дама сошла с пьедестала, приблизилась к нему, Прантишу Вырвичу, вплотную, сама протягивает руки… Недотепой последним надо быть, чтобы такой шанс не использовать! И Вырвич бодро взял хрустальный бокал, до краев наполненный красным напитком.

Глава пятая

Как Лёдник и Вырвич очутились между наковальней, молотом и… еще одним молотом

Вредные маленькие альрауны, покинув родные корни мандрагоры, скакали по голове Прантиша Вырвича, и от их пронзительных голосов просто закладывало уши. Между альраунов, уродливых, коричневых, морщинистых, похожих на мельчайшие корешки, только что выкопанные из земли, суетились бело-розово-голубые Селадон и Галатея, убежавшие с парика панны Полонеи Богинской. Но вместо того чтобы разыгрывать любовные сцены, эти пасторальные персонажи подпрыгивали и кривлялись так же, как альрауны, и несомненно были той же самой мерзкой породы. Ведь мандрагора известно где вырастает — под виселицей, из семени, которое извергается на землю из умирающего тела висельника.

Шкодливые создания заверещали еще громче, просто в ухо Прантиша… И тот открыл глаза, в которых летали золотые пчелки…

— Чего пан бревном лежит в чужом доме? У пана, что ли, своего нет, или хлебнул из ковша, что не видит ни шиша? Стражу позвать, или пан своими ножками уйдет?

Перед Вырвичем стояла, уперев руки в бока, дородная женщина в сером салопе, по виду — экономка, так как держала в руке связку ключей. В доме слышалось громыхание, в помещениях что-то перетаскивали, звучали грубые голоса… А вот ничего из того что украшало комнату вчера, не было. Ни обтянутой золотистым сафьяном скамьи, на которой сидела панна Полонея в своем невероятного объема роброне, ни резного столика, на котором для студиозуса Вырвича выставили хрустальный графин с токайским вином и много чего вкусного, даже свежий виноград, доставленный из теплых стран или выращенный в магнатских оранжереях. Естественно, не было ни самой панны Полонеи, ни ее слуг… Зато альрауны из головы никуда не исчезли.

Не то чтобы Прантишу впервой было продирать глаза после лобызаний со стеклянной свинкой, но ощущения на этот раз были какие-то особенно мерзкие: горло дерет, будто дегтем закусывал. Где этот Лёдник со своим чудодейственным отваром…

Вспомнив о Лёднике, Прантиш застонал, чем вызвал целый град насмешливых замечаний от гнусной бабы, которая, ясное дело, отречется от любых

упоминаний о панне Богинской, и кто сюда вечером заселялся, куда подевался, лисица хвостом замела, волк языком зализал…

Подманили, как щенка шкуркой от прошлогоднего сала! Дубина, молокосос, дурень — три штуки вместе, и имя всем Прантиш Вырвич. Ибо Вырвич, постанывая, вспомнил, что вывалил коварной красавице между пылкими поцелуями все, о чем запретил рассказывать Лёдник. О Пандоре, о ее рисунке, о надписи «Здесь найдешь победу огня над железом», даже о догадках Балтромея насчет доктора Ди и его огненном мече…

Единственное, что смягчает обиду, — обошлись со студиозусом довольно вежливо, под голову заботливо положили шапку, а вот и кружку с водою оставили…

Но студиозус, как ни мучила жажда, пить ту воду не стал — хватит, наугощали… Timeo danaos et dona ferentes. Бойтесь данайцев, дары приносяших.

Пошатываясь, он потащился из проклятого дома, куда сейчас въезжали другие временные хозяева, а может, возвращались владельцы… В голове пульсировала боль, будто альрауны принялись забивать в мозг Прантиша железный прут. Из затуманенного сознания всплывали все новые и новые подробности недавнего разговора с хитрющей Полонеей. Все-таки и она кое о чем кавалеру проговорилась. Например, известие о связи куклы с доктором Ди ее не удивило.

Гос-с-поди, он же панне свои стихи читал! Те, что счастливо сжег в камине, но, к несчастью, запомнил… Голосил, как Орфей перед голодными волками! Вот посмеялась ее мость Богинская над влюбленным мальчишкой-стихоплетом…

Вырвича перехватил на улице взвинченный Хвелька, его жирные щеки даже тряслись от волнения — по случаю исчезновения подопечного, который даже занятия прогулял, профессор учинил грозу.

А потом было еще хуже. Пришлось рассказывать Лёднику о том, что произошло. Вырвич понимал, что здесь не до хитростей, — так как последствия его ночного приключения ударят в первую очередь по Бутриму. Язык еле ворочался, слова путались, как водоросли в омуте.

Вдруг Лёдник обхватил Прантишеву голову, раздвинул пальцами веки, внимательно заглянул в мутно-голубой глаз.

— Дурман! И порошок одного редкого грибочка… Знаток работал — только ошибись с концентрацией, жертва умрет… Благородный способ развязать язык, популярный в Венеции. Во рту горчит? Горло дерет?

Прантиш мрачно кивнул головой. С одной стороны, стало легче: значит, позорная болтливость вызвана отравой. Но и горько стало: не пожалела, не постыдилась Прекрасная Дама этой отравы подсыпать! Знала же, что может к Адаму на пиво кавалера отправить… Не любит нисколечко, ни на зернышко! Эх…

Лёдник пошел варить противоядие, приказав ничего не рассказывать пани Саломее. Даже ругаться не стал. Сделанное не отменишь, теперь оставалось ждать, когда придет беда и с какой стороны.

Беда случиться не спешила. Вильня печалилась о своем воеводе. Пане Коханку, в припадке горя (а кто-то говорил, чтобы добыть себе голосов шляхты), ходил в костел, где раздевался до пояса, и придворных своих заставлял, и искупал во имя памяти отца свои и его грехи честным бичеванием. Причем все должны были сечь один другого. Пане Коханку, естественно, драл всех и больше всех, его же особенно не осмеливались. А он еще и за покойного Михала Володковича удары раздавал — чтобы душеньке дружка легче на

том свете было, а то слухи пошли, будто призрак Володковича часто выглядывает из окон Менской ратуши, где нашел суд и смерть, и к патрону своему по ночам является так же регулярно, как лакей за ликером. Во время таких святых процедур участники, подкрепив, естественно, дух красным вином, визжали, вскрикивали, подбадривали друг друга, кто-то и сквернословил… Шум, гам… Curavimus Babiloniam (толчея Вавилонская). В храм лучше не соваться… Добрые христиане украдкой плевались от брезгливости. Сделать из таинства покаяния эдакий балаган!

Объявился пан Михал Богинский, который ради борьбы за виленское воеводство от парчового подола российской императрицы оторвался… Остановился он не в доме, где его младшая сестра принимала наивного кавалера. Неподалеку от ратуши неплохой дворец занял, балы не стихали, шляхте ежедневно, наверное, целого вола скармливали и вина добрую бочку спаивали… Из Полоцка даже бочонок невероятно ценного баторина привезли — меда, что в год закладки королем Стефаном Баторием иезуитского коллегиума отцы-иезуиты поставили. Бочка меда висела в подземельях монастыря, подвешенная на железных цепях, мед, конечно, доливался — так как за столько лет его бы до остатка высосали. Но заиметь хоть бы кувшинчик баторина ради важной церемонии — честь была неслыханная… Вот тем драгоценным напитком и покоряли сердца шляхты в доме Богинских. Сам пан не очень на питие налегал, говорили, запирался в покоях от отчаяния из-за несчастной любви к императрице и часами играл на флейте и им самим усовершенствованной арфе с педалью… Зато жена его, бывшая Чарторыйская, в отчаяние не впадала, не уставала интриговать, в партию Фамилии людей привлекая. О сестрах Богинских в городе не говорили.

Осень понемногу превращалась из золотой в коричневую, серую, влажную, пропахшую дымом и плесенью. Деревья отдавали земле свои последние листья-монеты, будто надеялись выкупить еще один теплый день. Прантиш старательно посещал лекции, даже не прятался от дополнительных занятий в тайной лаборатории. Вот-вот получит диплом магистра философии и вольных наук! Усвоил тривиум — грамматику, риторику и логику, а также квадривиум — музыку, арифметику, геометрию и астрономию, что составляло семь искусств. Потом можно браться и за изучение будто бы более низких, но куда как интересных, на взгляд Прантиша, естественных наук, которые отцами-иезуитами пока не очень уважались. Химия, физика, анатомия… Всем этим он и теперь занимался под руководством Лёдника, и тот заверял, что второй диплом Вырвич при желании получит быстро и в какой-нибудь интересной стране… Как сам Лёдник. И приводил в пример магистра Мартина Почобут-Одленицкого, который проявил незаурядные способности к астрономии и едет в Пражский университет.

Вот только никакие дипломы не приблизят простого шляхтича к сестре магната… Острое лезвие невозможной любви, однажды неосторожно допущенное к самому сердцу студиозуса, от таких мыслей начинало поворачиваться, прибавляя боль к боли, и Прантиш злился сам на себя за такую слабость. Шляхтич сам должен быть как лезвие — беспорочное, крепкое, достойное!

И в камин летел очередной сентиментальный стишок…

Нет, лучше вместо еще одного университета повоевать!

Вырвич начинал уже верить, что история с куклой закончена…

Но однажды, воротившись после долгих и приятных блужданий под окнами красотки, на этот раз с улицы, где жили оружейники, Вырвич увидел, что дом Лёдников нараспашку, перед воротами валяется чья-то шапка, будто раз-

давленная кошка, а Пифагор лает-скулит, как раненый. Вырвич выхватил саблю и бегом бросился в покои…. В зале все было перевернуто, книги валялись на полу, последний номер Лейпцигского научного журнала со статьей профессора Виленской академии Балтромея Лёдника разорван пополам и припечатан грязными подошвами. Сходство с полем боя усиливали брошенные на пол две сабли, к счастью, не окровавленные. Лёдник, побледневший и мрачный, прижимал к себе Саломею, которая отчаянно всхлипывала, правая рука доктора сжимала саблю. Из-за шкафа слышалось испуганное причитание Хвельки:

— Разве это по-людски — среди белого дня… Вламываться в дом к честным профессорам… Святые угоднички, что же это делается…

Лёдник перехватил вопросительный взгляд Прантиша.

— Не представились гости. Незнакомые, и не самого высокого полета, так, прихлебатели панские. Но не Богинских — потому что требовали, чтобы или рисунок куклы отдал, или куклу починил. А когда присягнул им, что рисунков нет, а автомат починить невозможно, так как утеряна важная деталь, хотели меня с собой утащить. Залфейке угрожали, ироды.

— Ну, и?.. — не выдержал Вырвич. Лёдник скупо улыбнулся.

— Пришлось вспомнить кое-что из бывших навыков. Не убивал, только погнал.

Прантиш хмыкнул, представив, как разъяренный Лёдник учинил нападающим маленький Грюнвальд.

— Может, заявить в городской суд? Ты же судью лечишь, вдруг поспособствует? — с надеждой спросила Саломея. Лёдник погладил ее по голове и вздохнул:

— Они же не сами по себе приходили, за ними — магнатская сила… Забыла, как Володковича пробовали осудить? Со всего княжества пришлось союзников собирать, да не нашего ранга… Стрелою камень не пробьешь.

Прантиш поднял утерянные злыднями сабли, рассмотрел:

— Гербов нет. Обычные августовки.

— Ой, что его мость пан Балтромей здесь творил! — заныл Хвелька. — Гонял ясновельможных панов, как тараканов… Ой, придут теперь мстить, порубят на кусочки… Вот же пан мой бывший, его мость Малаховский, когда его многоуважаемый сосед…

— Умолкни! — обрубил слугу Лёдник. — Каждому его час Богом определен, не спрячешься, как мышь под миской. Прибирай лучше в доме.

Прантиш сердито бросил на пол чужие сабли.

— Вот что, Бутрим, давай я скажу своим парням — поселятся здесь со мной. Будем стеречь, как бы чего не вышло! У нас банда — ого! Винцук Недолужный один четверых разбросает…

— А может, съехать в Полоцк? Или в Корабли? — подала голос Саломея. — В Полоцке отцовский дом еще не продали… И в Кораблях, гетманом подаренных, домик есть, где эконом живет. В конце концов, тебе же предлагали место в Пражском университете…

— Чтобы я прятался за спинами студентов? Или сбежал из Вильни, из академии, бросил кафедру? — Лёдник презрительно скривил губы. — Не дождутся. А вот вы, ваша мость пан Вырвич, завтра же переселяйтесь в конвент. А тебя, Залфейка, я, пожалуй, и правда отправлю в Полоцк… Посетишь и Корабли — как там твои республиканские реформы действуют у наших подданных в количестве целых двенадцати дымов.

Что на такие предложения ответили Саломея и Прантиш, можно было предвидеть…

Следующий день Прантиш потратил на то, чтобы укрепить профессорский дом на манер настоящего замка. К тому же, если подняться по деревянным лестницам на чердак, в каменной стене были небольшие амбразуры, обычно затыкавшиеся деревянными чурочками. Через амбразуры открывался отличный вид на весь двор. Студиозус подготовил на чердаке ружья, пули, и пистолеты зарядил, и железный штырь приволок, дополнительно запирать ворота… Пифагор очень серьезно выслушал наставления студиозуса насчет более сурового обхождения с ворами и весело лизнул молодого хозяина в нос.

— Держали бы тебя, как иные люди посполитые, на цепи, в голоде, да палкой воспитывали — более пользы было бы… — проворчал Прантиш.

Вечера делались все длиннее и темнее, свечей, к возмущению Хвельки, уходило все больше, и Лёдник все дольше задерживался в своей домашней лаборатории, — но не для того, чтобы разгадать загадку восковой куклы, а чтобы наготовить лекарств — и для академической аптеки, и для своих пациентов, и для Хвельковой печени… А еще — от болезни сердца и от аллергии… Прантиш знал, для кого доктор готовит специальные пузырьки с микстурами: для пани Агалинской и ее младшего сына. Профессор, как только мог часто, встречался с малышом, даже научил грамоте, точнее, заставил нацарапать на бумаге едва читаемое «Александр». И ту бумажку тайно носил при себе, в чем ни за что не признался бы, потому что высмеивал же сентиментальность у других…

И снова несчастье случилось, когда немного отпустила тревога. Какой-то батлейщик дернул за веревочки, и куклы подпрыгнули, засуетились в отчаянных танцах… Лёдника и Прантиша переняли по-наглому, просто перед профессорским домом. На этот раз шестеро, у них были безразличные физиономии наемников, которым не впервой убивать незнакомых людей, к коим у них ничего личного. Но дело есть дело, и они его исполняют хорошо.

Одинокий фонарь создавал совершенную сцену для кровавого действия… Правда, кровь почему-то не пролилась, хотя сабля Лёдника снова мелькала взбесившейся ветряной мельницей, а нападавшие не были трусливыми. Несколько царапин — для шляхтича это как паутина прилипла.

Вдруг все окончилось: наемники так же безразлично отступили, разошлись… Лёдник застыл с двумя саблями — своей и чужой, обманчиво спокойный, как черная змея, стремительного броска которой не уследить, Прантиш — спиной к спине профессора — держал обеими руками палаш и даже трясся от желания всех искрошить…

Живописность сцены была оценена: демонстративно хлопая в ладоши, к жертвам нападения подходил приятной внешности молодой пан в немецком наряде. Диамантовые пуговицы на модном сером камзоле и перстни на пальцах сияли даже в тусклом свете фонаря, а белые шелковые чулки свидетельствовали, что пан не тащился пешком по мокрым виленским улочкам, а приехал сюда в карете.

А насчет приятной внешности — так есть такие лица, которые тяжело описать, они будто предназначены, чтобы вызывать доверие. Таких людей первыми вспоминают, когда прикидывают, кого пригласить на ассамблею или кому поручить что-то деликатное. Внимательные серые глаза под тяжелыми веками могли мгновенно становиться наивно-восхищенными, высоко приподнятые брови выказывали то хитрость, то фанаберию, то радостное удивление. Лицо худое, лоб высокий, с уже наметившимися морщинами, узкие губы с притаенной в уголках рта всегдашней усмешкой… Пан церемонно поклонился:

— Искренне прошу прощения за этот маленький спектакль, но он был необходим по причинам, о которых мы с вами поговорим, надеюсь, в более приятной и безопасной обстановке. Позвольте представиться: генерал-фельдмаршал армии Ее Величества российской императрицы Екатерины Второй князь Николай Васильевич Репнин.

Доктор и студиозус опустили сабли. Племянник всемогущего российского канцлера Панина Николай Репнин был в Речи Посполитой личностью чрезвычайно известной и влиятельной. Несмотря на сравнительно молодой возраст — около тридцати лет — искушенный дипломат, политик и военачальник, личный друг Михала Богинского, Станислава Понятовского и многих иных… И коварный, хитрый враг — тоже для многих.

Пифагору российский гость не понравился.

Под злобный лай возбужденного пса его мость генерал-фельдмаршал Репнин потягивал из фарфоровой чашки душистый кофе — сами Лёдники модный напиток не пили, потому что занудный доктор утверждал, будто кофе вреден для сердца, но для любителей держали. Что это за шляхетский дом, где нет ни кофе, ни табака? Табакерка, кстати, тоже присутствовала: золотая, круглой формы, усыпанная изумрудами, с вензелем новой российской императрицы: гость демонстративно вынул ее из кармана. Такими драгоценными безделушками Екатерина одаривала особо приближенных… Репнин окинул острым взглядом Саломею Лёдник, которая принесла конфетницу с марципанами:

— Слухи не врут… Ах, как жаль, что вам не пятнадцать лет, моя пани!

Саломея недоумевающе вскинула брови, и гость объяснил:

— Тогда я бы обязательно устроил ваше похищение, научил светскому обхождению и продал вас за бешеные деньги какому-нибудь королю, вы стали бы фавориткой и помогли мне в моих небольших интригах.

Пан Николай умудрялся говорить с такой веселой, добрейшей легкостью, что невозможно было ни возмущаться, ни обижаться, — хотя сказанное не было шуткой. Саломея улыбнулась:

— Значит, мне нужно благодарить Бога, что я достаточно стара.

По лицу Лёдника, такому достойно-каменному, пробежала незаметная для посторонних опасная тень. Репнин, хотя и никакой не красавец со своим худым вытянутым лицом, был удачным охотником на амурном фронте, о его романе с пани Изабеллой Чарторыйской, в девичестве Флемминг, много болтали, так что профессор с удовольствием обошелся бы без его комплиментов в адрес жены.

— Может быть, мы все-таки перейдем к делу, Ваша светлость?

Репнин непринужденно отхлебнул кофе, отставив мизинец с длинным полированным ногтем, и мечтательно уставился на нарисованного Аристотеля, будто в позолоченной раме красовался не мрачный старый философ, а полуобнаженная Диана.

— Ах, эти дела… И серьезный подход к ним… Юмор — вот что спасает человечество от взаимного уничтожения, ибо невозможно убить того, кто тебя рассмешил. А вы такой серьезный, пан профессор… Я долго собирал о вас сведения.

— Зачем, ваша мость? — вежливо поинтересовался Лёдник, которому не впервой было поддерживать светский разговор, напоминающий путь корабля между смертельно опасными рифами.

— Вы мне нужны, — весело пояснил Репнин. — Вы православный, причем не боитесь исповедовать свою веру. Не связаны по сути вассальной клят-

вой ни с каким магнатом. Владеете достаточными знаниями и проницательностью, чтобы выполнять деликатные поручения. Мне оставалось проверить, можете ли вы защитить себя, — извините, но в рассказах о вашем фехтовальном мастерстве можно было заподозрить большую долю сказочности. Что ж, то, что я увидел, впечатляет — вы на пару со своим учеником представляете собою достаточно грозную силу… При том, что она не бросается в глаза, что при… деликатных поручениях является важным качеством.

— С чего вы взяли, что мы будем на вас работать? — не выдержал Прантиш, которому один из наемников генерала порезал рукав новехонькой свитки.

— А куда вы денетесь? — обаятельно усмехнулся посол. — Сами подумайте — времена терпимости здесь заканчиваются, вас, пан Лёдник, не оставят в стенах академии, коя контролируется иезуитами… Свято-Духов монастырь, куда вы ходите, и госпиталь при нем скоро закроют… Как и другие православные храмы. А схизматиков начнут преследовать как предателей, врагов… В стране есть люди, которые не хотят подобного допускать, и думаю, совесть заставит вас к ним присоединиться. У вас есть и личные могущественные враги, к тому же вы снова оказались посвященным в очень опасную тайну… Ну и кроме того — я знаю вашу маленькую слабость, пан Лёдник… — Репнин поставил чашку на стол и побарабанил пальцами по столешнице из черного дерева, отбивая такт мазурки. — Вы не можете удержаться перед возможностью заиметь новые уникальные знания. Тем более, если это будет оплачено и обосновано благородной целью…

— И что вы мне хотите поручить, Ваша светлость? — Лёдник по-прежнему был совершенно спокоен, но от его усмешки тянуло холодом.

— Ну, скажем, прокатиться по окрестностям Лондона — вы же там бывали, не так ли, имеете полезные знакомства? И поискать там одну вещь. Вы знаете, о чем я говорю. Вы видели рисунок, исполненый одним красивым автоматом. На нем отображено сложенное из каменных глыб строение с надписью над входом «Victoria ferrum luce». И вы догадались о наследии таинственного доктора Ди.

Лёдник бросил уничтожающий взгляд на болтливого студиозуса, тот покраснел. Значит, пан Михал Богинский был не менее болтлив, нежели студиозус, и все, что выведала для него сестра, передал российскому приятелю.

— Вы действуете в интересах его мости князя Богинского или в интересах Ее Величества императрицы, Ваша светлость? — с заметной язвительностью уточнил профессор.

— Какая вам разница, дорогой доктор? — ответил князь не менее колко. — Вы, извините за сравнение, щепка, попавшая в сильное течение, хоть, возможно, и считаете себя могучим кораблем.

Лёдник не обратил внимания на обидные слова.

— В любом случае, должен предупредить, что многие чудеса, связанные с именем доктора Ди, не более чем миф.

— Шарлатанство, мой друг! Чистой воды шарлатанство! — весело согласился Репнин. — Все эти зеркала, в которых показывается будущее, волшебные кристаллы, язык ангелов — только средство содрать деньги с доверчивых дураков и сделать карьеру при дворе. «Волшебное оружие», если не находится в руках фокусника, будет абсолютно бесполезным, подобно зеркалу, хранящемуся у графа Питерборо. Да, я держал в руках то зеркало — уверяю, что это простой кусок угля.

— Тогда зачем вам добывать артефакты, Ваша светлость, если они всего только инструментарий фокусника? — резонно спросил Прантиш, который

изо всех сил стремился перенять суховато-насмешливый светский тон собеседников.

Репнин фыркнул, как кот, выпачкавший нос в сметане.

— Имеют силу не вещи, а вера в эту силу. Давайте я расскажу вам одну сказку, мои друзья… — Князь откинулся на спинку кресла, хитро прижмурил глаза. Где-то во дворе наконец утих Пифагор, будто и он захотел послушать.

— Один большой вельможа, власть которого была не меньше, а возможно, и больше королевской, навестил Краковский монастырь… — мягким голосом начал князь. — Приняли там вельможу лучше, чем короля. Показали все реликвии монастырской сокровищницы. Среди них даже тайный экспонат, к которому не допускали никого, считалось, что с ним связана какая-то дьявольщина. Это были рыцарские латы — тяжелые, стальные… И разрезанные точно пополам, как кусок масла ножом — начиная от шишака шлема. Срез ровнюсенький и оплавленный, как от высокой температуры. Вельможа очень заинтересовался, где бы достать такой меч, способный легко разрезать закаленную сталь. И выяснилось, что это сделано совсем и не мечом — в нашем обычном понимании… А двести лет назад приехал в Краков ангелец, ученый доктор, вольнодумец и алхимик, который некоторое время прятался в Польше от неприятностей. Тот ангелец был выдающимся ученым и даже давал королю Жигимонту уроки математики… А еще любил поражать публику разными фокусами, показываемыми с помощью зеркал. Привидения вызывал, заставлял предметы исчезнуть… А однажды заявил, что ангелы подсказали ему, как сделать огненный меч. Доктор сделал из нескольких зеркал разной формы и деревянных щитов специальный большой ящик, поместил туда рыцарское снаряжение. Направил солнечный луч в специальное отверстие, и… раз! Из ящика достали разрезанные пополам латы. Публика охает, доктор горделиво объявляет, что если ему дадут возможность и деньги, он создаст такое оружие, что вражеское войско срежет, как косою… Но вместо восхищенных криков и кучи золота встретился с обвинениями в колдовстве. Собрал свои манатки, зеркала и съехал в Ангельщину. На прощание, однако, пообещал, что придет время, когда его изобретение оценят, а ради этого он спрячет его в надежном месте и обязательно передаст врагам польского короля.

— Почему вы думаете, Ваша светлость, что тот доктор в действительности не изобрел чудодейственного оружия? — поинтересовался Лёдник. — Если было эмпирическое доказательство — рассеченная сталь…

— Вы лучше меня знаете, пан профессор, как можно заранее располовинить латы и как с помощью системы зеркал подменить ими целые, — промолвил князь. — Почему, кроме этих лат, огненный меч не испытан больше ни на чем? Почему не упали все ниц перед его владельцем? Но наш современник, вельможа, с которого началась сказка, этими вопросами не заинтересовался, а просто захотел получить волшебное оружие. Золото доведет и до покинутого Эдема. Вот только вход туда не купишь. Вельможе доложили, что есть завещание создателя меча ангелов. Но доктор ничего не делал просто и по-людски. Он создал куклу, которая умела рисовать. И перед смертью отладил ее так, чтобы рисовала место, где покоится его изобретение. Куклу вместо документа завещал шведскому королю. Но король от дьявольского подарка отказался, и тогда куклу сожгли. Остался только механизм, который, как чудесный экспонат, показывали в шотландском замке. Наш вельможа не пожалел денег, механизм выкупил и заказал, чтобы куклу восстановили в Швейцарии. Вот только увидеть результат своих хлопот не успел — умер…

— Так ведь великий гетман успел получить автомат! — уточнил Прантиш.

Репнин постучал пальцами по своей табакерке.

— А кто вам сказал, ваша мость, что герой моего рассказа — великий гетман Михал Казимир Рыбонька? В действительности я говорил о его брате, Герониме Радзивилле.

Лёдник и Прантиш нахмурились, а Саломея закрыла лицо тонкими руками: в слуцком замке Геронима Жестокого им всем пришлось немало пережить… Заключенная в башне Саломея по приказу князя вынуждена была выдавать себя за Сильфиду. Лёдник и Прантиш, отправившиеся выручать ее, сами стали узниками подземелий…

— Значит, его мость Михал Казимир Рыбонька выкупил заказанный братом автомат… — пробормотал доктор. — Но, как я наблюдал, он очень не любил всяческих ведьмарских штуковин… Видимо, и не хотел, чтобы кто-то воспользовался подозрительным оружием. Особенно сын… А может, просто значения этой штуковине не придавал — вот и отписал мне.

Прантиш сердито фыркнул, отметив про себя, что в окружении его мости пана Кароля Радзивилла кое-кто, однако, очень хочет использовать тайну.

— Так вы не пояснили, Ваша светлость, зачем нам ехать за каким-то шарлатанским приспособлением, от коего никакого толку?

Репнин рассматривал свои перстни, будто впервые их видел.

— Повторяю: имеют силу не вещи, а вера в их силу. Пока уважаемый князь Михал Богинский будет ждать, когда ему доставят из-за моря-океана, с острова Буяна чудодейственное оружие, с коим он победит всех и станет королем и мужем императрицы, он будет играть себе на кларнете, рисовать натюрморты с персиками и совершенствовать театральные машины. И это лучшее для нашей ситуации. Дорогу вам оплатят, друзья мои.

— Дорогу куда, ясновельможный князь? — не выдержал профессор. — Мы не установили место нахождения пещеры!

Гость снисходительно улыбнулся.

— Найдете вы что или не найдете, знаете точно, куда ехать, или нет — на вознаграждении это не отразится. Главное, тот человек, которого пан Богинский с вами пошлет, не должен сомневаться в важности поручения и точности ваших сведений и будет регулярно сообщать о напряженных поисках своему сюзерену.

Вот оно что, кто-то от Богинских… Сразу вспомнился светловолосый гигант Герман Ватман, телохранитель князя Михала Богинского, который несколько раз спасал жизни былого алхимика и его молодого хозяина и несколько раз пробовал их убить — в соответствии с полученными приказами.

Лёдник решительно отодвинул пустую чашку, на фарфоровых боках коей мчались синие фрегаты с гордо натянутыми парусами.

— Боюсь, эта миссия для меня слишком тяжела. Очень не хочется разочаровывать ясновельможного пана, но я слишком стар и слишком мало знаю о цели нашего путешествия… А его мости пану Вырвичу нужно учиться. Поэтому...

— А вы подумайте, подумайте, пан профессор! — Репнин ни на мгновение не потерял доброжелательного выражения лица. — В не таком далеком будущем академия сделается целиком светским университетом, со всеми положенными кафедрами, с отдельным медицинским факультетом… Понадобятся новые специалисты, новый ректор. Почему бы вам не занять эту

должность? У вас авторитет, прогрессивный склад ума, знания… А насчет схрона — вы же гений, вы догадаетесь, вычислите.

Когда колеса кареты, в которой отбыл неожиданный гость, грохотали по мостовой уже где-то за Острой Брамой, Саломея нарушила угнетенное молчание, господствовавшее в комнате:

— Значит, российцы поставили на пана Станислава Понятовского. А мы снова — как пешки… Никуда я не отпущу тебя, Фауст, даже если возжаждешь приключений.

Вырвич подхватился:

— А почему бы не воспользоваться возможностью посмотреть мир?

— Забыл, как пан Богинский посылал нас в полоцкие подземелья? С тайным приказом своему наемнику перебить нас по окончании дела? — сурово спросил Лёдник. — Нашел кому верить… Николай Репнин — царедворец, ради своих целей он не брезгует никакими средствами. Сколько наших магнатов перессорил между собой с такой же доверчивой улыбкой…

Профессор утомленно потер рукой лоб.

— История — сумасшедший, который нарезает круги по периметру своей камеры, не замечая, что ступает по собственным следам. Август Сильный тоже натравливал магнатов на магнатов… Литвинские войска упразднял, штандарты их ломал… Война началась между Короной и Княжеством, епископ Ян Хризостом Желуский писал, что «исчезли в Литве право, справедливость, стыд; все подлежит мечу, управляет сильнейший, порядок заменило дикое своеволие. Бояться нужно, чтобы за такое угнетение шляхты, хотя и не быстро, не наступила бы кара Божья…» И теперь, чувствую, что-то подобное созрело. Имел я недавно разговор с одним своим пациентом… Тот искренне меня предостерегал в ближайшее время не примыкать ни к каким политическим партиям. Будто бы этой осенью Чарторыйские с Фамилией готовят государственный переворот. Но в Петербурге на их планы смотрят искоса, хотят своими силами короля нам посадить. Вот и пошли интриги… Завтра отчитаю лекции, проведу сложную операцию, а в воскресенье отправимся с утра в Полоцк. А там видно будет.

Пока что виден был только портрет Аристотеля, три пустые чашки с синими кораблями на столе и перепуганное лицо Хвельки, что выглядывал из приоткрытых дверей.

Глава шестая

Страшная присяга Лёдника

Наверное, каждому случалось увидеть во сне что-то такое, чего он в жизни никогда не встречал, только слышал… А здесь — на тебе, будто бы не сон, а воспоминание…

Прантишу снилась пальма.

Такая, как на рисунке в книге по географии. С длинным мохнатым комлем, с пучком листьев наверху, похожих на папоротник…

Вокруг был ровненький песочек. Хоть сейчас могилу копай.

В соответствии с сонником, в который заглянул Прантиш, как только проснулся, — сонник был потрепанный, с вырванными страницами, и остался в этом доме еще от бывших хозяев, даже не претендуя на место рядом с многомудрыми солидными томами новых жителей на основательных полках, —

пальма в сновидениях означала осуществление самых тайных желаний. Но осуществиться они могли, только если ты отдашься на волю судьбы, как отдается волнам пассажир затонувшего корабля, которому повезло уцепиться за доску.

За окном, однако, не пальма раскачивала желтой головой, а здешний молодой клен — возмущенно отбивался растопыренными ладонями от мокрых поцелуев приставучего осеннего дождя.

Клен виднелся нерезко через запотевшие стекла. Так и хотелось начертить на них пальцем магические формулы, запечатывающие покой и счастье в доме, не давая им испариться. В отличие от большинства горожан, которые, чтобы не терять тепло и экономить дрова, конопатили окна намертво, доктор Лёдник приказывал в своем доме все окна периодически распахивать для притока свежего воздуха, полезного здоровью. Но это же доктор, чудак и чародей.

Прежде чем увидеть пальму, Прантиш полночи ворочался и думал о Полонее Богинской… Догадывается ли она, что приятель ее брата, потенциального короля, на самом деле действует ему во вред? Прантиш мог бы ее предупредить — но не заслужила коварная красавица! Интересно, где она сейчас… И с кем…

После завтрака — быстрого и мерзко полезного — гречневая каша, отварная говядина, простокваша, — пани Саломея начала упаковывать вещи, подгоняя заспанного Хвельку. Ему сколько бы ни удалось поспать, всегда было мало, так бы и не вылезал из постели… Разве что подкрепиться… Хвелька оправдывал свою медлительность больной печенью, а Лёдник объяснял прирожденной ленью, коя возникает от преимущества в организме флегмы. Но разгонять флегму Хвелька был согласен только горелицей, а этого безжалостный доктор не допускал, — мол, напьешься здесь — похмеляться будешь у праотца Авраама, так как печень посадил конкретно на службе у щедрого на выпивку бывшего хозяина.

Во время лекции по логике Прантиш на последней скамье аудитории выиграл у Недолужного в кости три шелега, за которые теоретически можно было бы приобрести трех профессоров Лёдников... Но и одного казалось слишком, чтобы он облез неровно, как говорит Недолужный… Временами Вырвич вспоминал своего отца, пьяницу и буяна на весь повет, и думал, что вряд ли он одобрил бы сыновьи занятия… Отец бы сидел сейчас не на лекции, а среди шляхтичей за поминальным столом и спорил, кто более достоин быть воеводой виленским, пан Михал Богинский или пан Кароль Радзивилл, а после спора на словах схватился бы за саблю… К досаде горожан, стычки между шляхтой, съехавшейся в Вильню, делались все более частыми и кровавыми, соответственно количеству выпитого вина. Вот и сегодня студенты передавали друг другу, какая страшная произошла вчера баталия прямо на площади перед ратушей — десять вояк погибло, а раненых так втрое больше. Среди последних — несколько горожан, которым не повезло проходить рядом. Эх, вот где настоящая жизнь, а не в этих аудиториях!

А потом Прантиш представлял, как он, опьяненный дурманом боя, умирает на виленской мостовой… И ради чего, получается, он отдал жизнь, кого защищал, кому показал героический пример?

…Упакованные сундуки стояли посреди комнаты. Лёдник взвешивал в руках тяжелый томик, взятый из «лишней» стопки, прикидывая, может, всетаки хоть его еще втиснуть в котомку.

Вдруг в ворота со всей дури громыхнули. Это уже напоминало древнегреческую комедию, в которой пьяные гости никак не могут разойтись по домам, кружат и все равно возвращаются к усталому и объеденному хозяину.

— Не шляхетский дом, а какая-то придорожная корчма! — раздраженно верещал Хвелька. — Вот у его мости пана Малаховского…

Но в ворота загрохотали так, будто кто-то напоил медовухой целое стадо зубров, и теперь они исступленно разбегаются и лупят рогами в дерево. Хвелька тихо пискнул и побежал прятаться…

— Стой! А ну-ка к тому окну, фузею бери! — скомандовал трусу Прантиш, который давно готовился серьезно встретить очередных нападающих, и полез на чердак, к амбразуре. Лёдник также схватил пистолеты… Во дворе Пифагор, похоже, вцепился кому-то в голень — так как послышался крик боли и визг бедной собаки, которой перепало за верность. Это был плохой знак, означало, что незваные гости перебрались через забор. И правда, грохнуло на этот раз прямо в двери дома. Голоса сливались в угрожающий гул. В окнах мелькали тусклые силуэты, что по одному переваливались через каменную ограду, — неужели открыли то место, которым пользовался для таких же целей сам Вырвич?

— Стойте, ваши мости! — звонко выкрикнул Прантиш в амбразуру. — Остановите наезд, или, видит святой Франтасий, угощу пулями!

В доказательство своих слов Прантиш выстрелил. Что-что, а стрелять он наловчился лучше Лёдника, фехтовальщика несчастного. Пуля должна была попасть в верхнюю часть ворот — ее послали не убивать, а попугать. Голоса на улице зазвучали громче. Прантиш еще раз выстрелил, и гости шарахнулись назад. Ничего, не сотня, и даже не дюжина… Пощиплем перья сизоворонкам. Но одна фигура отделилась от толпы и взбежала на крыльцо.

— Открывай, доктор! Имею вести о пани Агалинской и ее сыне! Ты знаешь, кто я! Я войду один, слово чести! Мне нужно только поговорить. Открывай!

Голос был в такой степени ярости, когда звучит на пределе отчаянного крика. Побледневший Лёдник застыл на месте, потом крикнул Прантишу:

— Отведи в дальнюю комнату Саломею… Запри и стереги. Быстрее! Залфейка, поверь, так нужно! Прошу тебя, сиди тихо, не подслушивай и не пробуй вмешаться!

Пани Лёдник хотела возразить, но что-то в голосе мужа было такое, что спорить не приходилось, — таким голосом доктор разговаривал во время сложных операций. Однако Вырвич, как только проверил, что пани Саломея в безопасности, бегом вернулся назад. Лёдник успел уже отпереть дверь.

В помещение ввалился широкоплечий шляхтич лет тридцати с красивым надменным лицом: синие глаза излучали презрение, светлые усы с рыжинкой воинственно топорщились… Но самое устрашающее — на пане была одежда альбанца, а за каждым из банды стояло их грозное братство во главе со всемогущим Пане Коханку. У альбанцев был даже свой внутренний суд — иных они не признавали. И за предательство могли осудить кого-то из своих на смерть — и тот должен был покорно принять это и драться на дуэли по очереди с каждым, пока не осуществится приговор.

Альбанец смотрел на профессора Виленской академии, как на вредную козявку, которую можно только брезгливо раздавить. Правая рука сжимала саблю так, что косточки на руке побелели. Нужно было быть Лёдником, чтобы при этом сохранять внешнее спокойствие.

— Чем обязан визиту в свой скромный дом ясновельможного пана Гервасия Агалинского?

Прантиш вздрогнул: вот оно что, это младший брат Лёдниковского кредитора! Кто бы мог подумать, что у красномордого толстяка такой воинственный брат! Хотя, если присмотреться, можно заметить фамильное сходство: рыжеватые волосы, широкие нервные ноздри, светлые глаза, в которых легко загорается огонек бешенства, упрямый раздвоенный подбородок.

— Скажи, Бутрим, как бы ты обошелся с человеком, который подло опозорил и уничтожил самое дорогое, что ты имел? — голос гостя был устрашающе тихим. О-ёй, спрятали мельницу за кустом… Вырвич осторожненько оголил саблю.

— Не знаю, о чем вы, ваша мость, — промолвил Лёдник. — Вы говорили, что у вас есть сведения о пани Агалинской…

Пан с ненавистью процедил сквозь зубы:

— Конечно, есть… Нет ясной пани Гелены уже на этом свете. Два дня, как нету.

Лёдник прерывисто вздохнул, будто ему пережало горло, помолчал, перекрестился.

— Как случилось это страшное несчастье?

Агалинский оскалил зубы в подобии улыбки.

— И ты еще спрашиваешь, мерзавец? Это же ты убил ее! Узнаешь?

И сыпнул на пол из кармана несколько разноцветных пузырьков — в такие Лёдник обычно разливал свои микстуры. Пана даже трясло от презрения и ненависти. Профессор выдержал его взгляд.

— Я никогда бы не причинил вреда пани… Я передавал ей лекарства от болезни сердца. Могу присягнуть, что они безопасные, могу сам выпить все, что осталось…

— Не сомневаюсь, что это были хорошие лекарства! — Агалинский, мягко ступая в желтых сафьяновых сапогах, прошел вокруг Лёдника, пренебрежительно разбрасывая ногами пузырьки. Вырвич внимательно следил за каждым его движением, чтобы не пропустить направленный в профессора сабельный удар.

— Конечно, ты старался угодить своей пани. Такой красивой, такой доброй. Такой доверчивой… Ты убил ее, когда соблазнил!

Выкрикнув последние слова со всей силой гнева, Агалинский толкнул профессора в грудь так, что тот, не сделав и попытки защититься, отлетел к столу, на котором от столкновения все попадало. Лёдник удрученно молчал, опустив взгляд. Вырвич тоже растерялся — здесь дело чести, вмешиваться неуместно. Меж тем Агалинский снова приблизился к Лёднику, не вынимая саблю из ножен.

— Что ты сделал с ней, проклятый ведьмак? Чем опоил? — вдруг пан всхлипнул, голос его задрожал от настоящего горя. — Я же на нее молился! Когда мой пан брат женился, я был не старше этого парня, — Агалинский кивнул в сторону Прантиша. — Я смотрел на свояченицу, как на Мадонну, прости меня Боже! Какую борьбу я вел с собой, чтобы отогнать греховные мечты, чтобы даже в мыслях не оскорбить святое таинство брака собственного брата. И мне не в чем себя упрекнуть! И тут появляешься ты, холоп, мерзкий чернокнижник, и склоняешь ее, свою пани, к смертному греху! И теперь наш шляхетский род воспитывает твоего выродка! Который носит наше имя!

Агалинский еще раз толкнул Лёдника. Тот глухо проговорил:

— Я был бы счастлив сам воспитывать его и дать ему свое имя.

— Мерзвец! — губы Агалинского кривились от презрения, а глаза побелели от гнева. — Ты смеешь ставить себя рядом с Геленой Агалинской из Агареничей! Мало тебе было всего этого — так надо появиться сейчас, ввалиться в опозоренный тобою дом, возиться с ребенком, слать свои паршивые бутылочки! Неужели ты думал, что моему брату не расскажут об этом? Не знаю, почему он до сих пор ни о чем не догадался, бедняга — доверчивая натура, да еще все время страдал глазами, не по твоей ли милости почти ничего не видел, иначе давно бы и сам убедился, что в его гнездо подкинули чужого птенца. Когда мой пан брат узнал о позоре — он пошел к жене… И никто не осудит его за гнев. Потому что свершился Божий суд — ее сердце не выдержало справедливых упреков.

Прантиш представил, какими могли быть те «упреки» от гневливого толстяка Агалинского, пьяного как извозчик… Вспомнил светлые прядки, что выбивались из прически пани Гелены, будто легкий дымок… Ее плавные движения, горделивую шею, горький рот…

— Думаешь, это все, что ты наделал? — пан Гервасий цедил слова сквозь зубы. — Мой благородный брат, увидев смерть преступной своей жены, в отчаянии пошел сообщить мне, что произошло, и попал в большую драку у ратуши, где проявил достойное рода Агалинских геройство, но был коварно убит. Конец славной шляхетской семьи из-за безродного похотливого слуги!

Агалинский страшно захохотал, и Прантиш на всякий случай подвинулся ближе со своей саблей.

— Я готов расплатиться с паном, как он пожелает… — глухо промолвил профессор, опустив голову. — Только пусть из-за того ужаса, что произошел, не страдает ребенок. Мальчик ни в чем не виноват. Стоит ли кричать всем о его происхождении и пятнать память пани Агалинской и вашего брата?

— В этом я с тобой соглашусь, паршивец, — проговорил гость. — Позор моего брата должен остаться тайной. Но я, как опекун своих племянников, позабочусь, чтобы твой выродок впредь жил в месте, которое больше соответствует его происхождению.

Губы Лёдника задрожали, но голос был ровным.

— Можете сделать со мной все что угодно, только не вымещайте гнев на ребенке.

— Значит, ты соглашаешься, чтобы я убил тебя выбранным мной способом? — весело-ненавидяще переспросил пан Гервасий.

— Да, ваша мость, — холодно ответил профессор. — Как и когда вам удобно.

Тут Вырвич не выдержал.

— Ваша мость пан Агалинский, вы имеете право на сатисфакцию, и никто вам в этом не возражает, но пан Лёдник — шляхтич, и вы должны вызвать его на дуэль. Свои оскорбления шляхтичи смывают с помощью сабли!

Агалинский взглянул на Прантиша, как собака на отруби.

— А ты кто?

— Прантасий Вырвич из Подневодья, герба Гиппоцентавр! Потомок Палемона! — с вызовом ответил Прантиш. Гость вежливо поклонился.

— В более приятных обстоятельствах сказал бы, что рад познакомиться с паном. Но сейчас приятностей быть не может. Паршивец Балтромей должен ответить за свое страшное преступление. Драться с ним? — альбанец фыркнул. — Чтобы я скрестил дедовскую саблю с саблей в руках холопа, слуги моего брата? Ни за что! Но кроме его мучительной смерти, иной расплаты я не приму. А я еще жалел его в свое время! Перед братом заступался — ученый

человек, нельзя его мучить… Ну почему мой брат не сгноил тебя на цепи в подвале! — гость со свистом втянул воздух сквозь зубы, пытаясь успокоиться. Прантиш не мог понять, почему пан Гервасий себя так сдерживает, — видно же, что в горячей воде купаный, да гнев сквозь уши выливается. Но у пана явно имелся какой-то план.

— Единственное, что ты, Балтромей, еще можешь сделать в своей поганой жизни, — решить судьбу младшего сына пани Гелены. На что ты готов ради того, чтобы эта судьба была приемлемой?

— На все! — твердо сказал Лёдник.

— Ну что же, тогда у меня есть для тебя задание… — пан Гервасий неспешно прошелся по комнате, потыкал носком сапога в сундук с книгами. — Съезжать собрались? Тогда меньше времени потратите на сборы. Завтра мы отправляемся за огненным мечом. И не делай вид, поганец, что чего-то не понимаешь и не знаешь. Приведешь меня к аглицкой пещере, найдем там что-то или нет, — я после возвращения навсегда забуду, что пан Александр Агалинский — не мой племянник, и позабочусь, чтобы никакие сплетни не портили ему жизнь. Он получит все, что должен получить наследник нашего славного рода. Даю слово. Я поеду с вами. И по дороге не пробуй от меня избавиться — если любишь сына. А ты должен присягнуть, что умрешь от моей руки, когда я посчитаю нужным.

— Шляхтичу не к лицу ремесло палача! Ваша мость должен вызвать пана Лёдника на дуэль! — в отчаянии кричал Прантиш, понимая, что его не услышат.

— Даю слово, клянусь перед Богом всемогущим и святыми угодниками отдать себя в руки вашей милости по первому требованию! — твердо вымолвил доктор и перекрестился.

Прантиш устало уселся на диван, чувствуя свою беспомощность. Конечно, Лёдник вел себя как единственно возможно для человека чести, но было во всем этом что-то очень неправильное… Искусственное… События напоминали пьесу Шекспира, современника доктора Ди, страстей и смертей было даже слишком. Но пан Агалинский приблизил свое лицо к лицу Лёдника, схватив того за ворот, и с жуткой улыбкой весомо и медленно проговорил:

— Ты думаешь, я дам тебе умереть легкой смертью? Ты — подлый холоп. И должен уйти как холоп. Я лично забью тебя плетью.

Лёдник не изменился в лице ни черточкой.

— Как будет угодно вашей милости.

На прощание пан Агалинский так наподдал ногою стопке книг, которые не поместились в сундук, что те разлетелись по комнате, будто хотели спрятаться.

Прантиш боялся глянуть на профессора, который в изнеможении уселся в кресло, а на его ссутуленных плечах будто лежала тяжесть небес. В конце концов, и на Прантише была вина — это же он вывернул деталь из Пандоры и тем лишил других возможности получить рисунок. А потом проговорился Богинской, что они с Лёдником сделались хранителями тайны.

— Ничего не говори Саломее… — хрипло промолвил привычную фразу Лёдник, медленно встал и, как слепой, двинулся в кабинет. Вырвич не решился его задерживать.

Когда доктор заперся в своем научном схроне и в своем горе, в доме установилась тишина, и она показалась Прантишу такой тяжелой, такой гнетущей, что он не выдержал и выбежал из профессорского дома, будто из проклятой пещеры, в которой только что обнаружилось логово дракона. Нужно было все спокойно обдумать… И пускай оконная ниша полуразрушенной стены

старого замка — не лучшее укрытие от дождя и холода, но здесь были воля и уединение… Прантиш прислонился спиной к мокрым кирпичам и обхватил голову руками. Так, значит, всем нужно, чтобы профессор Лёдник поехал за каким-то изобретением древнего доктора. И российскому послу Репнину, и пану Каролю Радзивиллу, и князю Богинскому. Вопрос: откуда пан Кароль знает, что доктор почти раскрыл тайну Пандоры? Его посланцы выкрали Пандору, убедились, что она не работает… Значит, кто-то рассказал, что кукла перед этим все же нарисовала завещание аглицкого доктора. Ну не пан же Богинский проговорился Радзивиллам и не его сестра… А скорее всего, князь Николай Репнин провернул очередную дипломатическую операцию — нейтрализовать политические фигуры, поссорив их меж собою и подсунув вместо реальной и близкой фантастическую и недостижимую цель. Вырвич как наяву услышал голос генерала-фельдмаршала: «Советую вам подождать, мой пан, представьте только, как быстро и победно вы достигнете цели, если в ваших руках окажется всемогущее оружие! О вас сложат легенды! Все короли склонятся перед вами… Зачем же теперь тратить силы?»

А пока Радзивиллы и Богинские выжидают, можно укреплять своего кандидата на трон... А когда реликвия не достанется никому, опять же, можно втянуть претендентов в битву, намекнув, что соперник перехитрил, помешал... Еще бы киевского воеводу Потоцкого сюда приплел да коронного гетмана Броницкого, которые тоже на трон целятся… И не забыл заинтересовать оружием доктора Ди тех, кто ставит на сына Августа Саса… Пусть бы все вообще в Речи Посполитой подрались да перебили друг друга за тот дьявольский меч!

При любом раскладе доктор Лёдник (а заодно и его спутники) сделаются ненужными свидетелями.

Но ведь доктор и так должен погибнуть.

Правда, Прантиш как-то отодвинул мысль о его страшной присяге подальше — пан Гервасий трогать доктора не станет, пока тот не добудет артефакт. А до этого сомнительной вероятности события столько случится!

Прантишу вдруг стало жарко от неприятной догадки: если князь Репнин собирал сведения о Лёднике, конечно же, рассказал и о его визитах к пани Агалинской и маленькому Александру. Среди прислуги точно непристойные слухи ходили о пани и ведьмаке-лекаре. А донести эти слухи до пана Агалинского — если уж все ближние до сих пор побоялись — помогли со стороны, чтобы доктора прижать. Ни деньгами, ни страхом смерти его не согнуть, а чувство вины и ответственность за судьбу сына — самая лучшая цепь.

А дальше Прантишу стало еще более неловко. Потому что пришла в голову еще одна очень простая мысль: а что было бы, если б разъяренный пан Агалинский не погиб в случайной драке? А что, если не к брату он шел, не к властям сообщить о смерти жены, а перся разбираться с доктором, который наставил ему рога высотой с астрономическую башню? А доктор нужен для интриги живым и здоровым… А учинить заварушку среди пьяной шляхты да втянуть туда ошалелого от злобы и вина подслеповатого пана — соломину тяжелее переломить. В исходе судьба доктора и его сына в руках пана Гервасия. Который, правда, не очень похож сам на опытного интригана, — но ведь им же есть кому управлять. Он альбанец, а это значит, до конца предан Пану Коханку, а тот во всем теперь слушается хитроусого пана Богуша, напрасно пытаясь заменить им расстрелянного Володковича. А князь Репнин со всеми приятельствует, всем может тайно «помогать». И валите вы, дорогие литвины, искать в странах далеких оружие чудодейственное, что поспособствует

вам перебить друг друга да наладить порядок в своей стране, а мы пока его и так наведем. На свой вкус.

Ветер сыпанул в лицо Вырвичу мокрые холодные капли, сбитые с кустов, на которых трепетали только отдельные узкие листочки, как желтые рыбешки. Погано быть маленькой рыбешкой, над которой кружат голодные щуки.

Но всегда есть шанс, что хищники перегрызутся между собою раньше, чем съедят рыбешку.

Прантиш зажмурил глаза: пахнуло ветром дальних странствий. А это наилучшее средство победить тоску и забыть обо всех проблемах!

В доме с зелеными ставнями Прантиша встретила встревоженная Саломея, ее огромные синие глаза покраснели от слез.

— Бутрим заперся в кабинете, не отзывается. А недавно письмо принесли…

Вырвич схватил конверт и подошел к свече, чтобы полуше рассмотреть. На печати красовался герб Агалинских, знакомый Прантишу еще по событиям трехлетней давности: именно такой герб, только забрызганный грязью, красовался на двери кареты, приостановившейся около беглого школяра Вырвича на дороге из Менска в Воложин. И пан из кареты предложил школяру купить у него за шелег ценную вещь, а этой вещью оказался мрачный алхимик, которого теперь нужно было как-то спасать из безупречно подстроенной ловушки.

Интересно, додумался ли мозговитый профессор до тех же выводов, к коим пришел студиозус, или так углубился в горе и чувство вины, что не способен на логические выкладки? Прантиш приник глазом к отверстию в двери профессорского кабинета. Доктор сидел за столом, уставившись в листок бумаги… Вырвич догадался, что это заветный листок с начертанным на нем детской рукой именем «Александр».

Прантиш для приличия постучал в дверь профессорского кабинета и громко рассказал о письме, подчеркнув, что прочитать нужно немедленно. В ответ — молчание.

— Ну, значит, я сам прочитаю, хорошо?

Молчание. Будем считать, что это согласие.

Содержание письма было простым и лаконичным. Доктору Балтромею Лёднику в следующий понедельник следовало отправиться в путь. Пан Гервасий Агалинский заедет за ним утром. Пани Саломея Лёдник должна остаться в Вильне и никуда не отлучаться. Прантиш понимал, им нужна была заложница, — чтобы доктор обязательно вернулся.

Короче, оставалось снова увидеть во сне пальму — потому что ничего иного, как отдаться на волю рока, не придумаешь.

Глава седьмая

Вырвич и Лёдник на проклятой мельнице

Где дороги, там и ямы… Индусы, кстати, объяснили бы, что Яма — имя бога подземного царства, владельца четырехглавых собак, что невидимыми бродят среди людей, высматривая их грехи. В одной руке Ямы — дубинка, с помощью которой бог индуистским своим способом вынимает душу из тела.

Здешние ямы тоже могли вынуть душу из тела — легко. Однажды в юности пан Михал Богинский, только возвратившись на родину из Франции, кувыркнулся вместе с каретой в такую лужу на литвинской дороге, что едва

вытащили, и после этого взялся приводить в порядок тракты в своих владениях, так что злосчастная ямища очень даже поспособствовала простому люду. А вот видеть дорожную яму во сне — это значит наяву будешь иметь плохих попутчиков.

Но разве может быть попутчик хуже, чем пан Гервасий Агалинский, который, сидя в дорожной карете-дормезе без гербов, так презрительно и ненавидяще поглядывал на Балтромея Лёдника, что если бы взгляды имели силу шпаги, проткнул бы доктора, как черного жука шпилькой. Карета то одним колесом, то другим проваливалась в ямы, грязные фонтаны вылетали из-под копыт лошадей, и пассажиров, несмотря на новомодные металлические рессоры, мотало туда-сюда, как муку, которую просеивают через решето. Но Лёдник сидел, уткнувшись в толстую книжку ин-кварто на немецком языке, видимо, какую-то научную скукотищу, и выражал эмоций не более, чем осенняя лужа. Ну проехало через нее колесо — а она осталась и снова отражает серое осеннее небо. На Вырвича пан Агалинский совсем не глядел — может, просто потому, что, судя по опухшему лицу пана и покрасневшим глазам, сегодня в его голове тоже скакали альрауны, и вертеть ею было больно. Известно, отправляясь в далекое и опасное путешествие, шляхтич должен как следует распрощаться с друзьями. И наутро после прощания лучше его не трогать.

В дорогу отправились в совсем плохое время. Не сухим летом и не зимою, когда реки превращаются в удобные дороги, а осенью, когда впереди самая слякоть. Конечно, в карете уютно — тем более, карета — дормез, в которой спинки раскладываются для сна. Но если до Полоцка еще кое-как доедут по тракту, то дальше через болота, пущи и лужи на такой колымаге не пробиться.

Направились в Полоцк не случайно, хоть это означало несколько лишних дней дороги. Цифирки на рисунке Пандоры были координатами тайной пещеры, записанными на «енохианском языке», которому доктора Ди научил нездешний Уриель. Вот только словаря языка ангелов под рукою не было… Экземпляр, что имелся у Лёдника, доктор под горячую руку сжег в том самом камине, где сгорели Прантишевы стишата, — чтобы не осталось соблазна ввязаться в мистические поиски. А полноценный экземпляр чрезвычайно редкого издания можно было найти разве что у дядьки Лейбы, аптекаря из Полоцка, который дружил с отцом панны Ренич, известным книжником, и от него получил на сохранение много редкостей. Поэтому и отправилась карета к святой Софии на берегу Двины…

Дорога как всегда выметала из головы лишние переживания, как сухую листву с тропы. Неизвестность и опасность… Двести лет назад на королевской почте от Вильни до Кракова можно было, при всяческом благопоспешествовании, как свидетельствовал француз де Виженер, доехать за пять дней, а обычные путники тратили не менее двух недель… Папский нунций Луиджи Липман из Варшавы до Вильни добирался двенадцать дней и жалобно писал в Рим: «Бог знает, какие неудобства познали и я, и мои спутники, двигаясь в самые суровые морозы, из-за льда, ветра, поднятия вод, мы плохо питались, с трудом утоляли жажду, спали все время на земле, имея под собой только клочок сена, да и тот найти было нелегко».

С тех времен лошади не стали бегать быстрее, а дороги не улучшились. А если придется отбиваться от грабителей, объезжать поваленные деревья и военные действия… Прусская война никак не закончится, хотя вся Европа от нее устала. Можно было наткнуться на какой-нибудь войсковый отряд, который ищет дезертиров, новобранцев или просто мародерствует. А в той неразберихе все воспринимались прежде всего как враги. Возможно, когда Вырвич вернется на Родину, у него будут вполне приличные шляхетские усы.

Редкие встречные хватались за шапки, и пока не проедет карета с панами, склонялись в покорных поклонах. Лёдник как-то с горечью рассказывал, что в той Ангельщине встречные простолюдины могут даже презрительно свистнуть вслед карете, а в Швейцарии вежливо помахать рукой… Прантиш, посконный шляхтич, который вырос среди мужиков, не мог такой дерзости с их стороны даже представить. Далеко местному люду, воспитанному розгами да плетями, до пасторалей Жан Жака Руссо и других физиократов. Пусть пани Саломея с мужем и взялись подаренных им крестьян обучать, переводить на оброчную систему да на место управляющего пристроили добрейшего беглого француза, захваченного прогрессивными идеями… А те пейзане толстяка-француза жабой прозвали, панский луг весь потравили, а новопостроенная школка так и вовсе сгорела, будто сама собой. Вырвич презрительно фыркал: паны самозванные, разве мещанин поймет, как справиться с деревенским хозяйством? Но когда Лёдник предлагал — езжай, умник, наведи порядок, так же презрительно отмалчивался. Хватит, навозился с землей в детстве.

Прантиш, которому обрыдло молчание, потихоньку рассматривал пана Гервасия: с каким человеком придется делить в ближайшие месяцы хлеб, соль и смертельную опасность? Пока понятно было одно: пан в кипятке купаный, смелый вояка, о чем свидетельствуют шрамы на щеке и упрямый лоб, знатный бражник, что подтверждают покрасневшие нос и глаза. Ну, а раз, по его признанию, заступался перед братом за доктора-холопа, то не совсем очерствела его душа. Из кармана пана торчал какой-то странный штырь с нанесенной шкалой и несколькими проволочками, который время от времени пан доставал и, прищурив один глаз, целился им в небо, потом что-то подкручивал, что-то высчитывал, старательно шевеля губами, и делался в эти моменты похожим на любопытного мальчишку. Поймав взгляд студиозуса, важно объяснил:

— Астролябия! Купил у голландского капитана! Сама показывает путь по звездам! По ней даже до Америки можно путь проложить.

Астролябию Прантиш видел в обсерватории Виленской академии — однако там такие устройства были в виде диска или сферы. Доктор оторвал глаза от книги и поучительно объяснил с легкой насмешкой:

— Инструмент васпана давно устарел. Это линейная астролябия араба ат-Туси, моряки давно пользуются более современными, а в последние годы вообще появились секстанты. Но пользованию каждым таким приспособлением нужно долго учиться, ваша милость.

Под конец доктор сбился на неприятный менторский тон, от которого в свое время бесился Прантиш. Теперь настал черед пана Агалинского, тот не то что покраснел, а стал лиловым, как свекла. Вырвич быстренько воткнул реплику:

— Ваша мость говорили об Америке? Вы были в Новой Индии или собираетесь?

И вот тут все полилось, как масло на сковородку. Потому что пана Агалинского прорвало: оказалось, что он с детства мечтал об экзотических путешествиях, а потом насмотрелся в Несвижском дворце, куда попал в качестве пажа еще мальчишкой, всевозможных заморских чудес — золотые устрашающие маски со слепыми глазами, головные уборы из перьев, маленькие птички размером с бабочку… И мечта доплыть до земли, где живут краснокожие дикари, которые в непроходимых дебрях построили города из золота и горного хрусталя, где растут на деревьях кофе и чоколады, стала навязчивой.

Наверное, поэтому пан Гервасий так охотно ринулся в это путешествие, пусть и не в Америку. Потому что на кораблях он плавал только по каналам, прокопанным у Несвижа для реконструкции водных баталий. Пан Гервасий старательно собирал все сведения о дальней стране, скупал предметы, вывезенные оттуда, и шарлатаны хорошо поживились за счет бравого альбанца, продав ему за бешеные деньги посох индианского царя, вырезанный из здешней липы и раскрашенный как писанка, и ржавый топор, которым будто бы жрецы майя убивали несчастных девственниц, прежде чем бросить их в бездонный колодец кровожадному божеству с непроизносимым именем Кецалькоатль… Правда, пан Гервасий был охоч до сказок не только из Новой Индии. Он записывал в специальную книжечку с зеленой кожаной обложкой разные удивительные случаи и слухи. «Сего дня видел жабу с красными щеками, коя могла надувать их так, что они делались похожими на два красных пузыря. Жаба та, как мне рассказали, вылупилась из яйца, снесенного черным петухом, и если бы это яйцо кто-нибудь носил под мышкой, из него непременно вылупился бы дракон».

Прантиш ожидал, что доктор начнет высмеивать суеверного невежду, но в глазах Балтромея мелькнуло даже уважение: профессор почитал людей, которые интересуются чем-то за пределами бытийной суеты и способных на чудачества. А студиозус решил, что с этого времени будет про себя звать пана Гервасия Американцем. К тому же вспомнилось, как с такой же записной книжкой ходил и тоже записывал разные чудеса Вороненок, друг Прантиша по Менскому иезуитскому коллегиуму.

Понемногу темнело, и Американец объявил, что ночевать они будут на водяной мельнице, где есть гостевые комнаты и где, когда надо было избегать лишних ушей и глаз, он не раз находил приют. Это намного лучше, чем корчма, тем более мельница находилась на земле, принадлежащей покойному пану Агалинскому, а поскольку пан Гервасий стал опекуном несовершеннолетних племянников, то он сейчас там и хозяин… Имение умершего брата Глинищи тоже недалече, но нужно делать крюк, переться через лес… Да и не хочется лишний раз вспоминать о семейной беде. А в соседней деревне Корытники, которая тоже принадлежала Агалинским, пан Гервасий вообще не был лет двадцать.

Не сказать чтобы студиозусу сильно понравилось место ночлега. Ясное дело, мельник водится с нечистой силой, потому что если с водяным у него дружбы не получится, то хоть разрушай ту мельницу. В родном Подневодье Прантиш мальцом сам бегал вместе с друзьями смотреть, как во время заморозков торжественно опускают под водяное колесо кусок сала, чтобы водяной не слизывал с того колеса смазку. А временами, обмирая от позорного для шляхтича ужаса, юный Вырвич осмеливался украдкой ловить у мельницы рыбу,— а там можно было подцепить на крючок водяного или русалку. Еще Прантишу рассказывала нянька Агата, что мельники специально держат в доме животных черной масти: если что, принести в жертву. А возможно, не только петух или кот делались подарками для водяного, но и запоздалый путник: заманит его мельник да и столкнет в реку… А что же, мельница все равно нужна людям — пусть стоит на девятом зерне: девятая часть помола остается нечистой силе. Единственно, если мельник добудет траву, называемую Адамовой головой, которая даст ему власть над нечистым… Или кто-то мстительный бросит под водяное колесо овечью кость, наполненную ртутью, или свиное рыло — и конец мельнице.

Когда карета остановилась, в тишине и сумерках глухой рокот колеса показался звуком от весел галеры, на которой плывут безжалостные желтоко-

жие воины. Вырвич соскочил на мокрую поседевшую траву, с удовольствием потягиваясь. Окошко мельницы светилось желтым тревожным светом, но к приезжим от ворот из крепких бревен никто не спешил. Вскрикивали еще не улетевшие на юг редкие птицы, в поредевших кронах тополей, что подбегали к мельнице, будто занимали очередь на помол, шелестел ветер. Хвелька слез с козел, где соседствовал с похожим на усатого жука мрачным кучером Агалинского Карпом, и тихо постанывал, надеясь, что хозяин оценит его страдания и вознаградит за них хотя бы жбанчиком пива.

Кучер решительно постучал в ворота. Во дворе зашлась тонким лаем собака — Прантиш сразу вспомнил бедного Пифагора, которому досталось от людей Агалинского, хорошо, жив, да не остался хромым.

— Отпирай, мельник! Его мость пан Гервасий Агалинский приехал!

Та быстрота, с которой гости очутились во дворе, а потом в доме мельника, свидетельствовала, что пан Агалинский уважаем здесь не меньше водяного и в жертву может взять что угодно. Мельник, на удивление Прантиша, совсем не был богатырем с каменными плечами, предназначенными для переноски мешков. Он был невысокий, коренастый, перекошенный на одну сторону, с испуганным лицом и слегка прижмуренным глазом. Имел слишком длинные руки с огромными натруженными ладонями — казалось, в таких ладонях камень легко превратится в песок. Мельник двигался как-то неуклюже, а вот руки его будто жили особой жизнью, ловко помогая распрягать лошадей.

Странно, хотя колесо мельницы вращалось, ни одного воза с мешками во дворе не было. Вообще все вокруг как вымерло, хотя в выбитых колеях стояла вода, что значило: сюда еще недавно ездили.

В доме, пристроенном к мельнице, пахло не мукой и не хлебом, а травами. Совсем как в университетской аптеке.

— А то снадобье от головы еще есть? — ворчливо спросил мельника Американец, который сидел за столом, едва не припав к столешнице. Рыжеватый чуб пана прилип ко лбу, закрывая один глаз. Прантиш мстительно подумал, что навряд ли Лёдник сварит для Агалинского свой чудодейственный отвар для таких вот шляхетских хворей. Но мельник повернулся в сторону кухни и крикнул дрожащим, утомленным голосом:

— Саклета, принеси ясновельможным панам отвара от головной боли!

В кладовой что-то зашуршало, стало даже страшновато — что за существо там прячется, русалка или шишига? Из сумрака вышло вправду странноватое существо — худенькая отроковица с головой, замотанной белым платком так, что видны только опущенные глаза. Девица поставила перед паном Гервасием кувшинчик с ароматным напитком, и сразу шевельнулся, принюхался Лёдник: сам же травник. Пан Гервасий, расплескивая напиток, потому что руки заметно тряслись, жадно выпил… С облегчением отдышался…

— Мастерица ты, Саклета! Как тебя еще за колдовство не утопили? — Американец не заметил, что при этих словах отец и дочь вздрогнули. А вот Лёдник нахмурился и весомо промолвил профессорским тоном:

— Это всего только отвар коры белой вербы. Я сам такой готовлю. Я не ошибся, панна Саклета?

Девушка испуганно подняла глаза — будто сверкнул черный огонь, — покраснела и тихонько промолвила:

— Да, милостивый пан. А еще… Позволит ли ваша мость, хочу запарить снадобье для слуги, который болеет печенью… Ничего опасного… Осиновая кора, пырей и собачья мята… А то он так стонет… Слуга ваш…

— А крапиву? — сурово спросил доктор.

— Да, милостивый пан! И крапиву добавлю… И… equisetum arvense…

Последние слова на латыни мельникова дочка проговорила совсем тихо, снова понурив голову.

Доктор заинтересованно хмыкнул.

— Ну а хвощ полевой зачем? Он же от почек!

— А у сударя Хведара почки тоже не в порядке… — прошептала Саклета.

— Ну еще бы, столько горелочки высосать за свою недолгую жизнь, — проворчал Лёдник, внимательно изучая облик мельниковой дочери. И вдруг поднялся во весь свой немалый рост, выпрямился, будто готовился идти на лекцию.

— Ну что, показывайте мне свою лабораторию, коллега!

Девушка посмотрела на виленского профессора так благоговейно, будто тот спустился с облаков.

— У меня же так… Только травы…

— Ведьмочка она известная! — воскликнул Американец. — Она мне обещала плакун-травы достать, коя помогает по морю плавать!

— Нету такой травы, ваша мость! — с тихим отчаянием проговорила девица. — Это сказки!

— Вот высеку хорошенько, сразу сказка сделается явью! — рыкнул Агалинский, но нестрашно, видимо, ловил наслаждение от того, что перестала болеть голова. Девица упала на колени, сжав тонкие руки.

— Ваша мость… Милостивый пан… Я же только с молитвой… Никакого колдовства… Со святой Параскевой и Пантелеймоном-мучеником… — шептала ведьмарка, бросая на Лёдника умоляющие взгляды, будто призывала не верить злым словам. Прантиш, однако, вполне мог бы поверить, что дело нечистое… Дочь мельника не была похожей на обычную мужичку. Большие глаза, тонкие черты лица, узкие запястья… Совсем не красавица, так, воробышек, но что-то такое в ней есть… К тому же, похоже, грамотная и читала ученые книжки. Но когда девушка повернула голову к Лёднику, Прантиш вздрогнул: из-под белого платка, которым девушка упорно прикрывала лицо, показался уродливый ярко-красный нарост — будто пиявка, присосавшаяся к щеке, от подбородка до уголка глаза. «Ведьмарка», — пронизало холодом Прантиша, и все прогрессивные убеждения, воспитанные лично Лёдником и академической наукой, куда-то подевались, и захотелось просто по-детски скрестить пальцы от сглаза.

Лёдник между тем одним властным движением поднял девицу с пола и пошел с нею в кладовку. «Еще одна кукла-автомат с загадкой», — раздраженно подумал студиозус, знавший склонность Лёдника к «народным талантам». Доктор упорно занимался просвещением всяких подозрительных знахарей — говорил, нужно хотя бы немного уменьшить вред от суеверий и невежества. Читал бесплатные лекции шептухам-повитухам, раздавал лекарства, которые, возможно, выливались на землю за первым же углом.

Пан Агалинский потянулся, как сытый кот:

— Эй, Евхим, готовь постели! И какую-нибудь историю — перед сном послушать. Да пострашнее… У тебя же опыт отношений с нечистой силой богатый, правда? — И безразлично добавил, поглядывая, как испуганно кланяется перекошенный мельник: — Да что вы с Саклетой такие пугливые стали?

— Неспокойно у нас здесь, пане, — нерешительно пробормотал мельник, пряча глаза. — Люди у нас в лесу появились… Деревенских с толку сбивают… Слухи разные о нас с дочкой пошли.

— Что ты, черную корову под колесом мельницы утопил? — насмешливо спросил Американец. — Или с водяным такого пива наварил, что пеною пойму залило?

Мельник, однако, даже не пытался улыбаться, молча поставил перед гостями глиняную тарелку с мочеными яблоками и ушел готовить постели. Из кухни доносились голоса: низкий, требовательный — Лёдника, и тоненький — Саклеты, в котором все явней чувствовались нотки увлеченности, будто в лесном луче слетались танцевать нежные золотые бабочки. В разговоре начали встречаться латинские термины — профессор учил, как на языке науки называется та или иная трава, поправлял произношение мельниковой дочки, неизвестно где нахватавшейся медицинских знаний.

— Вот поганец, даже такого страшилища не пропустит, — сквозь зубы с ненавистью прошипел пан Агалинский. — Однажды я с росомахой встретился, черной такой, мохнатой, в волосах — дохлые рыбешки, так этот чернокнижник и на нее бы, наверно, позарился!

Прантиш почувствовал, как зашумело в ушах от гнева. Агалинский и до этого раздражал его, а тут… Пан Гервасий заметил гневный взгляд собеседника и тоже взъярился, как собака, которой в нос попала сосновая шишка:

— Пан не верит, что я встречал росомаху?

И потянулся в угол, где они сложили оружие. На минуту Прантишу страшно захотелось ответить дерзостью — слова так и жгли язык. Но проклятый доктор не напрасно столько лет боролся с огненным темпераментом своего ученика, поэтому вместо целиком шляхетского поступка — вскинуться и вызвать на дуэль, Прантиш подумал, что будет с пани Саломеей, с маленьким Алесем, с мельником и его дочерью, на глазах которых порешили их пана… О том, что пан может сам его убить, студиозус не задумывался ни на йоту.

— Слово шляхтича — закон, ваша мость, — наконец, уговорив себя, учтиво ответил студиозус. — Пусть пан расскажет о своей удивительной встрече с ужасной росомахой.

Американец подозрительно зыркнул на русого голубоглазого студиозуса и потянулся за своей записной книжкой… В кухне Лёдник читал мельниковой дочке с красным наростом на лице занудливую лекцию о гигиене и объяснял, какие средства ни в коем случае нельзя употреблять, хотя бы лечили ими бабушки-прабабушки… В боковой пристройке шуршал мельник, готовя покои для высоких гостей, храпели во все задвижки где-то в чулане кучер и Хвелька — чего ждать, пока паны наговорятся, так что не судьба была Хвельке отведать отвара Саклеты, занятой лекцией виленского профессора. И только мельница молчала. Ее колесо было остановлено волей временного хозяина, и между жерновами мучительно ждали смерти последние недомолотые зерна.

И если бы Прантиш, измученный баснями Американца, случайно не глянул за окно, беду заметили бы только когда стукнет в ворота. Со стороны леса приближались-суетились огни.

Мельник судорожно вздохнул, как жолнер, которому попала под сердце стрела, и он осознал, что умирает.

— Конец… — прошептал Евхим непослушными губами и закрестился, зашептал молитву. Его дочь просто смотрела на огоньки большими безнадежными глазами, и Прантишу казалось в полумраке, что нарост на ее щеке шевелится, как живая пиявка. Огни приближались, послышались отдаленные выкрики… Во дворе, наконец, залаяла собака.

— Что это за гицли? — сурово спросил Агалинский, всматриваясь в темноту. — Разбойники?

— Часть лесных, часть из деревни… — пробормотал мельник. — Грозились несколько дней — если мор в деревне не кончится — Саклету убить. А нам куда деваться — не спрячешься, выследят… А доченька только травами лечила…

— Что за мор? — строго уточнил Лёдник.

— Почесун, ваша мость.

Нападающих, судя по факелам, собралось десятка два… А когда Прантиш, кое о чем догадавшись, бросился к другому окну, оказалось, что и с той стороны приближается дюжина…

Теперь стало понятным и отсутствие посетителей на мельнице, и то, что разбежались все мельниковы помощники…

— Да я сейчас этих бунтовщиков, как очерет, положу! — бушевал Американец. — Нас шестеро, если слуг посчитать, пороху хватает — сейчас я им учиню бунт! Евхим, кличь кучера! Оружие доставай какое есть! Перестреляю гадов!

Агалинский с саблей в одной руке, с пистолетом в другой бросился во двор, за ним в осеннюю звездную ночь — звезды почти гроздьями свисали, — вылетели Прантиш и Лёдник. Профессор удержал Агалинского, который был готов уже стрелять во все, что двигается:

— Ваша мость, это не просто холопы, что разбегутся от выстрела. Это люди, испуганные до такой степени, что перестали бояться смерти. Они вооружены вилами и косами, против них наши сабли — что лучины… Позвольте, я сначала с ними переговорю. Мне приходилось во время эпидемий встречаться с толпами охотников на ведьм.

Пан Гервасий брезгливо стряхнул с себя руку доктора, будто это был мерзкий паук.

— Без твоего совета обойдусь, трус!

— Это не совет, ваша мость. Это единственный разумный выход, — резко заявил Лёдник и, не ожидая от собеседника гневного взрыва, вышел за ворота и крикнул назад:

— Запирайтесь и не высовывайтесь! Не стрелять, пока не дам сигнала!

Бубнел испуганные молитвы Хвелька, ему помогал мельник… Прантиш припал к щели между досками, целясь из ружья в пришельцев: доктор стоял, скрестив руки на груди, обманчиво спокойный. Люди с факелами, вооруженные кто чем, остановились перед ним. Впереди был худой высокий мужик с запавшими светлыми глазами, горевшими фанатичным огнем.

— Отдайте нам ведьмарку!

— Вы знаете, что нападаете на самого пана Гервасия Агалинского, который остановился в этом доме? — спокойно спросил Лёдник, и Агалинский подтвердил свое присутствие градом изощренных проклятий, среди оных самым пристойным было «дети чесоточной суки».

— Против ясновельможного пана мы ничего не сделаем, — высокий мужик, будто подтверждая слова, стукнул о землю своими вилами, что смешным образом походило на стук жезла мажордома о паркет, как сигнал начинать бал. — Но мы не хотим, чтобы ваши мости ту ведьмарку увезли и наши люди от ее сглазов зачахли! А приговор мы выполним!

Толпа за его спиной завыла… Несколько человек, как и предводитель, очевидно отличались от обычных изнуренных холопов — вместо сермяг вывернутые шерстью наверх тулупы, за поясами — сабли. Лесные люди… С этими договориться тяжело.

— Почему вы решили, что Саклета виновата в эпидемии?

— А кто еще? — выкрикнул один из мужиков, вооруженный обычным топориком. — Она колдовством с детства живет! Сам видел, как черного кота под колесо мельницы кидала! А когда дала снадобья моей жене, так та через неделю пятнами красными пошла. А потом и я, и вся деревня!

Мужик ткнул пальцем себе в лицо, где действительно красовалось расцарапанное до крови пятно.

— Хочет, чтобы все были такими же страхолюдными, как сама. Пан

видел, что к ее лицу красный змей присосался? Все знают — Евхим ее мать беременную взял, от Водяного она! Она ведьма!

— Жернов на шею — и утопить! — заревели пришельцы.

— Подождите, судари! — доктор поднял руку, и крики стихли. — Я — доктор. Дайте мне время, и я вылечу всех.

— А она снова на нас хворь нашлет! — выкрикнул кто-то.

— Если я уберу с ее лица «красного змея», вы поверите, что Саклета — не ведьма? Она же, наверное, в церковь ходит, причастие берет…

— Ты, может, сам ведьмак! — выкрикнул кто-то из толпы, и вилы направились на Лёдника, как на загнанного волка.

— Доктор, не молоти языком! Я здесь пан, мне и решать! — выкрикнул Агалинский из-за забора. — Бунта не потерплю, но и колдунов покрывать не собираюсь!

Люди одобрительно загудели. Лёдник властно приказал пришельцам:

— Мы сейчас посоветуемся! Ждите здесь решения! — и зашел в ворота. К доктору тут же подлетел Агалинский.

— Ты что здесь взялся командовать, клистирник проклятый? Кто ты такой? Ведьмак ведьмачку спасать наладился? Да я тебя…

Агалинский выхватил из-за пояса плеть и замахнулся. Лёдник перехватил панскую руку и так сжал, что пан охнул.

— Я, ваша милость, присягу свою вам помню и готов платить. Но пан ошибается, если думает, что я позволю хоть одну плеть от той смертельной дозы заранее испробовать на своей шкуре. И я не позволю отдать на смерть эту несчастную девочку…

Лёдник кивнул в сторону Саклеты, которая даже не плакала, не пыталась спрятаться, а покорно стояла около отца, опустив голову, похожая в белом платке на сломанный цветок.

Прантиш сразу же подлетел к Лёднику, готовый остудить пыл Агалинского саблей.

— Я все улажу сам, ваша мость, — твердо сказал Американцу доктор. — Я видел проявления эпидемии и узнал болезнь. Ничего сверхъестественного. Прошу только ясновельможного пана не вмешиваться — в конце концов, это мужицкое дело, не стоящее ваших благородных хлопот.

Агалинский, которого Лёдник отпустил, отскочил назад и выхватил саблю. Ноздри его раздувались, и он бы бросился на доктора, будь немного более пьяным, но, видимо, еще помнил, что сам связан присягой о добывании наследия доктора Ди, поэтому только презрительно сплюнул.

— Это я тебе тоже припомню, мерзавец!

Кучер и Хвелька посматривали на дочь мельника с ненавистью и страхом, и похоже, готовы были сейчас же перевалить ее через забор.

Доктор строго спросил Саклету:

— Бросала кота под мельницу?

Девушка безнадежно и безучастно кивнула головой:

— Обычай такой, ваша мость. Мельница же без этого крутиться не будет, водяной задвижки поломает…

Лёдник только с досадой махнул рукой.

— Вот он, портрет белорусского духа… Справочник по травам с латинскими наименованиями — и кот в жертву водяному. А на операцию по удалению своего украшения на щеке ты согласна или свято веришь в его необходимость для успешной знахарской практики?

Саклета упала перед доктором на колени и принялась пылко целовать ему руку:

— Паночек мой, миленький мой, да если бы только вы смогли сглаз этот прибрать! Да я за вас Богу молиться стану днем и ночью!

— Мельницу продам, все продам, только приберите красного змея с дочки, сиротки бедной! — взревел и Евхим, схватив доктора за руку. — Мать ее рано померла, единственная моя радость — дитятко…

Лёдник раздраженно вырвался.

— Предупреждаю, это больно. А мне еще лишаи у этих дурней лечить. Будете делать, что скажу, без помощи не справлюсь.

И пошел за ворота.

Когда толпа растаяла в темноте, как соль в соусе, Лёдник, к возмущению Агалинского, объявил, что придется задержаться на мельнице на неделю. Ибо он обещал бунтовщикам вылечить от поветрия жителей деревни, а дочь мельника Саклету показать с чистым лицом. Неделя — самый малый срок, за который шрам после операции на лице хоть немного затянется, а также приготовится достаточное количество мази от заболевания кожи, кое, по утверждению Лёдника, возникло не от сглаза, а «мыться чаще надо», и от той мази лишаи начнут сходить.

А чтобы опровергнуть подозрения в собственном ведьмарстве, доктор объявил, что вместе с семьей мельника пойдет в церковь — она здесь осталась православной — к исповеди и причастию.

Прантишу пришлось быть ассистентом, когда доктор делал операцию Саклете. Студиозус все время молился святому Киприану, который помогает противостоять магии и чародейству, но за время операции уверенность в ведьмарской природе дочери мельника все-таки уменьшилась. Американец тоже было пожелал посмотреть, но быстро потерял интерес к кровавому действу. А девушка даже не плакала — ради избавления от своего проклятия готова была перетерпеть любую боль. Правда и Лёдник взял с собой не только обязательный набор инструментов, но и запас лекарств, среди которых были довольно сильные обезболивающие.

— Еще пара таких операций — и мне можно будет блох подковывать, — ворчал утомленный, но втайне довольный собой Лёдник, который потратил целый час, чтобы сделать след от своего скальпеля как можно менее заметным.

А потом начался каторжный труд по подготовке мази. Вонь клубилась невероятная, как в аду. Хвелька и кучер Карп, понурые и сердитые, перетирали, толкли и нарезали, мельник таскал, Прантиш варил, Лёдник руководил…

Только Саклете было запрещено вставать — чтобы все зажило быстрее и наилучшим образом.

А Американец либо валялся на тюфяке с книгой о заморских путешествиях, либо ходил стрелять птиц в ближайший лесок. Единственная польза — пан выяснил, что за мельницей следят, так что сбежать не удастся, и послать за помощью в Глиницы тоже. Еще одно, на этот раз личное, наблюдение Прантишу не понравилось: Карп и раньше посматривал на доктора как сыч. А теперь и Хвелька изменился. В его взглядах на хозяина мелькали разочарование и обида, как у ребенка, которому вместо настоящей живой лошадки подарили вырезанного из дерева болванчика. Доктору некогда было обращать внимание на такие нюансы, но Прантиш после особенно неуважительного обращения того к профессору схватил в темном углу Хвельку за ухо.

— Ты что это, сучий сын, себе позволяешь? Я тебя, хамло, научу, как со шляхтичем разговаривать!

— Так то со шляхтичем… — вдруг с обидой проговорил Хвелька. — А мне Карп рассказал, что пан Лёдник — совсем и не пан, а чернокнижник, и у вас, ваша мость, был слугой, а брат пана Гервасия так и вообще его за холопа держал.

Прантиш для пущей убедительности наградил Хвельку парой пинков.

— Запомни, хамло: даже король может в плен попасть и на цепи сидеть. Если пана Лёдника сам великий гетман уважал, за стол с собой сажал, то не тебе ставить под сомнение его честь. Ясно? Доктор жизнь тебе спас, с того света вытащил, а ты взвешиваешь, достаточно ли твой пан для тебя родовитый!

Хвелька, естественно, заверил, что все понял, и извинялся, и каялся… Но осадок получился из-за такого мелкого события неприятный… Прантиш помнил себя, школяра, которому достался в рабство раскаявшийся алхимик. И как он ставил алхимика на место… И, выходит, Лёдника, сына кожевника, до конца жизни так и будут ставить на место — даже слуги… Для Прантиша, который однажды признал доктора равным себе, это равнялось личному оскорблению… Но ведь и сам пан Вырвич, владелец герба Гиппоцентавр, в глубине души считал Лёдника пусть и выдающимся человеком, но — отличным от потомственной шляхты, так как в его жилах все равно текла грязная кровь… И отец Прантиша, пан Данила Вырвич из Подневодья, загонный шляхтич, который сам вывозил на поле навоз, воткнув в воз шляхетскую саблю, был по сарматским законам бесконечно выше безродного профессора с двумя дипломами, в парике и модном камзоле.

А потом, дождавшись праздника, когда люди дома, пришлось идти в деревеньку с красноречивым названием Корытники. Перед выходом профессор с котомкой в руках остановился у лежака, на котором, задрав на подоконник ноги в желтых сафьяновых сапогах, лежал пан Гервасий:

— Ваша мость не хочет посмотреть, как живут его подданные?

Доза желчи в голосе профессора была достаточно заметной. Американец сел и враждебно уставился на профессора.

— Что я, мужиков не видел?

Лёдник скривил рот.

— Вы, ваша мость, так желаете узнать, как живут бедные индианцы… Не стоит ли узнать, с чем сравнивать? Заверяю — экзотики и дикарства в глухих белорусских деревеньках никак не меньше, чем в поселениях ацтеков и майя.

Американец подумал и сделал милость заинтересоваться. Все равно от тоски начал мух расстреливать горохом из трубочки, а астролябию, хитромудрую и бесполезную из-за этой хитромудрости, забросил так, что забыл куда.

Пожалел пан Гервасий о своем любопытстве уже когда подъезжали верхом к Корытникам по такой грязной дороге, что не заслуживала именоваться дорогой — так, непротоптанная стежка в глинистой грязи. Конь пана Агалинского едва не упал в одном особенно скользком и топком месте, комья глины летели на всадников, оседали на одежде орденами осенних странствий.

А когда доехали, да спешились, да пошли по хатам… Хатами эти будочки, полузарытые в землю, могли называться не более заслуженно, чем тропа к Корытникам — дорогой. Люди выползали наружу, почерневшие от недоедания и дыма. Расчесаные лишаи на лицах кровили. Пан Агалинский хотел было приказать, чтобы всех согнали в одно место, да осуществить за раз раздачу мази и заставить выслушать лекцию профессора насчет гигиены, но

Лёдник только рукой махнул: все равно придется идти по домам, чтобы осмотреть больных, которые попрятались, как тараканы.

А дышать в хатах было нечем, скот содержался вместе с людьми. Особенно поражало, что вместо столов в полу была прокопана глубокая канавка квадратной формы. На ее край садились, спустив ноги, а центр использовали как стол.

Американцу было достаточно одного посещения. Он с презрительной гримасой оглядывал, сидя на коне, владения недавно умершего брата. Хвелька, которого взяли с собой везти лекарства, посматривал вокруг еще более презрительно и фанаберисто, и явно считал этих грязных людей в лохмотьях бесконечно ниже себя, солидного лакея в добротной шерстяной свитке. Прантиш, воспитывавшийся не во дворце, и тот не мог принудить себя к визитам и оставался снаружи. А доктор заходил и заходил в халупы, раздавал банки с мазью, учил, как ею пользоваться, а еще покрикивал на людей, как на самых нерадивых студентов, — чтобы ходили в баню, чтобы мыли посуду, чтобы не отправляли в хате потребности… А еще — Прантиш это видел — оставлял в каждом доме по нескольку монет.

А потом Лёдник подошел к пану Агалинскому и протянул ему на ладони кусок чего-то черного, похожего на торф.

— Как ваша мость думает, что это такое?

Лицо Лёдника было суровым, как зимний ветер. Американец взял кусок, повертел, брезгливо бросил.

— Грязь свою они этим оттирают, что ли?

— Это их хлеб, ясный пан, — глубоким низким голосом сказал Лёдник. — Толченая кора, мякина, сушеная лебеда… А зерно, что мелется на мельнице Евхима, которое они вырастили, в этом году все отвезено в панские клети — был недород, а подушное не уменьшили.

Пан Агалинский с досадой дернул себя за рыжий ус.

— Они просто ленивые. Быдло…

— Разве те люди, что пришли к мельнице ночью, похожи на быдло? — тихо спросил Лёдник. — Если здесь ничего не изменится — подобных им станет еще больше, и сгорит не одно панское имение.

— Да что здесь за вотчина такая? — не выдержал Прантиш. — У нас в Подневодье такой нищеты никогда не видели! Чтобы в хате ни одной металлической ложки и ни одного железного гвоздя… Даже в голод — у общины был на всех запас зерна. Когда оно заканчивалось — муки крестьянам одалживал, а то и дарил, и мой пан-отец, и наш сосед, его мость пан Кривицкий. Коры у нас никогда не ели!

Вырвич с удивлением заметил, что пан Агалинский покраснел.

— Здесь явно эконом мошенник и вор. Я разберусь… Когда вернемся.

Прантиш Вырвич выразительно хмыкнул, и пан Агалинский поправился:

— Приедем в Полоцк — дам все распоряжения… Напишу…

Из слепых окошек хатенок смотрели невидимые ненавидящие глаза.

Они отправились не через неделю, прошло десять дней с того вечера, когда основательный дормез без гербов подкатил к водяной мельнице. Саклета больше не прятала свое лицо, хотя шрам через всю щеку был еще очень заметен, но ведь он не пугал, как тогдашний мерзкий нарост, и как заверял Лёдник, со временем сделается совсем незаметным. Эпидемия, благодаря профессорским лекарствам, тоже отступала. И люди из леса сообщили, что мельника и его дочь трогать не станут. Но ясно, выйти замуж несчастной девушке в этих краях будет тяжело.

На прощание Саклета, которая буквально молилась на Лёдника, сунула доктору, уже сидящему в карете, какую-то шкатулку из красного дерева:

— Ваша мость, примите, не откажите, Христом-Богом молю… Чтобы хоть это на память… Дороже ничего не имею. Это мне от матери моей, Альдоны, осталось… Она же была не отсюда, прислуживала в имении в Глинищах, образованная, читать меня научила, от нее и книжки мои. Я все равно с этим не разберусь, а пану, может, где-то пригодится…

Когда Лёдник открыл шкатулку, мельница осталась уже далеко за лесом. Там лежала отлично отшлифованная линза в серебряной оправе, на тяжелой серебряной цепи, с тонкой гравировкой. Лёдник с удивлением посмотрел через стекло на свет.

— Что-то похожее на очки… Голландской работы.

— Дай сюда! — пан Гервасий вдруг потянулся за линзой, повертел ее, пощупал.

— Это принадлежало моему пану отцу! Вот здесь наш герб выгравирован… Я даже помню, как эта штуковина висела у отца на шее! Он был на глаза слаб — это у нас наследственное, и с помощью стекла читал. Откуда оно у дочери мельника?

Прантиш забрал у пана Гервасия странный предмет, внимательно всмотрелся, перевернул… На обратной стороне серебряная оправа была обтянута тонкой светлой кожей, а на ней красовалась надпись синими чернилами, которую студиозус с удовольствием зачитал вслух.

— «Моей красавице Альдонке — чтобы рассмотрела свое счастье. С любовью — пан Ладислав». Ваш отец сделал интересный подарок прислуге. Наверное, и ей нравилось удивительное стеклышко. А вот и дата…

Прантиш поднес линзу к самым глазам.

— «Глинищи, июнь 1743 года». Насколько я понимаю, где-то через несколько месяцев родилась наша общая знакомая Саклета.

Пан Агалинский недоверчиво глянул на надпись, злобно прошипел что-то сквозь зубы и отвернулся к окну. Только когда Лёдник спрятал стеклышко в сундучок, Американец сухо вымолвил:

— Я был бы очень благодарен пану Лёднику, если бы он продал мне этот подарок. За любые деньги. Пятьдесят, скажем, дукатов. Альдону, ту шилохвость, я вспомнил, а если пойдут слухи…

— Вот интересно, а зачем пану Лёднику деньги, если ваша мость все равно его убьет? — не преминул поиздеваться Прантиш. Доктор сердитым взглядом остановил Вырвича, который очень обрадовался возможности подколоть спесивого Агалинского позорной тайной.

— Пусть ваша милость пообещает, что эти деньги панна Саклета, незаконнорожденная сестра пана, получит в приданое, и сразу же передам вам шкатулку. Вместе с обещанием молчать.

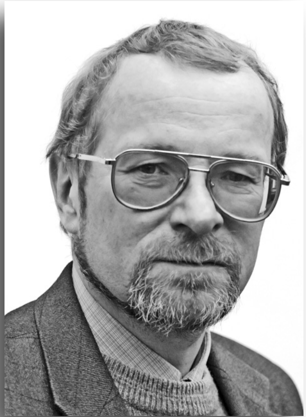
Пан Агалинский скривился, как полтора несчастья, но промолвил, опустив глаза:

— Слово чести. Пятьдесят дукатов пошлю девице.

За окнами кареты снова начал накрапывать мерзкий осенний дождь, и индусский бог Яма отозвал своих четырехглавых собак, бежавших за дормезом без гербов, в более приветливое, но не менее грешное место.

Продолжение следует.

Перевод с белорусского Павла ЛЯХНОВИЧА.



Анатоль ЗЭКОВ

Письма к тебе

* * *

Мои стихи —
это письма к тебе.
Прости,
что я наше личное
открываю
для всех женщин.
Но разве все
знают об этом?
Каждая думает,
что это
адресовано ей.
Главное же
знаешь только ты.
И я,
может быть.

* * *

Мне кажется,
что самое красивое имя
на земле —
Наташа.
А вот друг мой при этом
называет другое имя —
Юля.
И пускай имена
не совпадают,
они одинаково
звучат
и для него,
и для меня,
когда произнесешь
слово ЛЮБИМАЯ.

* * *

Без тебя
мне и в солнечный день
пасмурно.

А с тобой
и в пасмурный день
солнечно.

* * *

Метель может замести
тропинку
к твоему дому.
Однако она не способна
замести
тропинку
к твоему сердцу.

* * *

Мои молчаливые губы
могут сказать
намного больше,
чем слова.

Позволь мне
помолчать
возле тебя,
любимая.

* * *

Каждый день
желаю
одного:
быть
с тобой
каждую ночь.

* * *

Я даже не могу представить,
что мы могли не встретиться.
Пожалуй,
это была бы

самая большая потеря
в моей жизни,
о которой я
так бы и не узнал.

* * *

Я никогда
не изменял тебе
даже во сне.
Да если бы и захотел,
это невозможно,
ведь и во сне
ты всегда
рядом со мной.

* * *

Почему ты
ни к кому
не ревнуешь меня
и тем самым
не вынуждаешь
во сто крат
крепче, чем обычно,
ежедневно и еженощно
доказывать
мою верность тебе?

* * *

На дворе — зима,
а на сердце — весна.
И всё потому,
что ты
рядом со мной.

* * *

Как долго тянется время
в ожидании тебя!
Как быстро
пролетает оно,
когда мы вместе.

* * *

Где бы я ни был —
звоню тебе.
Где бы я ни был —

пишу тебе.
И по этим звонкам
и письмам
ты представляешь
географию
наших застолий,
на которых
я всегда
поднимаю
третий тост
за всех женщин,
а думаю тем временем
об одной тебе.

* * *

Я каждому городу
дал бы твое имя,
чтобы потом
в каждом городе
чувствовать,
что ты со мной.

* * *

Я мог бы
начать жизнь
сначала,
разве что с одним условием:
вновь встретить
в ней
тебя.

* * *

Я готов побежать
за каждой девушкой
на край света,
если бы
этой каждой
была ты.

* * *

Если бы вдруг
ты сказала,
что отпускаешь меня

на свободу
и желаешь,
чтобы я был счастлив
с другой,
я бы желал,
чтобы той другой
была по-прежнему
ты.

* * *

Если бы меня
вынудили
завести гарем,
в котором
была бы и ты,
то я не знаю,
что бы в нем
делали
остальные.

* * *

Кто сказал,
что в Минске
много красавиц,
если я знаю
только одну?

* * *

Нам так мало времени
отведено на этой земле.
А ночь без тебя
еще больше
урезала его.

* * *

Желаю,
чтобы чаще
встречались
наши глаза,
губы,
руки,
чтобы

ни одна клеточка
моего тела
не миновала
ни одной твоей.

* * *

На пятый этаж
к тебе —
в доме,
где отсутствует лифт,
я взлетаю
словно птица.
А назад от тебя
плетусь,
как та же птица
с опущенными крыльями.
Может,
в этом и есть
сущность любви?

* * *

Я не представляю,
как жил до тебя.
Я не представляю,
как буду жить потом.
Я счастлив,
что ты со мной сегодня.

Перевод с белорусского автора.

Раиса ДЕЙКУН

Кланяюсь тебе, картошка!

Рассказы

Перегон, модерон и картошка

Станция Харламовская вначале была только разъездом. Появилась она здесь, в полесской глуши, еще до революции, когда в этом месте была построена железная дорога, вернее, ветка: Василевичи—Хойники. Через год вблизи железной дороги выросла лесопилка, от которой к основной ветке проложили еще одну колею — для погрузки и отправки в вагонах леса. Для обслуживания и того, и другого понадобилось много людей — больше сотни. Сначала это были сезонные рабочие. А какой с них спрос? Отработали сезон и исчезли, ищи ветра в поле, набирай новых, обучай их — никакой выгоды. Собственники-хозяева бросили клич по округе о нужде в рабочей силе, поманили высокими заработками, казенным жильем. Так что быстро из соседних сел и деревень сюда потянулись десятки семей — переселенцы, которые начали оседать здесь на постоянное место жительства. Вначале ютились в казенных строениях — казармах, со временем построили свои небольшие дома.

Люди всегда поселяются ближе к дорогам: водным, шоссейным, железным…

Со временем при самой станции, как опята вокруг пня, налепились-настроились разные пристанционные строения, вырос рабочий поселок. С каждым годом он расширялся, расстраивался. Перед последней войной поселок прямо гудел от детского писка-визга — в каждой семье было по пятеро-шестеро, а то и больше, детей. Они подрастали и в основном поселялись здесь же — казенной работы хватало всем. К этому времени поселок, что раскинулся вокруг станции по обе стороны железной колеи, был со своей, как теперь говорят, инфраструктурой — швейной и обувной пошивочными мастерскими, пекарней, больницей, аптекой, столовой, несколькими магазинами, школой и ведомственными банями. Ведь в нем кроме лесозавода (который вырос на месте лесопилки) были еще: торфопредприятие с погрузо-разгрузочными участками при станции, обозоколесный завод, смолокурня, лесничество и околоток путейцев.

Населенный пункт назывался «станция», носил название станции — Харламовская, а она — имя последнего из местных помещиков, который принимал участие в строительстве железнодорожной ветки. Старожилы говорили, что ее построил пан Харламов, который влюбился в красавицу из Василевичей. А девушка та оказалась не промах — наказала своему избраннику, чтобы он построил железную дорогу для нее. Мол, «Хачу да цябе ехаць не на прастым возе, а на паравозе!» Вот как, и не иначе! Так и появилась тут железная дорога, которая разрезала своими стальными колеями огромные массивы леса на две половины. И поселок тоже.

Трагедией всего народа стала Великая Отечественная война. Не миновала она и этот поселок. Сорок восемь солдат осталось лежать на местах боев — на своей земле и на чужбине. Осенью 1943 года, при разгроме фашистского гарнизона регулярными частями Красной Армии с участием местных партизан, погибли еще несколько мужчин из числа жителей поселка.

Так что коренных жителей после войны уцелело совсем мало, в основном снова все были приезжими — кто откуда. Люди поселялись в уцелевших казармах, бараках, которых в поселке было около десятка. Одни из них были при торфоперегрузке — маленькие приземистые бараки, другие — в лесничестве. Тут это было целое строение-дом с конторой и квартирами для лесничего и специалистов. Для учителей же и медицинского персонала на краю поселка — несколько довольно больших казарм с небольшими квартирами. Для заводчан и интернатовских — тоже были поставлены деревянные строения — все под крышами из теса. У железнодорожников были свои казармы, которые отличались от остальных тем, что были покрашены в желтый цвет и имели черепичные крыши. Все казенные строения выглядели настоящими великанами на фоне приземистых домов местных жителей.

По разным причинам оседал рабочий люд на этой станции, в поселке при ней. Большинство же — из-за какого-никакого жилья, которое выделялось в тех бараках, казармах. Были здесь и специалисты-одиночки, и — с семьями. Причем — разных национальностей! Даже семья ингуша. Никто не обращал никакого внимания на такие обстоятельства: главное, чтобы человек был хороший, какая разница, какой он национальности и с каким акцентом разговаривает?

Семья Василия Прохорова приехала жить на эту станцию тоже после войны, из-под городка Хойники, где заканчивалась железнодорожная ветка и откуда был родом хозяин. Никому и никогда Прохоровы не рассказывали, по какой причине окошевались они на этой станции, в этом поселке. Причина была горькая и жгучая: не ужились на отцовском селище Василий с его родным братом-инвалидом. Сказать по правде — не с ним, а с его женой. Если бы не съехали — братья могли поубивать друг друга. Кому скажи — не поверят. Но это была правда, от которой деваться было не куда. Разве что на эту станцию уехать-удрать.

Василий и его жена Татьяна были железнодорожниками: она до войны работала в Калинковичах «на путях» — сначала рабочей-путейцем, потом — бригадиром, а он после железнодорожной школы был направлен туда же — техником. Там они познакомились, поженились и жили в его служебной квартире, которая находилась в пристанционной казарме. Там родились их первые дети — дочь и сын. Там их застала война. Он еще успел отвезти жену с детьми к своим родителям в деревню и пошел воевать вместе с младшим братом Мишей. Старший их брат был инвалидом — глухонемым, и жил вместе с родителями.

Первые два года в семье все было хорошо (как может быть хорошо во время войны, да еще и в оккупации). Таня досматривала родителей мужа и его брата-инвалида, вместе с ними и детьми пряталась в лесу перед приходом немцев, бедствовала вместе с ними, когда, вернувшись из леса, увидела обшаренную пустую хату, а на месте закопанного сундука со всем довоенным добром пустую яму и пустой ларь. У их соседей было то же самое. Но все они остались живы, а это было самое главное. Чтобы как-то выжить, сберечь детей, она ходила на принудительные работы. Распоров платье, в котором

осталась после тех пряток в лесу, она сделала выкройки из какого-то тряпья, научилась шить на ручной машинке, которую ей привезла на возу, спрятав под хворост, мать. Начала шить разные простенькие халабуды людям. Те несли за шитье кто что мог — кто несколько яиц, кто уцелевший кусок елкого сала, кто кошик с картошкой. Она не делила свой заработок на «свое и наше», ничего не прятала от свекра со свекровью и деверя-инвалида.

А потом (когда район уже освободили от фашистов), в их хате поселилась, как оказалось, самая настоящая беда — так называемая жена глухонемого — Фрося. На улице ее звали Ёмка. Беспутная, гулящая, она как-то облапошила несчастного, намекнула ему, что ждет от него ребенка, и набилась в жены. Вот тогда и пошло-поехало.

Поселившись в доме, где была только одна отдельная комната, которую занимала Таня с детьми, Ёмка-набиванка (так ее прозвали после «замужества» на улице) захотела стать полноправной хозяйкой на селище. День и ночь она только то и делала, что придумывала малые и большие пакости на голову Тани и ее малышей. У нее была единственная цель — выжить их из дому.

Что только не приходило в дурную голову злой бабе, чего только она не нашептывала своему глухонемому мужу на жену брата с детьми. А того с ее приходом словно подменили: спокойный и мастеровитый, он стал диким зверем. Однажды, когда Таня прибежала с колхозного поля (после освобождения района был восстановлен местный колхоз), она нашла младшего сына под кроватью чуть живого от непрерывного плача. Вытянув малого на свет божий, она обомлела — вместо кудряшек головка ребенка представляла собой что-то страшное: сплошной заскорузлый колтун из засохшего теста, смешанного с кровью. Малыш чесал голову до крови. Дочь, старшая по возрасту, рассказала матери, что Ёмка что-то показывала немому, а потом они взяли брата и налепили-втерли ему в волосы тесто, которым немой смащивал дратву, и что это они делали тогда, когда в доме не было деда с бабой. Плача вместе с маленьким сыном, Татьяна с трудом обрезала ему те колтуны, потом вымыла головку и смазала кусочком несоленого сала. Тогда она чуть не прибила Емку, если бы за нее не заступился немой.

Она написала-пожаловалась мужу на фронт только на тесноту в доме его родителей после женитьбы брата, спрашивая разрешения вернуться к своей матери. Но Василий строго-настрого отписал-наказал ждать его там, где он ее оставил. Сжав зубы, она ждала и как и где могла — давала отпор ставшим ненавистными родственникам, вынуждена была повесить замок на двери своей комнаты, куда повадилась пробираться в ее отсутствие Ёмка. После ее посещений Таня не находила ни припрятанной детям еды, ни последней одежины. Как потом оказалось, тянула она все подряд и у стариков. Соседи подсказали, что Ёмка постоянно носит на рынок яйца, сало, картошку и меняет их на куски ткани, какую-то обувку, а потом несет все к своим родителям-лежебокам — таким же непутевым, как и она, и у которых кроме нее, старшей, кублится в хате еще пятеро детей. А вскоре Ёмка и сама родила ребенка. Казалось, что, став матерью, она теперь опомнится и будет вести себя по-другому. Но паскудница в своих грязных делах стала еще более изощренной: она не могла переносить, что живет с физически обделенным мужем, что комната маленькая и проходная, что старики храпят на печи и на полку, что по хате бегают чужие дети…

Старики же не замечали ее подлостей, вернее, старались не замечать. Они жалели своего сына, который попал в такие руки. Так и жили-мучились, пока не вернулся с войны Василий.

Наконец Таня дождалась его — живого, невредимого. Правда, с большим шрамом от осколка снаряда на шее около сонной артерии. Он мог погибнуть, как погиб его младший брат Миша в самом конце войны на Одере. Она считала, что своими муками, которых натерпелась за войну, за житье в доме, где не было ни одного спокойного дня, заслужила такое счастье. Таня начала уговаривать мужа ехать жить снова в Калинковичи, ближе к ее родне, рассказала о мерзопакостных поступках Ёмки. Он слушал и не верил, что брат с женой так относились к его семье, пока он воевал. Успокаивая свою Таню, пообещал, что «теперь все будет хорошо», поделился с ней мыслью, выношенной на войне: осесть на постоянное житье около родителей и старшего брата, чтобы помогать им. Мечтал: вместе с ней вернуться работать на железную дорогу (благо станция районного городка была рядом — только перейти сосонник), родить еще детей — его мать поможет их растить. Он так красиво рассказывал про их послевоенную жизнь, что она сдалась, согласилась. С таким мужем чего ей бояться какой-то Ёмки.

Фронтовику-железнодорожнику, с грудью, увешанной боевыми орденами и медалями, пошли навстречу и в дистанции пути, и в леспромхозе. В местном околотке ему, как специалисту, предложили несколько должностей на выбор: счетовода, техника, бригадира путейцев. Леспромхоз выделил лес на дом. На родительском селище Василий начал ставить сруб нового дома.

Но не так сталось, как гадалось. Ёмка не оставила своей цели — выжить их семью не только из дому родителей, но и из самого селища. Мелкие и большие мерзости продолжились с еще большим упрямством и выдумкой. Собирая и унося с куриных кубел все яйца, она криком кричала, что это Таня с детьми их поела. Не успевала Таня отвернуться от печи, как наглая тут же опрокидывала чугунок с бульоном, в ведро с водой насыпала пригоршни угля с пеплом и кричала, что это дети шкоду делают, а она тут ни при чем.

Последней каплей в полосе тех подлостей стало происшествие, после которого оставаться на родительском подворье стало просто опасно.

В тот день они замешкались около своего нового сруба. Таня подгоняла Василия со стройкой, чтобы быстрее выбраться из родительского дома. Он старался: на толоку в выходные пригласил целую бригаду путейцев, и сруб, будто гриб за ночь, вырос за несколько дней на старом подворище, его уже подводили под крышу. Таня вместе с детьми собирала щепки для распала дров зимой. Разогнувшись, она увидела, как немой брат крадется с оглоблей в руках к ее мужу. От увиденного она на некоторое мгновение остолбенела и не могла сдвинуться с места. Вот немой приблизился к ее Василию, поднял оглоблю и… замахнулся, целясь тому в голову. Василий, нагнувшись, обтесывал бревно. Таня дико закричала: «Василь!» На нечеловеческий крик жены тот успел только разогнуться и, увидев летящую на него оглоблю, смог отвернуть голову в сторону. Со всего маху оглобля опустилась ему на плечо. От сумасшедшего удара он упал, но тут же подхватился и с топором в руке бросился на брата. Василий, хотя и меньше ростом, был вертким от природы. Он такое видел, с таким столкнулся за четыре года войны! А тут — родной брат его хочет убить?! Озверев от боли в плече, молниеносно вспомнив жалобы жены на брата и его жену, он пожалел, что не поверил ей. Ошалевший, подскочил к брату: «Убью, не посмотрю, что брат, ты мне хуже фашиста!..»

Неизвестно, чем бы завершилась та драка, если бы между братьями не бросилась их маленькая, худенькая мать, а за нею — батька. Да еще сама Таня, которая пришла в себя, схватила полено и, подбежав, стукнула сзади ненавистного немого. Тот осунулся на землю. Ёмка, которая следила за про-

исходящим из-за хлева, увидя, что случилось, с криком: «Убили, убили!» — неслась по улице, сзывая людей…

Родители умолили, упросили младшего сына отступиться — съехать с селища, пока они не поубивали друг друга…

Так Василий Прохоров получил назначение на эту станцию, через которую он не один раз проезжал, направляясь в Гомель и Калинковичи еще до войны, и через которую возвращался домой. Все нажитое Василием и Татьяной на то время, считай, были их дети. Домашние пожитки поместились в том самом ларе, уцелевшем от немцев и полицаев-грабителей и стоявшем на чужой подводе, за которой на веревке шли бычок и подсвинок — плата за проданный сруб нового дома на отцовском селище.

Но не зря говорят, что беда одна не ходит.

Перед самым приездом семьи на новое место в этих местах прошел-пронесся град, который побил людям все посевы, повыбивал стекла в окнах, повалил пристройки-халупки, построенные на скорую руку для домашней птицы, какого-никакого скота. В квартире новоселов, что была выделена им в путейской казарме, в двух небольших комнатках пол был устлан выбитыми стеклами и какими-то ошметками, что принес с собой град с ветром.

Попав из одного пекла в другое, Таня не отчаивалась: что те окна, когда теперь у них аж две комнаты и в одной из них стоит печь. Тут они сами себе хозяева, ее муж живой и при ней, ненавистной Емки нет — что еще нужно для счастья?

Посадив детей на снятый с воза сундук и дав им в руки по холодному дранику, Таня взялась за уборку — до сумерек управиться бы, а мужа отправила искать, чем закрыть на первое время окна и куда разместить живность. К ночи кое-как устроились.

Назавтра пошли смотреть свой надел земли, на который возлагались самые большие надежды: иметь корку хлеба. Еще до приезда на новое место жительства Василий получил тот кусок неподалеку от казармы. Бросил в него горсть ржи. Они собирались ее сжать и смолотить. Не успели. Увиденное заставило Василия снять с головы старую форменную фуражку, достать из кармана старого галифе носовой платок, вытереть им выступивший на лбу холодный пот, потом машинально протереть мокрый околыш фуражки и тихо свистнуть, а его молодую жену в отчаянии схватиться за голову и заойкать:

— А божечка мой миленький, а божечка мой родненький, а что же нам теперь делать, а с чего же нам начать, а как же мы будем жить, а что я буду давать в руку детям?

Было от чего хвататься за голову — весь загон ржи был посечен градом, не уцелел ни один колосок. Картина была такая, словно здесь попаслось стадо, даже не коров или коней — бизонов. Из перемолоченной земли кое-где выглядывали покалеченные колоски. Осмотрелись и увидели, что рядом с их наделом были смешаны с грязью участки их соседей-путейцев. По тем загонам земли ползали бабы с детьми — собирали все, что можно было собрать для еды. То же самое предстояло и им.

После сбора колосков на поле пасся, привязанный за штырь, вбитый в землю, их худоребрый подсвинок, за которым присматривали в три пары глаз. На бычка с приплатой стали искать замену — хотя бы какую маленькую телочку, чтобы вырастить свою коровку. Дети же. У соседей-путейцев положение было еще тяжелее: их дети, опухшие от голода, ползали тут же возле казармы, ища хоть что-нибудь, что можно было бросить в рот и пожевать.

Это был голодный 1947 год.

В один из его беспросветных, казалось, дней Василий забежал в квартиру какой-то чересчур оживленный:

— Слушай, жена, нам выделили еще один кусок земли, правда, немного далековато — где-то под Ворсовом. По путям туда километра три нужно шпарить. Но мы же не уломки с тобой, правда? Здесь картошку вбросим, там — на зерно что посеем. Потом поменяем местами.

— А как же мы будем туда добираться? По шпалам картошку переть, гной, детей? Зачем ты брал тот кусок? Может, где ближе есть? — заспорила жена.

— Они-то есть, да все заняты, не отбирать же у людей. А доставлять все туда будем на модероне — забыла про такой транспорт? — Василий говорил как про уже решенное дело. Таня отодвинулась от стола, на котором замешивала серое тесто (из муки, которую намололи на жернове из того собранного с земли зерна), посмотрела на своего мужа:

— И правда — забыла. Сколько я его потягала до войны в Калинковичах.

— А что это за модерон такой, а как на нем по путям ездить? — малые Анюта и Степан подступились к отцу с матерью.

— А вот как доведется добираться до того куска земли, тогда и увидите, — отмахнулась от детей мать.

Немного освоившись на новом месте, Василий и Татьяна с детьми выбрались в выходной день посмотреть новый надел земли — надо было решить: что уже осенью посадить-посеять, чтобы земля не гуляла впустую.

Полоска была узкая, запущенная. Под густой костерухой, лебедой, а кое-где березкой просматривался серый песочек.

— Да-а, земелька! Пустенькая! Сюда гноя не наберешься, чтобы что-нибудь путное вырастить, — пройдя из конца в конец надела, подвела итог осмотру Таня. — А прикинь, как сюда доставлять навоз? А как с поля домой? Может, все-таки отказаться?

Василий молча прикидывал, как лучше распорядиться выделенным наделом. Поскреб затылок под форменной фуражкой, в которой он ходил каждый день на работе и дома.

— Нет, жена, другой нам не дадут, потому что нет свободных. А навоз мы не повезем из дому, а купим здесь у кого воз-другой, в Ворсове. Я что-нибудь придумаю. А теперь давайте перекусим, дети, вон, чуть ноги тянут от такой далекой дороги.

Анюта со Степаном, побегав по «своему» полю, пока отец с матерью его осматривали, теперь сидели возле торбы и ждали, не могли дождаться их, чтобы наброситься на еду: мать что-то ладила в дорогу. В холщовой торбе оказались куски домашнего хлеба с маленькими кусочками желтоватого сала, по одной картофелине «в мундирах» и по небольшой луковке. На закуску Таня достала из торбы бутылку сладкого компота из груш-дичек и… по коржу из настоящей «белой» муки. Дети даже не увидели, когда мать успела их испечь. Может, когда спали? Мука была из вагона-лавки, которая приезжала на их станцию один раз в месяц и отоваривала железнодорожников по строгим нормам — в руки давались считаные килограммы какой-нибудь крупы, муки, сахара. Татьяна прятала магазинные припасы в деревянном ларе под замком. Из белой муки она пекла настоящие коржики только по большим праздникам. «Выходит, что поход к новому куску земли был праздником?» — переглянулись дети.

Родители молча, растягивая удовольствие, а дети давясь, потому что оголодали совсем, уговорили ту торбу. Посидели немного, потом сходили еще на сенокос — он оказался на километр дальше и тоже не очень обрадовал семью — кое-где трава была неплохая, но среди многочисленных кустов лозы, крушины роскошествовал типец-мучка — цупкая трава, от которой даже коса отскакивает и коровы обходят.

Той же дорогой семья вернулась домой, в казарму.

Дети не чувствовали под собой ног, они, не сговариваясь, зашились в запечек и уснули. А Василий с женой, немного отдохнув на лавке за столом, начали хозяйствовать-копошиться, перебрасываясь словом-другим: так что же садить-сеять на том пустом клине?

В тот первый год ворсовский надел под осень они перепахали и бросили на зиму просо, рожь и овес — что смогли раздобыть на первых порах жизни на новом месте. Ведро проса Василий выменял за старый, но еще пригодный рубанок у столяра-плотника Ивана Бурого, а рожь с овсом заработала Таня — за шитье. Весной они всей семьей ходили полоть, а когда пришла пора, Татьяна серпом сжала те куценькие кусочки. Снопы перевезли на подводе, взятой у одноногого Николая Серака. (За коня Василий должен был перепахать Серакам огород.) Складывать их в копны там же, чтобы просохли-прочахли, побоялись: голод — не тетка, рядом деревня, ворсовцы запросто могли покрасть их куцые снопики за ночь.

На зиму Василий снова перепахал клин уже с пожней, которая под снегом должна была перепреть и хоть так удобрить тот бедный песочек. Когда участок отдохнул, весной вздумали кинуть на нем, наконец, картошку. У одного из путейцев ворсовской бригады, у которого была корова, Василий разжился подводой навоза. Семенных клубней кое-как набрали с куска при казарме, один мешок Таня «нашила» за зиму. Снова взяли коня у Серака и за одну поездку управились своей семейкой под плуг посадить в удобренную землю картошку. Потом в выходные дни тягались по шпалам ее полоть-окучивать. А когда пришла пора копать барабулю, вспомнили про модерон, коня лишний раз брать было очень накладно.

Модерон был самым примитивным транспортом на железной дороге. Иными словами — железнодорожной тачкой. Он представлял собой два чугунных колеса-обода, которые становились на один из рельсов колеи. К колесам была пристроена рамка-прямоугольник, а уже к ней, сбоку, прикреплена деревянная ручка-руль с откидным стояком-тормозом. За модероном в околотке был закреплен один из путейцев — Ефрем Перкановский. Путейцы шутя прозвали его «начальником модерона», а деревенские бабы принимали эту кличку всерьез, как и сам Ефрем. Возя вслед за бригадой на своем транспорте инструмент — ломы, лапы для вырывания костылей, кувалды, ящики с костылями и чугунными подкладками для рельсов, а временами и шпалы, Ефрем подбрасывал иногда и свои, и соседские мешки с картошкой. Среди соседок (особенно одиноких и вдов) он пользовался большим и беспрекословным авторитетом — в его руках был «транспорт».

С разрешения мастера околотка модерон взяли на целый день. Без Ефрема.

Необычным для детей транспортом предстояло перевезти картошку домой, в казарму. За него не надо было отрабатывать или платить, как за коня, — модерон был «в своих руках». Некоторые путейцы им пользовались

даже перевозя сено со своих сенокосов. Детворе он очень понравился, они так и норовили на нем покататься. Но отец строго прикрикнул на обоих, чтобы не трогали транспорт, потому что если опрокинут, тогда беды не оберешься. В первую поездку Василий поехал сам, дети остались вместе с матерью, хотя рвались на мешки усесться да прокатиться с ветерком. Но где там — матери надо было помочь подобрать в коробки остальную картошку, что просыхала на земле, управиться следовало до возвращения отца.

А Василий в это время бегом пер тот груженый «транспорт». На беду, один из мешков оказался плохо завязан. Картошка веером посыпалась на шпалы, покатилась по насыпи. Вот-вот должен был пройти вечерний поезд.

Вон и семафор на въезд на станцию дал разрешение: поднялся вверх и загорелся зеленым глазом. До казармы оставалось с полкилометра.

Быстро завязав остаток картошки в мешке, Василий не стал собирать рассыпанную, а бегом покатил модерон. Он успел-таки добежать до переезда и сбросить мешки. Вовремя к нему, запыхавшемуся, подбежал-подковылял сосед-обходчик Баранец, помог снять с рельсов модерон. Из-за семафора показался паровоз, оповестив о своем приближении гудком. Им помахал из будки-кабины паровоза помощник машиниста рыжеволосый Николай Тальчук. Сам машинист находился у другого окна. Он должен был принять из рук дежурного по станции жезл — разрешение на проезд дальше. Бригады паровозников и бригады путейцев встречались ежедневно на путях и были знакомы между собой.

Занеся мешки в сараюшку при казарме, прихватив пустой мешок, Василий подбегом вернулся к модерону, кое-как втянул и установил на рельс и снова покатил за семафор. Надо было еще собрать рассыпавшуюся картошку, спрятать ее в лозняке, чтобы не тащить снова на поле. Да и самих копавших уже пора было забирать — через час-другой начнет смеркаться. А вот и место «аварии». Картошка скатилась с насыпи в траву, и ее довелось полазить-поискать.

— Где это ты, парень, забарился так надолго? Невозможно дождаться тебя, дети уже совсем пристали, чуть дышат вон, — встретила упреком мужа Татьяна. Она уже принесла коробки, и дети сидели на них, как воробьи зимой — натопыренные, уставшие, голодные. На пустом поле оставались только мешки с картошкой.

— А я гостинец зайкин искал по дороге, вот и задержался, — смеясь и подмигивая малышам, ответил Василий, а жене рассказал, где он задержался и почему. Дети повеселели и давай допытываться: какой-такой гостинец?

— А вот как доедем до семафора, тогда и увидите, в лозе его спрятал.

От такой новости глаза детей загорелись, меньший перестал рюмзать: «Есть хочу, домой хочу». Вместе с женой перетащили мешки на насыпь, потом на модерон. Пристроили сверху коробки, посреди уместили Степана. Пожалев дочку, и ее пристроили на один из мешков. Получилась целая гора. Вдвоем, хорошо напрягшись, едва стронули с места модерон. В движении он пошел веселее, еле успевали перебирать ногами. А вот и семафор показался: теперь он поблескивал красным глазом.

— Тормози, женушка! — весело закричал Василий и, остановив модерон, опустил рычаг-упор на шпалу. — Держи детей, чтобы не сдвинули с места, а то будет на ночь нам тут работы! — сбегая с насыпи к лозе, крикнул, а дети, затаив дыхание, молча смотрели, как отец вытягивал из лозы мешок. Они готовы были соскочить и бежать ему на помощь, чтобы поскорее заглянуть в мешок и увидеть зайкин гостинец. Когда же отец пристроил сбоку находку и оказалось, что в мешке картошка, Степан дал реву. И Анюта готова была вот-

вот завсхлипывать вслед за братом. Но отец не был бы их отцом, если бы так посмеялся над своими детьми: полез в карман старого пиджака и достал по слипшейся плодово-ягодной конфете и по маленькому бублику. Дети успокоились. Поехали уже совсем весело, как будто и не было изнурительного дня.

Ворсовский участок оправдал себя: вкинув в землю три мешка дробненькой, «никудышной», как говорили Василий и Татьяна, картошки, они накопали пятнадцать полных мешков. Кусок при казарме дал столько же. Картошка оказалась не крупной, но ровной и чистой. Когда ее перебрали, пересушили и опустили в подпол, вздохнули с облегчением — голод семье не угрожал. Можно было жить!

Когда пришла пора снова пахать-сеять-садить, в семье была уже своя коровка, а с нею — навоз. А какие ж без него те садьба-сеяние?

Еще больше десятка годов семейка Прохоровых сновала по шпалам с модероном туда-сюда в «окна», когда колея была свободная от поездов. Потом подросли дети, которых уже было пятеро: из них — три сына. Василий вместе с парнями-подростками расчистил-растеребил большую делянку «на рогу», а потом «на болоте». К ним прибавились и кусочки «на складе» и при своем доме, который встянулись построить. Земли стало хватать под завязку — только обрабатывай! На семейном совете решили отказаться от куска под Ворсовом, тем более что земля на новых загонах была более урожайная и находилась, можно сказать, под боком. А тот надел отдали новому ворсовскому бригадиру путейцев.

Всякий раз, проезжая на пригородном поезде, каждый из семьи Прохоровых подходил к окну и смотрел на бывший свой надел, вспоминая: перегон, модерон и картошку, отдавая, таким образом, дань уважения кусочку земли, который не дал им помереть с голоду.

Трофеи

У тети Зины кофточка с драконами да змеями,
То у Попова Вовчика отец пришел с трофеями.
Трофейная Япония, трофейная Германия:
Пришла страна Лимония — сплошная чемодания.

В. Высоцкий. «Баллада о детстве»

Поющая бритва

— Ших-фьють, ших-фьють, ших-фьють, — пела бритва-опаска в руках Василия, когда он размеренно махал-точил ее о ремень, подготавливая к бритью. Опасной бритвой он брился раз в неделю — по воскресеньям. В другие дни времени на довольно долгую процедуру катастрофически не хватало: работа на железной дороге ответственная, а дома жена с пятью детьми да хозяйство немаленькое. Тут ранним утром хотя бы электробритвой успеть «пачыргаць» густую жесткую щетину. Бритье же «опаской» было целым событием-обрядом. Как правило, оно начиналось с той самой заточки-правки инструмента на ремне из мягкой юфти. Тот свободно свисал с гвоздя на косяке дверей гостиной и был неотъемлемым атрибутом и самой бритвы, и процесса бритья.

В воскресном утреннем обряде мужа принимала участие и жена Татьяна. В то время, когда муж точил и правил инструмент, она топила печь, заставляя ее разного калибра и предназначения чугунами. Самые большие из них, которые вмещали в себя почти по ведру мелкой и слегка поврежденной картошки, становились в первую очередь по сторонам пылающих дров. Это было варево для свиней. Вслед за «ведерниками» размещались средние и поменьше — с едой для семьи. В последнюю очередь к своим большим и средним собратьям притыкался с краю самый маленький чугунок с водой. Когда она закипала, хозяйка бросала в кипяток щепоть сухой ромашки, отставляла чугунок от огня и накрывала крышкой — чтобы ромашка напарилась. Спустя какое-то время через кусок марли Татьяна процеживала ромашковую воду в эмалированную небольшую миску и подавала ее вместе с небольшим, мягким и выбеленным после жлукты[1], самотканым полотенцем мужу. Тот в знак благодарности чмокал жену в щеку и приступал к следующему этапу своего обряда. В отдельной круглой чашке он размешивал-набивал помазком пену с маленького обмылка хозяйственного мыла. Затем, намочив полотенце в довольно горячем пахучем настое, покрякивая от удовольствия, укутывал им щеки и подбородок, похлопывая-вбивая в щетину и кожу благодатную влагу. И так несколько раз, пока настой оставался теплым. Густо покрыв пеной распаренную часть лица, он приступал к самому бритью. В сноровистых руках бритва легко и плавно скользила по натянутой левой рукой коже, оставляя за собой гладко выбритые борозды. Подчистив огрехи бритья вокруг большой родинки на левой щеке, Василий с помощью того же полотенца в ромашке убирал с лица и остатки пены. Завершал процесс пульверизатор с одеколоном «Тройной».

После так называемого «влажного бритья» Василий тщательно мыл инструмент и вытирал насухо чистой льняной тряпкой. Только после этого укладывал бритву в футляр. Затем нес ее в зал и прятал в ящик-шуфлядку стола, запирая его на ключ.

Отдавая должное хозяину за его такое по-крестьянски бережное отношение к ней, бритва при правке издавала звуки, словно пела ему песню — те самые «ших-фьють», а ремень помогал ей в этом. Хозяин не забывал ухаживать и за ним: время от времени он натирал его тонким слоем специальной полировочной пасты, которую хранил в металлической коробочке со стертой наклейкой. Регулярная правка на таком ремне сохраняла бритву в отличном рабочем состоянии. При другом же обслуживании и хранении она могла попросту поржаветь, а ремень — задубеть. Этого он допустить не мог — слишком дороги и памятны эти вещи для него были.

И ремень, и бритва были родом из войны и имели одну историю.

Он с детства был на «ты» с окружающей местностью. С тем же лесом, в котором, считай, вырос, и болотами, повадки которых хорошо изучил и знал. И лес, и болота окружали со всех сторон его небольшую лесную деревеньку в глубине Полесья. В лес с самого раннего детства он вместе с братьями, матерью и отцом ходил за грибами, ягодами, орехами, лыком. Болота и канавы подкармливали семью тоже неплохо. На канавах они ставили специальные лозовые конусообразные (один в один) коши для вьюнов, а на болотах, где, прыгая с кочки на кочку, а где пробираясь по ним с помощью мокроступов, собирали утиные и чибисовые яйца.

---

[1] Жлукта — деревянная бочка без дна, в которую закладывается белье, а сверху на него помещается мешочек с золой, который вместе с бельем заливается крутым кипятком. Затем жлукта плотно укрывается, чтобы белье отмокло. После остывания зольной воды белье выбивается деревянным валиком и выполаскивается на речке или в пруду.

Ох, как кстати оказались эти его знания позже. В войну.

В составе стрелкового полка ему пришлось преодолевать сотни километров по родным полесским лесам и болотам, уходя по ним из котлов и окружений, а затем, наоборот — участвовать в многочисленных наступательных операциях (Гомельско-Речицкой, Калинковичско-Мозырской, Львовско-Сандомирской, Западно-Карпатской, Моравско-Остравской). Вот где пригодились его жизненные навыки. Перед так называемыми «наступлением стрелкового полка в условиях лесисто-болотистой местности» и «наступлением пехоты за огневым валом» ему довелось изготавливать вместе с однополчанами из подручных средств большое количество мокроступов, болотных лыж и волокуш для пулеметов и легкой артиллерии, раздобывать лодки и сколачивать плоты. И уже с их помощью и на них форсировать бесчисленные малые безымянные белорусские, а затем украинско-прикарпатские, польские, чехословацкие реки. В том числе и такие могучие, как Днепр и Висла.

А еще, как знатоку болот, ему не один раз поручалось быть проводником через них. Так было и в тот раз, весной сорок третьего, когда фронт приостановился в Белоруссии на месте до самого летнего наступления и его полк расположился на участке, где были сплошные леса и болотные топи. За ними находилась мощная группировка гитлеровцев, окопавшаяся с самого начала войны в довольно крупном населенном пункте при железнодорожной станции.

Он мог только догадываться о задачах прибывшей в их полк тяжело экипированной группы бойцов в гражданской одежде и с рацией за плечами одного из них: организовать диверсии в тылу врага, чтобы посеять у того панику, оттянуть его внимание от передовых позиций и, очевидно, затем корректировать огонь нашей артиллерии. По всем признакам готовилось большое наступление наших войск по всему фронту. Ему поручалось скрытно провести-переправить группу из девяти человек через гиблое болото в тыл фашистов.

В тот раз плести мокроступы не было времени, да и лоза была еще задубелая — не подступиться. По-быстрому — где вырубили, а где подобрали для каждого бойца подходящие длинные жерди-слеги, чтобы с их помощью передвигаться по кочкам, держать равновесие, подстраховываться от падения. Коротко объяснив, как себя вести при переходе, с длинным шестом-щупом в руках Василий двинулся впереди.

Осторожно, шаг за шагом, он двигался по топи. За ним шел старший группы, который, перед тем как ступить вслед за Василием на едва виднеющуюся из-под ржавой воды кочку, внимательно вгляделся в его лицо и, спросив, как его зовут, назвался в ответ: Петр. А еще предложил обращаться к нему по кличке «старшой». А он действительно был вдвое старше его самого и своих бойцов, и в нем угадывался командир, привыкший отдавать приказы. Перед началом перехода он распорядился поставить замыкающим коренастого бойца, которому, видно, доверял как себе. Всем было приказано идти «след в след», двигаться на расстоянии десяти шагов друг от друга, а в случае падения пластаться, раскинув руки на жердины.

Они почти выбрались на твердую почву. Василий уже собрался откинуть свой щуп, как следовавший за ним командир, отдавая команду идущим позади, отвлекся на какую-то долю секунды, оступился и полетел в зловонную жижу. Его палка под тяжестью упавшего со всего маха тела и немалого груза за плечами треснула, и человека на глазах начала засасывать трясина.

Бойцы, шедшие следом, растерялись и остановились на своих кочках как вкопанные. Василий же развернулся и, быстро оценив ситуацию, упав-

распластавшись на свою перекладину, а ногами ухватившись за купину, на которой перед этим стоял, протянул тонущему мгновенно сорванный с пояса брезентовый ремень с пряжкой, крикнув теряющему силы «старшому»:

— Хватай обеими руками пряжку и держись! — Тот схватил и держался, а Василий изо всех сил тянул. С трудом, но вытянул.

Из того болота вышли не все. Двое бойцов, шедших в живой цепи, оступившись и не получив своевременной помощи (кричать в случае падения строго-настрого было запрещено), так и остались навечно погребенными в безвестной болотной пучине.

— Ты молоток, Вася, побольше бы в армии таких — живучих и надежных! Я тебя запомнил, не забуду! Даст бог, еще свидимся! — сказал Петр ему тогда на прощание. А он, по той же дороге, вернулся к своим. И снова потопал дорогами войны.

Ему повезло: он уцелел в той проклятой войне, на которой продержаться живым и не покалеченным больше полугода было за гранью фантастики. Правда, за всю войну не обошлось совсем без ранений и контузий. Но, к счастью, они оказывались легкими, и он, избегая всеми правдами и неправдами госпиталей, в составе своего стрелкового смог даже участвовать в последней стратегической операции Красной Армии, в ходе которой был освобожден город Прага. Вот в ней он и встретился с командиром десанта, которого спас-вытянул своим брезентовым ремнем из трясины в сорок третьем. Встреча была совершенно неожиданной. С ротой автоматчиков Василий находился в боевом охранении штаба полка, который разместился в одном из уцелевших зданий города. В один из таких дней к крыльцу подъехал виллис, и из него вышел осанистый военный в чине полковника, увешанный орденами и медалями. Машинально оглянувшись вокруг, он вдруг шагнул к Василию.

— Ты? Живой, чертяка?— коротко и с видимым удивлением спросил полковник, недоверчиво присматриваясь к нему.

— Я, товарищ полковник! Живой! — радостно улыбнувшись, совсем не по уставу, вытянулся перед старшим офицером солдат-старшина. Он узнал в полковнике бывшего «утопленника». А тот, раскинув руки, уже крепко обнимал его.

— Ишь, какой иконостас заработал! Я и узнал-то тебя только по твоей родовой отметине, ее ни с какой другой не спутаешь, — кивнул он одновременно и на большую родинку на левой щеке бойца, и на его грудь. Василий, как и его однополчане, по случаю занятия Праги советскими войсками был, что называется, «при параде»: с орденом Красной Звезды на правой и рядом боевых медалей на левой стороне груди.

— Подожди, дорогой! — крутнувшись к автомобилю, полковник вернулся от него с небольшим подсумком.

— От меня на память! В мирной жизни сгодится, — улыбаясь, полковник протянул его Василию. — Ну, будь жив-здоров, солдат!

Заглянув позже в подсумок, Василий увидел в нем знатные бритвенные принадлежности: свернутый в клубок мягкий юфтевый ремень, баночку с пастой к нему и небольшой продолговатый футляр с опасной бритвой. Она оказалась знатной — золингенской[1]. Той самой — поющей.

---

[1] Город Золинген известен в мире как производитель высококачественных лезвий, ножей и других режущих инструментов. 19 марта 2012 года город получил официальное название «Золинген — город лезвий» (Klingenstadt Solingen).

Ручка

Ручка была удивительной красоты: красная, с вкраплениями перламутра, с изящным золотым пером и золотым кольцом вокруг колпачка с таким же держателем. Автоматическая. Немецкая. Из числа так называемых трофеев, привезенных отцом с войны. Маша, а в семье Марилька, была уверена, что ни у кого, ни на улице, ни в целом поселке, такой не было. Где ж тут было удержаться от искушения похвастаться ею перед одноклассниками? Те не поверили. И она в их глазах оставалась «хвалько». Это значит, что хвалится впустую, ничем не подтверждая сказанное.

Улучив момент, когда отец поехал в Гомель с отчетом по работе, а мать доила корову, Маша-Марилька пробралась в зал. Взяв в укромном месте ключик от ящика-шуфлядки стола, где отец сберегал всякие документы, награды и диковинные вещи-трофеи, принесенные с войны (вроде компаса, опасной бритвы и той же ручки), дрожащими от страха и волнения руками девочка открыла заветную шуфлядку и достала из нее продолговатую коробочку. Ее она видела не раз, когда отец держал ручку в руках, что-то вспоминая, а затем бережно возвращая на место.

«Ничего с ней не станется. Я только покажу ее в классе, чтобы все знали, какой у меня батечка и какая у него есть ручка! Пока он приедет, я положу ее на место», — думала она всю дорогу до школы. А той дороги ни много ни мало — километр с гаком на другой конец поселка. Сначала через сосонник, что рос прямо посреди поселка за переездом, потом вдоль целой шеренги огромных тополей, посаженных еще до войны.

До начала уроков оставалось несколько минут. Вынув из холщовой сумки, пошитой матерью, коробочку, а из нее ручку, Марилька звенящим от волнения голосом крикнула на весь класс:

— Ну что, не верили? А это что?

Первоклассники обступили Машу со всех сторон и напирали друг на друга — каждый хотел прикоснуться к той невиданной ручке, подержать ее в руках. Девочка была счастлива — такое внимание к ней и трофею отца! Больше всех ручку вырывал из рук рыжий Петька Сазонов. Потом были перерывы между уроками, на которых опять всем классом рассматривали диковинную ручку. Последним уроком была физкультура, которая позвала весь класс во двор. Спрятав ручку в коробочку, а потом в сумку, Маша, счастливая и довольная, побежала к спортивным снарядам.

Придя домой, она первым делом полезла в сумку за ручкой, чтобы вернуть ту на место, но в коробочке ее не оказалось. Холодея от ужаса, вновь и вновь она обшаривала торбу, потом вытряхнула из нее книжки и тетрадки со всякой всячиной — пусто.

— Ну, какие тут у вас новости появились, пока меня не было? — весело, доставая гомельские гостинцы, без которых он никогда не возвращался домой, спросил отец поздно вечером, прибежав со станции. (Именно прибежав, потому что ходил очень быстро и, уходя из дому, всегда говорил матери, что он не пошел, а побежал.) Дожидаясь его, никто в семье спать и не думал ложиться.

— А ты, донька, что подхмурилась? Марилька, ты, может, «двойку» отхватила или еще какую шкоду сделала? — обратился он к старшей дочери.

«Донька» молча отрицательно покивала головой, а потом отчаянно разрыдалась. Узнав, в чем дело, отец расстроился и ушел в зал проверять шуфлядку. Документы и все остальные вещи были на месте, а коробочка из-под ручки — пустой. Назавтра раненько, забежав на работу и предупредив сослу-

живцев об отлучке, он пошел вслед за дочерью в школу. Вместе с директором, учительницей и одноклассниками он облазил весь класс, заглянул в каждый уголок.

— Детки мои, может, кто нашел или ненароком взял, так верните, прошу вас! — обратился он к одноклассникам дочери. Те, понурив головы, только молча переступали с ноги на ногу.

— Это не простая ручка. И дело совсем не в том, что она с золотым пером, — отец Марильки тяжело вздохнул. — Она — подарок фронтового друга, память о нем. Он подарил мне ручку, а ему часы. Мы обменялись трофеями в знак нашей фронтовой дружбы, на память о той проклятой войне, которая должна была вот-вот закончиться. Я стоял у окна штабного помещения, а потом отошел, а он встал на мое место. Шальная пуля, скорее всего, немецкого снайпера, прилетев с вражеских позиций, убила его наповал. Он погиб, можно сказать, вместо меня. А подарками своими мы обменялись буквально накануне.

В классе, где находились тридцать два первоклассника и трое взрослых, стояла мертвая тишина. Потом что-то говорили директор, учительница. Маша ничего не слышала: она упала на парту и навзрыд плакала. И не от того, что ей предстояло еще дома выслушать от отца и матери горькие упреки и нотации, а может быть, еще и отхватить отцовского ремня, — ей было неимоверно жаль того неизвестного друга отца, который прошел всю войну и погиб в ее конце. Ей стыдно было и перед своим «батечком», которого она так подвела, лишив памятного подарка — единственной памяти о погибшем друге.

Она еще не осознавала тогда, что этот случай врежется в ее память на всю жизнь, что после всего пережитого она внезапно повзрослеет и уже не будет такой восторженной и доверчивой. Каждый раз, вспоминая тот день, девочка будет невольно останавливать взгляд на одноклассниках, прикидывая: «Он — не он?» Одноклассниц она сразу исключит из того позорного списка — те не особо и интересовались тогда ручкой. Картинка из детства всякий раз будет напоминать Маше о том, что в классе завелся мерзкий воришка, и он прячется среди сверстников. Кто из него вырастет?

Отец так и ушел из школы ни с чем. И вечером, вернувшись с работы, он не снял с гвоздя ремень и не поднял руку на дочь-шкодницу. В тот вечер он отказался ужинать, а в последующие дни был не такой веселый и жизнерадостный, как всегда.

Добрая штука

— Ну, кто тут на краю, кто в очереди последний? — добродушно улыбаясь, от калитки с улицы во двор Василия Прохорова, тяжело опираясь на костыли, по выложенной цементными плитами дорожке к крыльцу шел-шкандыбал сосед Николай Смоляк. По-уличному его все звали Николай Безногий. Он обращался к двум пожилым мужчинам-соседям и двум мальчишкам, которым было лет по семь-восемь. Те сидели на широкой лавке у палисадника в очереди, а перед ними на табуретке, укрытый под самый подбородок старой клеенкой, сидел еще один сосед. Со стригущей машинкой в руках над его головой колдовал хозяин. Николай Смоляк с облегчением опустился на свободное место скамьи, с которой сидящие мужчины тут же согнали увлекшихся игрой мальчишек.

Для всех собравшихся в этом дворе картина была знакомая и привычная: перед походом в баню лесничества, которая была ближе других на этом конце

поселка, соседи по улице, что называется «в годах», регулярно, в последнюю субботу месяца, шли сюда стричься. Приводили и своих младших внуков, над которыми не надо было особо колдовать, а лишь оболванить под ноль да оставить спереди маленький чубчик. Добираться за этой надобностью на другой край поселка, в так называемый Дом быта, где кроме парикмахерской были еще пошивочная и сапожная мастерские, им было и не под силу и без всякого удовольствия. А тут, у ближайшего соседа, во время ожидания своей очереди, можно было отвести душу: услышать много интересного от других, поделиться своими новостями. К тому же «своему парикмахеру» и платить не надо было, разве что пару медяков сунуть его детям на кино, а можно было и просто горстью конфет-подушечек обойтись.

Главное же преимущество, как оказалось, было ни в том, ни в другом и не в третьем, а той самой машинке, которой здесь наводили им красоту на головах. Машинка Василия для стрижки, по их единодушному мнению, «не скубла». Это значит, она не рвала волосы во время стрижки, а плавно их снимала прядь за прядью. Ее солдат принес с войны в своем походном рюкзаке. Она была в числе трофеев, уместившихся в его «сидоре» вместе с парой нательного белья да портянок с полотенцем и куском мыла.

Стриг всех сначала сам хозяин, его самого — жена. Потом машинку доверили старшему сыну, за ним — среднему. А когда они один за другим были призваны на действительную срочную службу и уже не вернулись в отцовский дом — остались в городах учиться и работать, очередь наступила брать инструмент в руки младшему из сыновей — Шурке. А тот уперся и — ни в какую, заявив прилюдно: «Еще чего, я к этой фашистской заразе и притрагиваться не буду!» Подросток уже проходил в школе историю, и к Германии с ее гитлеровцами-фашистами, напавшими на его страну, у него было полное неприятие, а то и ненависть.

В тот день на такой резкий выпад мальчишки сидящий в очереди Николай Смоляк резонно заметил:

— Ну, ты, браточак, не прав — такие хорошие штуки не мог делать фашист. Не иначе, ее делал настоящий мастер. В Германии же были не только фашисты, но и антифашисты, коммунисты и просто рабочий люд. Ни за что я не поверю, что тот, кто своим мозолем зарабатывал на хлеб, мог быть негодяем — фашистом.

Одноногого Николая Смоляка уважали не только на улице, но и во всем поселке. Односельчане знали, что он, пока воевал, потерял семью: жену и двоих детей фашисты сожгли вместе с другими жителями соседней деревни, заперев в бывшей колхозной конюшне. После войны, будучи детдомовцем и не имея родных, он попал в местный дом-интернат для инвалидов. Там таких, как он, — безногих, безруких горемык, было собрано несколько больших деревянных корпусов. Оставшиеся вдовами местные женщины и даже девушки поразбирали всех мужчин и парней-инвалидов, которые могли хоть как-то двигаться, и повыходили за них замуж. Выбора ни у тех, ни у других не было, а жить как-то надо было.

Одноногие, те, что помоложе, устраивались на работу. В одном только поселковом клубе их трудилось трое: киномеханик, заведующие библиотекой и самим клубом. Киномеханик передвигался с помощью костылей, а «начальство» — протезов. На этой же улице кроме Николая Смоляка, у которого ноги не было по самый пах, жило еще двое инвалидов — участников Великой Отечественной. Один из них, Григорий Аверин, был без обеих рук — вместо них были две культяпки чуть ниже локтей. Другой житель улицы был без обеих ног и передвигался на тележке-каталке. К ним все привыкли, им помо-

гали: кто как и чем мог. Той же бесплатной стрижкой, вспашкой огородов, подвозом дров.

Поджав губы и насупив для порядка брови, мальчишка с того дня вынужден был взять в руки инструмент. Отец сначала доверил ему тех, кто стригся наголо, — таких же, как сам «мастер», мальчишек. Тут от «парикмахера» особой премудрости не требовалось — зацепил полосу ото лба и пошел щелкать — чик-чирик — до затылка, потом снова полосу пропахал. Всего и дел-то. Но каждый раз, приступая к стрижке малышни, несмотря на доводы одноногого соседа, Шурка насупливался и о чем-то сосредоточенно думал.

— Ну что ты, Шурик, надулся, как мышь на крупу? Тебе что — пятаки на кино помешают? Или у тебя их полный карман? — снова зацепил мальчишку Смоляк, когда он приступил к обнулевке мальчишек.

— Не нужны мне ваши пятаки, обойдусь и без них, — пробурчал тот в ответ. Он хорошо знал, что пятаков у дядьки Смоляка нет, что его пенсию получает его жена Соня, которую на улице зовут Скряга и про которую соседи говорят, что она за одну копейку удавится. Зато безногий сосед дает им свою серую в яблоках кобылу — огород и другие загоны под картошку вспахать. Правда, за это отец должен его огород пахать, потом бороновать, из леса дрова привозить, которые ему, как инвалиду, лесничество выписывает бесплатно.

А то, что пятаками на кино в клуб он с младшей сестрой был уж точно обеспечен, никто и не сомневался. Отец никогда не отказывал им в пятаках. Дело было не в них.

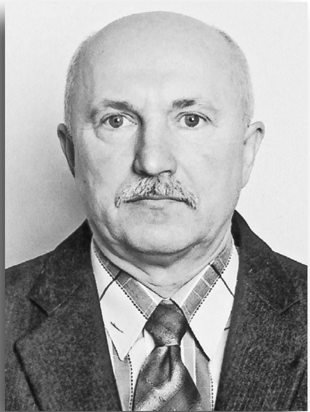
«Эта ж машинка не виновата, что ее делал немец. Она же не виновата, что с войны не вернулись дядька Миша-минометчик и дед Прохор, которых я даже в глаза не видел живыми, да и они меня тоже. Дядька такой молодой был и даже неженатый, а сложил свою голову в той чертовой Германии. Да еще и в самом конце войны! Обидно! Он такой красивый на портрете в зале висит. С боевыми орденами и медалями! А дед? Когда мать останавливается и смотрит на его фотокарточку, что висит в семейной рамке под стеклом, то сразу видно, что она вся в него, — вылитый дед с его прямым носом, точеными бровями и чуть приподнятой левой. Только что без усов. У деда они есть. Про него вообще никто ничего не знает — пропал, как в воду канул, в самом начале той проклятой войны. Вон батька все запросы шлет куда-то», — думал-оправдывал себя мальчишка, яростно выстригая-выскубая кривые белые полосы на головах своих малолетних соседей «фашистской» машинкой. Те терпели его выкрутасы на головах и только тихо сопели.

«А в чем виноват этот дядька Смоляк, что он с одной ногой остался и без детей? Так пусть хоть эта чертова машинка послужит ему! Тем более, он говорит, что она добрая штука и что ее делали не фашисты. Конечно, куда им — тем фашистам! Им бы только автомат в руках держать да стрелять-убивать и калеками людей делать. Гады!»

Каждый раз, беря в руки «добрую штуку», Шурик убеждал себя, что, находясь здесь, далеко от того места, где была сделана, эта машинка безропотно служит-искупляет вину за тех солдат-убийц, по вине которых не вернулись домой его близкие родственники и соседи, а те, что вернулись, были калеками.

В ответ машинка-«добрая штука» молчала. А что она могла сказать белорусскому мальчишке, хотя и родившемуся уже после войны, но в семье, которой напрямую коснулась эта страшная беда и в которой многое не давало ее забыть.

Перевод с белорусского автора.



Михаил КУЛЕШ

Листки календаря

Я никогда душой не покривлю

Я никогда душой не покривлю,
Но в чем вина моя — я в этом каюсь,
Я мову белорусскую люблю,
Но не пишу на ней и не общаюсь.

Она мне — словно шелест ветерка,
Который нежно шепчется с листвою,
Как звонкое журчанье ручейка,
Что с горки мчится раннею весною.

Звучит тепло, красиво и легко,
Она светла, как благодать из храма.
Друзья — Камейша, Крейдич и Шушко —
И пишут, и поют на ней, но мама…

Она иным мне пела языком,
Склонясь над колыбелью в ночь глухую.
И вместе с материнским молоком
Впитал я речь не эту, а другую.

Я полешук с Ивановских болот,
Трудолюбивый, гордый, безотказный.
Да, белорусы мы, но здесь народ
Немножечко такой — своеобразный.

Не буду объясняться никому,
Но знайте — хата у меня не с краю!
Я в городе живу — и потому
На русском говорю и сочиняю.

Но съехавшись на Пасху всем селом,
Мы все — одна семья, мы вместе — сила!
И после третьей рюмки за столом
Спываем гэ, бы маты навучыла[1].

[1] Поем так, как мать научила (*полесский диалект*).

Поэтому душой не покривлю
И заявляю всем об этом смело:
— Я мать люблю и Родину люблю,
А остальное… разве в этом дело?

Я вырастаю из своих стихов

Я вырастаю из своих стихов,
Как мотылек из куколки весною.
Созвучия, казалось бы, удачных слов
Уже не блещут больше новизною.

Как старый пиджачок не по плечам,
Как юность за закрытою калиткой.
То, что писал, как плакал по ночам,
Теперь читаю с грустною улыбкой.

Как прежние стираются грехи
И как тускнеет древняя монета,
Теряют свежесть старые стихи.
Но сколько в них души, тепла и света!

Они, как уходящая любовь,
Наполнены теплом и вдохновеньем.
Я вырастаю из своих стихов
С каким-то непонятным сожаленьем.

Экзамен

Пять лет катил я в гору этот камень,
Но защитился, получил диплом.
И думал, что последний свой экзамен
Сдал в том далеком семьдесят восьмом.

Как много в жизни боли и страданий!
И, зубы сжав, приходится терпеть...
Не знал я, сколько страшных испытаний
Еще придется мне преодолеть.

Я верности отлично знаю цену,
Но верным быть мне не хватало сил.
Сдал кое-как экзамен на измену,
Но если честно, чуть не провалил.

Любовь меня в свои ловила сети.
Я вырывался — и влюблялся вновь,
Но лучше всех экзаменов на свете
Я выдержал экзамен на любовь.

Грехи, болезни, пьянство и порочность
Сломать могли меня и растоптать, —
Экзамен на устойчивость и прочность
Мне все-таки пришлось пересдавать.

Шагая в ногу с беспощадным веком,
Так сложно честь свою не запятнать.
Экзамен, чтобы зваться человеком,
Сдаю всю жизнь — и так боюсь не сдать.

Календарь

За прошлый год листки календаря
С волнением и нежностью листаю
И бережно в уме перебираю
Те дни, что были прожиты не зря.

Моей рукой отмечены на нем
События и памятные даты,
Подчеркнуты рассветы и закаты.
Как дорожу сейчас я каждым днем!

И грустно мне сейчас осознавать,
Что дни мои уходят безвозвратно,
Становится пугающе понятно:
Жизнь, как река, не возвратится вспять.

Ну вот и все — дошел до декабря.
Год пролетел, что от него осталось?
— Какая-то приятная усталость
Да эти вот листки календаря.

* * *

Моей жене

Окрыляет любовь, но и губит,
Ревность косит людей наповал.
Говорят, кто ревнует — не любит,
Я любил тебя — и ревновал.

Ревновал день и ночь — постоянно,
И страдал — просто не было сил.
Вопреки же себе, как ни странно,
Ревновал, потому что любил.

Жизнь проходит, как кинокартина,
Поседела моя голова.
И растаяла ревность, как льдина,
А любовь, слава Богу, жива.

В этом трудно сейчас разобраться —
Люди в ревности, как во хмелю.
Не ревную уже лет пятнадцать,
Но с годами все больше люблю.

* * *

Приехал поздно, мать уже уснула.
Чуть тронув ставню, разбудил ее.
Растерянно и радостно шепнула:
— Сынок приехал, дитятко мое.

Уж вырос я из маминых пеленок.
Сам дедушка, солидный и седой,
Но рядом с мамой я всегда ребенок,
Как прежде молодой и озорной.

Я разным испытаньям был подвержен,
Не раз срывался. Но всегда вставал,
Ведь мать всегда была надежным стержнем,
Который мне сломаться не давал.

Крещусь с поклоном перед образами,
Опять ребенком чувствую себя.
И на коленях, с мокрыми глазами
Целую руки мамины, любя.

На зимней рыбалке

Я совсем не рыбак, не охотник —
Нет желанья на это и сил,
Но Петрович, знакомый мой плотник,
На рыбалку меня пригласил.

Как положено, в ящик сложили
Уды, терки, черпак, поплавки,
Взяли сала, лучку прихватили
И бутылочку «Белой реки».

Мы напрасно полдня просидели
На морозе студеной зимой —
Водку выпили, сало все съели
И ушли восвояси домой.

Я по глупости плохо оделся,
Невзирая на сильный мороз.
Как петух — не догнал, но согрелся,
Так и я — не поймал, но замерз.

Золтан АМБРУШ

Три рассказа

Браслет

1

Все знают доктора Хидаши, знаменитого специалиста по женским болезням. Его бороду в стиле Одина[1] можно увидеть на скачках, концертах и премьерах. Я же, признаюсь, встречался с ним лишь мимоходом. Он принадлежит к числу тех моих хороших знакомых, с которыми видишься постоянно на протяжении десятилетий, имея представление об их внутреннем мире на основании суждения о Саре Бернар или Ставенхагене.

Однажды случай свел нас вместе в одном из венских отелей «средней руки». По моему виду доктор понял, что я ломаю голову над тем, как убить послеобеденное время, и подсел ко мне. Он пребывал в аналогичном расположении духа. Доктор дожидался экспресса на Берлин, я же собирался отправиться на родину одиннадцатичасовым поездом.

Мы ели умиротворенно, как два старых удава. Иногда доктор делал замечания, надо сказать, не лишенные остроумия. Я поймал себя на мысли, что человека, которого трогают до слез страдания Клэр из пьесы «Горнозаводчик»[2], можно с полным основанием считать истинным джентльменом.

Мы с ним на удивление быстро подружились. Послеобеденные часы, подобно военным годам, считаются один за два. Доктор был очень словоохотлив, казалось, что он везде побывал и с каждым был знаком.

Он заметил, что мое внимание обращено к его запястью.

— Вас заинтересовал мой браслет? — спросил он, прервав рассказ о необыкновенном целомудрии мадагаскарских женщин.

— Черт возьми, доктор, — проговорил я, — я и не думал, что вы такой франт.

Он снял браслет с запястья, раскрыл и протянул его мне.

Это был вполне заурядный золотой браслет из тех, что производятся тысячами экземпляров. На его широкой внутренней стороне, где на обручальных кольцах принято наносить дату бракосочетания, были большими буквами выгравированы четыре слова:

ИЗА, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Я поднял взгляд на доктора.

---

[1] Верховный бог у древних германцев.

[2] Роман Ж. Оне (1848—1918).

— Этот браслет, — начал он свой рассказ, — я ношу с давних пор и не снимаю даже отходя ко сну. Я ношу его затем, чтобы он непрестанно напоминал мне о моем долге. В моем возрасте уже начинаешь болезненно реагировать на утреннее пробуждение от сладчайшего сна. Бывает, что тебя беспокоят и срочно вызывают в Пилишчабу или Лайошмиже, к горничной в родовых муках, и становится ясно, что дело тут нечисто. Уверяю вас, что подобные поездки не доставляют особого удовольствия. Потеряешь полтора, а иногда и два с половиной дня, а вдобавок ко всему еще и чудовищная тряска! Не говорю уже о том, что лишаюсь основного заработка или рискую навлечь на себя гнев сильных мира сего. По правде сказать, иногда я испытываю искушение заявить: сожалею, но не могу поехать по той или иной причине. В такие минуты я невольно бросаю взгляд на браслет, и он говорит мне: «Вставай и иди. Думай о несчастных, нищих и убогих, потому что и сам ты несчастен, нищ и убог. Взгляни в мое тусклое зеркало: это ты, следуй зову сердца, как гласит санскритское изречение. Вставай и иди». И я поднимаюсь и иду. Браслет всегда напоминает мне, кто я такой, и говорит, как мне следует поступать, поскольку он мне не принадлежит.

— Вы что же, доктор, его украли?!

— В каком-то смысле да. Этот браслет относится к безвозвратным долгам.

— Выходит, что безвозвратные долги существуют?!

— Да, и они худшие из всех. Откуда они берутся? У вас нет безвозвратных долгов, которые нельзя оплатить при всем желании, никакими стараниями и никакими деньгами на свете?! В таком случае вы не знаете, что такое настоящая задолженность. Вы согласны погасить долг в десятикратном, стократном, даже тысячекратном размере, но сделать это все равно не удается. Я с радостью пожертвовал бы своим трехлетним жалованьем, чтобы только этот браслет не тяготил мою совесть. Вам этого не понять. По-видимому, ваша молодость была приятной и безоблачной. Ну что же, тогда вам остается только позавидовать.

Красивое тевтонское лицо доктора от Шато д’Икем[1] слегка порозовело. Под чахлыми пальмами становилось жарко.

— Если вы составите мне компанию, пока не выкурим наши сигары, я поведаю вам историю этого браслета. Идемте.

Было около пяти часов. В тени внутреннего дворика сидели только скучающие официанты. Мы заплатили и вышли на улицу.

На Рингштрассе начиналось грандиозное переселение народов в направлении парка Пратер. Возле нас одна за другой шествовали пары. Несколько минут мы безмолвно наблюдали блестящие весенние дамские туалеты, новомодные шляпки с устроенными на них оранжереями, лиловые птичьи хохолки, крепдешины и прочие аксессуары, которые венские барышни в 1893 году от Христова Рождества сочли наиболее подходящими для того, чтобы одерживать победы в извечной игре, где каждый из партнеров выигрывает и терпит поражение в равной мере.

Наконец доктор произнес:

— Поверьте, что в этом мире есть лишь одна стоящая вещь: получение наследства.

Отнеся категоричность доктора на счет выпитого Шато д’Икем, я ожидал аргументации этого смелого заявления.

— Пессимисты неправы, — начал он, — жизнь прекрасна. Ее можно уподобить красивой пьесе: чтобы получить удовольствие, смотреть нужно с выгодной позиции. Хоть и недолго длится представление, оно полно

[1] Французское белое десертное вино.

приятных сюрпризов. Но для того, чтобы в полной мере насладиться ими, нужно с самого начала сидеть в партере. Это прерогатива тех, кто рожден в богатстве. Мы же вынуждены бороться за лучшее место в жизни, мы обмануты. Когда мы, наконец, получаем возможность насладиться пьесой, за долгое время ожидания наше зрение слабеет настолько, что мы в итоге уже ничего не видим.

— Я не совсем понимаю, доктор, что вы имеете в виду.

— Я хочу сказать, что мы, трудящиеся в молодости в поте лица, знаем о специях и пряностях, придающих жизни вкус, не больше, чем муравьям известно о таинственном чувственном танце, исполняемом баядерами в храме Вишну. Поначалу у нас нет возможности жить, а позже нет и навыка для этого. К тому времени, когда мы, наконец, в состоянии испытать удовольствия, ради которых следует жить, мы уже не мы, мы становимся никем и ничем, бледной тенью самих себя. Содержание, наше «я», давно куда-то улетучилось. Желудок испорчен, сердце заражено апатией, мозг отупел, чувства утрачены. Лучше бы не видеть перед собой эти пышные тепличные растения!.. Подумать только, какими глазами я смотрел вокруг себя в двадцатилетнем возрасте!.. А что же теперь? А ведь мне всего сорок пять лет. Вы не представляете, в какой холод меня бросает от жестокой мысли о том, не насмехаются ли окружающие надо мной?! Я больше не верю в радости, возникающие по своей воле. Когда мое глупое сердце начинает колотиться: «Она меня любит, любит!» — мозг хладнокровно на это отвечает: сорок пять, сорок пять, сорок пять… Нет, радоваться больше положительно нечему. Лучше и вовсе ничего не предпринимать.

Тем временем доктор раскланивался направо и налево, поскольку, повторюсь, был знаком со всеми прохожими.

— Мне кажется, что вы слегка утрируете, доктор. И у зрелого возраста есть свои преимущества.

— Я с удовольствием все их вам подарю, — возразил доктор, — только бы скинуть с плеч хотя бы десяток лет! Родиться в богатстве — единственная стоящая вещь. Достичь благосостояния позднее, мало-помалу, с грехом пополам не стоит затраченных усилий.

— Разве же худо добиться чего-либо собственным трудом?

— Чувство удовлетворения возникает лишь у тех людей, дела которых идут гладко. Таковых крайне мало. Обычно в жизненной борьбе ты теряешь все, не приобретая взамен осознания достигнутых успехов. В особенности, если пробиваешься из «грязи в князи». Первые шаги настолько тяжелы, так часто приходится поначалу унижаться и поступаться собственной гордыней, что впоследствии даже не приходит в голову задирать нос. Человек бегает, суетится и в итоге осознает, что овчинка не стоила выделки. И если невзначай спросит себя: «Ну что, старина, ты доволен собой?», то сознание ответит: «Нет». И тени прошлого вторят: «Нет, нет». Ну да ладно, давайте я вам все же расскажу историю моего браслета. Она очень проста, может быть, о ней и говорить не стоит. В любом случае, вам будет небезынтересно узнать, что со мною однажды приключилось.

2

Когда мне было двадцать лет, мы с братьями Баранди имели обыкновение кутить в кабаке «Красные гусары». И не от случая к случаю, а постоянно. Мы, студенты-медики, вместо того чтобы появляться в клинике, день и ночь играли в карты. Назвать нас профессионалами было бы преувеличением. Вы когда-нибудь видели обезьян, играющих в карты? Так вот, наиболее смышленые обезьяны обучаются этой игре и, приобретя навык,

играют с необычайною страстью. И мы играли точно так же: отчаянно, с животным упрямством. Когда же в нас пробуждались лучшие чувства и начинала говорить совесть, то для разнообразия напивались до поросячьего визга. В таких случаях мы пили трое суток кряду, пока не начинали видеть мир в черном свете.

Вы можете мне возразить, что встречаются добропорядочные молодые люди в возрасте двадцати лет, которые посещают университеты, а не кабаки вроде «Красных гусар». Позвольте мне обосновать свою точку зрения в общем и в частности. В двадцатилетнем возрасте человек такой же, как и окружающий его мир. Формирование характера происходит намного позже. Совсем еще молодой человек, если никто его не направляет, идет на поводу у инстинктов. Встречаются счастливцы, которых среда словом или делом заставляет встать на истинный путь в совсем юном возрасте. Но не стоит чрезмерно строго судить заброшенных и очень бедных юнцов, которыми никто не занимается и кто не имеет за душой ничего, кроме постоянного чувства голода. Молодежь, которая, сбившись в стаю, заполняет злачные места, подобно диким уткам, наводняющим окрестности болот.

Позвольте предъявить мои смягчающие обстоятельства.

Единственное, что я помню об отце, так это его большую бороду, а матушка умерла, когда мне было семь лет. Отчим был неплохим человеком, но слишком рано заставил меня позабыть о матери. Не могу сказать, чтобы он меня вовсе не любил, в особенности в раннем детстве, однако с наступлением подросткового возраста я ощущал, что начинаю его обременять. Он был слишком занят для того, чтобы заниматься мною, постоянно был в разъездах, строил железную дорогу где-то на Буковине. Отчим сделал для меня больше, чем я от него ожидал, и я благодарен ему за то, что он заставил меня окончить школу: другой на его месте отдал бы меня обучаться ремеслу. Наконец, он очень рано выпроводил меня из дому, и я находился среди чужих людей, с которыми мне не сопутствовала удача. Я рос, как сорная трава, никто обо мне не заботился.

Когда пришло время поступать в университет, дела у отчима шли плохо. У меня не было за душой ни гроша. Он спросил, кем я хочу стать, я ответил, что врачом. Отчим рассмеялся и сказал, что я болван, потому что это профессия не для бедных детей, однако не стал спорить со мной. Для этого у него просто не было времени. Он уплатил первый взнос за учебу, обеспечил меня жильем и довольствием на два месяца, выхлопотал для меня освобождение от платы за обучение — кстати сказать, этой льготы я лишился после первого же семестра — и заявил, что отныне я должен пытаться жить своим умом. Впоследствии я редко с ним виделся, но когда он появлялся в Пеште, то всякий раз оплачивал для меня пару ужинов. Хороший был человек, царствие ему небесное, жаль только, что у него никак не клеились дела с железной дорогой.

Итак, мне предстояло жить собственным умом. Все мои умения на то время сводились к чтению и письму. Тот, чьи возможности настолько ограничены и кому необходимо каким-то образом решить головоломную задачу об оплате бесчисленного количества обедов и ужинов, обычно устраивается поденщиком в налоговую контору. Я поступил аналогично.

Бог мне свидетель, я никогда не стыдился этой скромной государственной службы. И все же занятие, безвредное для большинства людей, в моем случае было чревато весьма серьезными последствиями. Главным образом потому, что я познакомился на службе с младшим Баранди, а через него и со старшим его братом. Знакомство с последним означало в моем положении последнюю стадию нравственного падения. Могу без преувеличения

сказать, что человек, однажды пожавший руку Йошке Баранди, навлекал тем самым на себя проклятие.

Вы верите в то, что существуют роковые люди? А именно, те, встреча с которыми ни для кого не проходит безнаказанно? Люди, слова которых действуют, как азотная кислота, всегда выжигающая что-нибудь на своем пути, которыми словно движет древний разрушительный инстинкт, проявляющийся всякий раз с удивительным азартом и новизной, направленный на неведомые цели, руководимый с поразительной последовательностью какими-то таинственными природными силами? Непостижимым образом подобные люди обладают особенною притягательностью для неиспорченных, по-детски невинных созданий. Они не вызывают страха, но внушают уважение, не отталкивают, а напротив, на каждом шагу возбуждают необъяснимый, беспричинный интерес. Действуя по принципу: после нас хоть потоп! Когда подобный человек исчезает, ты обнаруживаешь, что отнял что-то у тебя, твоего друга и всех остальных. Если роковой человек по случайности оказывается женщиной, то ей не следовало бы и на свет родиться. Но роковых господ тоже весьма желательно избегать. Иначе все убитые в праздности вечера, все ночи, проведенные за карточной игрой, и все часы утренних похмелий выплывут из глубин сознания и будут укоризненно колотиться в мозгу.

Так вот, Йошка Баранди был именно таким роковым человеком.

Вы не поверите, но я и посейчас вспоминаю о нем с некоторым трепетом, в каком-то смысле преклоняясь перед ним, испытывая пиетет, с которым начинающий литератор смотрит на портрет Петефи. Вы увидите, что этот Йошка Баранди был всего лишь подлым кутилой, если не сказать хуже, и все же воспоминание о давнем благоговении еще не полностью изгладилось у меня из памяти, и его образ запечатлелся в одной из самых ленивых ячеек моего мозга, где-то рядом с «Портретом молодого полководца» Ван Дейка.

Я и теперь вижу перед собой его черные волнистые волосы с синеватым оттенком, как у героев писателей-романтиков, и движения, свидетельствующие об огромной воле и горячей самолюбивой натуре, воздействовавшие на публику «Красных гусар» как снисходительные высказывания самых необузданных представителей знати. Временами, перед отходом ко сну, мне слышится его раскатистый бас: «Эй, Риза, Марча, винá!» — этот низкий металлически-театральный голос героя-любовника, от которого начинали учащенно биться сердца всех горничных и сжимался желудок супруги трактирщика, находившейся в интересном положении. От него был без ума весь розарий «Красных гусар», и поверьте, подобный успех возникает не на пустом месте, а благодаря действию природного начала. Какая-то великая тайна сокрыта в том, отчего подобные счастливцы вызывают преклонение у женского пола на зависть окружающим. Во всей личности Йошки Баранди, его вечной веселости и воинственном настрое скрывалась какая-то сила, и он не мог бы царствовать над нами, не будь он так безрассудно смел и беспримерно ловок, как юный ягуар.

3

Невозможно передать словами, насколько мы его уважали. Мы следовали за ним, как дворняжки за комондором[1], случайно попавшим в чуждую ему среду, сопровождали его, как королевская свита, вплоть до самой улицы Керепеши. По правде сказать, мне непонятно, за что мы пре-

[1] Венгерская длинношерстная овчарка.

клонялись перед ним. Помню, что я готов был схлестнуться в рукопашной схватке с любым, кто бы осмелился утверждать, что Йошка Баранди менее великий человек по сравнению с Ньютоном и менее благороден, нежели герцог де Ларошфуко-Бизачча, и тем не менее, я тщетно пытался понять, в чем для меня заключалось его величие и благородство. Я не знал, следует ли его причислить к великим деятелям или к великим мыслителям. Вся его деятельность сводилась к карточной игре, где он достиг такого совершенства, что с ним не мог бы соперничать даже король шулеров. Мышление же его проявлялось исключительно в замечаниях, касавшихся всевозможных альковных тайн, которые он имел обыкновение уснащать непристойными остротами. Здесь он проявлял изобретательность, достойную восхищения. Голова его была настоящим ведьмовским котлом, в котором непрестанно приготовлялось и бурлило какое-то мерзкое варево. Тогда я видел в этом проявление вольтерьянского вольнодумства, о котором сейчас стало модно писать в популярных изданиях. Впоследствии мои представления об остроумии претерпели изменения, но в те времена Йошка Баранди казался мне влиятельным гением, явившимся во всем своем величии и снисходительно делящимся интимными откровениями с нами, простыми смертными.

Несмотря на то, что личность Йошки Баранди сияла ослепительным блеском, у этого блеска была одна теневая сторона. Она заключалась в том… впрочем, не хочу быть немилосердным по отношению к одному из лучших друзей своей юности. Выражусь как можно мягче: источники, из которых Йошка Баранди иной раз черпал средства на то, чтобы покутить вволю в «Красных гусарах» и прочих филиалах мира удовольствий, были иногда окутаны некоторым туманом.

Впрочем, было принято говорить, что средства добывались «из дома». Это означало бессовестное вымогательство и проматывание денег, заработанных их пожилой бедной матушкой в каком-нибудь захолустье. В дни ненастий ее черная ссохшаяся фигура иногда появлялась возле «Красных гусар» и, подобно библейскому ангелу, вошедшему в темницу, на несколько мгновений вносила луч света в темное царство притона, отчего крысы поспешно ретировались в свои подвалы. Я видел ее нечасто, но всякий раз при виде ее был готов расплакаться. Она была маленького роста и худощавая, с морщинистым лицом, запечатлевшим проклятие былой любви, которой были обязаны своим существованием эти двое ветреных молодых людей. Мать обожала обоих сыновей-прохвостов, мечтая видеть их на университетской кафедре или в министерском кресле. Несколько раз она вызывала у меня бессонницу, и думаю, я никогда ее не забуду.

Если бы она знала, бедняжка, как быстро улетучиваются гроши, заработанные тяжелым трудом благодаря урожаю с рапсового поля, проданным корзинам помидоров и красивым дорогим гусиным перьям! Пара прогулок с девицами — и денег как не бывало! После этого последовательно использовались следующие средства: спаивание погонщиков скота во время партии в фербли[1], одалживание денег у студентов-первокурсников, одурачивание родственников и, наконец, приобретение в кредит и аренда гробов. Иногда все нити обрывались, и спасти компанию от нищеты мог только сам кацик[2]. Тогда применялось ultima ratio[3].

Это ultima ratio обычно сохранялось в тайне. Йошка Баранди не любил о нем распространяться. Тем не менее, в мою бытность ultima ratio имело свое имя. И называлось оно: Иза.

---

[1] Венгерская карточная игра.

[2] Вождь племени.

[3] Последнее средство *(лат.)*.

4

Это была красивая светловолосая крупная девушка. С желтизной волос цвета спелых злаков, бросающейся в глаза. Встретив такую девушку на улице, от нее невозможно было отвести взгляд. Не только мотыльковый цвет одежды, но походка и телодвижения привлекали внимание даже тех, кому безразличны фигуры прохожих, тогда как светские дамы искоса бросали на нее завистливые взоры. Совершенство ее пышных форм, дышащих молодостью, напоминало красоту женщин эпохи Ренессанса. Умиротворенность, свойственная этой красоте, была бы более уместна для дочерей более счастливых времен или благополучных семей. На мой взгляд, в наше время подобные девушки встречаются нечасто, но повторюсь, мне исполнилось сорок пять лет, поэтому мои убеждения не имеют большой цены.

Не стану превозносить вам ее добродетели. У вас не может быть ни малейшего представления о целомудренном бесчестии, составлявшем ее характерную черту, в наше время таких девушек уже не найти. В ее бесчестии было нечто неосознанное, встречавшееся у некоторых мадонн XV века, выделявшихся своей lactea ubertas[1] в нашем чахлом мире. Словом, не думайте о ней хуже, чем она того заслуживает. Жизнь у нее была нелегкой, и нельзя осуждать человека за его ремесло.

При виде ее фигуры, походки и вызывающей прически вы сказали бы, что ее судьба была предрешена еще до рождения, но поверьте мне на слово, взгляд и смех у нее были, как у добропорядочных барышень. Не тех хитрых барышень, которые постоянно норовят завести роман за бесхребетными спинами своих мужей, а тех барышень, дети которых аккуратно причесаны, для кого наивысшее блаженство — путешествие всей семьей в Зуглитет на целый день.

Этот взгляд и жизнерадостный детский смех иногда вводили меня в смущение, когда я наблюдал, как она спаивала до положения риз погонщиков скота или однажды летом, одетая несколько неподобающе, с азартом следила за партией в фербли. И все же был день, когда я едва не влюбился в нее, после чего больше не замечал за ней никаких грехов.

В тот раз Йошка Баранди организовал праздничное путешествие. Мы отправились в Будакеси, взяв с собой из девушек одну только Изу. Перед этим мы условились, что Иза после полудня станет замужней дамой, и каждый будет обращаться с ней, как если бы она приходилась Йошке Баранди законной супругой. Эта идея необычайно веселила нашу компанию.

Я никогда не видел Изу такой счастливой, как в тот день. Она была воплощением полной удовлетворенности жизнью. От ее кроткого взгляда веяло необычной радостью, в тот воскресный день она откликалась на оказанную ей честь с таким усердием и воодушевлением, что мне было искренне ее жаль. С тех пор я всегда относился к ней, как если бы она была добропорядочной дамой.

Йошка Баранди, разумеется, не последовал моему примеру. Галантность не была ему присуща, и он не делал различия между женщинами, с которыми жил. Он называл себя любвеобильным человеком, которому чувственные эксцессы совершенно необходимы для поддержания здоровья. Впрочем, для любви это не помеха, и Иза после семейных баталий выглядела свежей и цветущей, как майская роза.

---

[1] Молочная полнота *(лат.)*.

5

Случилось так, что меня выгнали из налоговой конторы. Найдя это обстоятельство весьма забавным, друзья поставили магарыч, чтобы отпраздновать знаменательный день.

Не удивляйтесь моему легкомыслию. В то время будущее представлялось мне столь безграничным, и я столь свято верил в свою звезду, что не слишком сокрушался по этому поводу. Я был твердо убежден в том, что меня охраняют какие-то таинственные силы, не зная только, что этими таинственными силами, этой счастливой звездою было мое юношеское здоровье. Тогда меня еще не посещали дурные сны, напротив, альма-матер, которую я предательски оставил, являлась мне по ночам, убаюкивала и развеивала страх, убеждая в том, что наперекор целому воинству красных гусар и назло всем чертям я все же стану врачом.

Находясь в рядах ватаги Фальстафа, которую ждут триумфальные лавры, я чувствовал, что вскоре должно произойти какое-то событие, способное изменить всю мою жизнь.

Поворот в моей судьбе произошел раньше, чем я рассчитывал. Переломный момент наступил вечером того самого дня. Не хватило самой малости, чтобы перемена стала необратимой.

Повторяю, что я не очень горевал из-за неудачи, но все-таки слегка расстроился. Завтрашний день казался таким неопределенным, что я предпочитал не думать о нем. Компания помогла бы кое-как продержаться до наступления лучших времен, но ресурсы у компании были на исходе. Чтобы разогнать тоску, я напился.

К несчастью, другие поступили аналогично. Нам было «море по колено». По дороге мы ввязались в драку с какими-то каменщиками, и надо сказать, сражались на совесть. В конце концов, кто-то из них дал мне по голове кирпичом, в результате чего я остался лежать на поле битвы.

После удара по голове я неделями находился на грани жизни и смерти. Несмотря на то, что удар оказался несовершенным, а мой череп слишком прочным, мне следовало бы немедленно скончаться после неумелой операции, выполненной руками друзей. Но судьба в тот раз смилостивилась то ли над дилетантом, то ли над его подопытным пациентом. Словом, я остался жив.

6

Я пришел в сознание не так быстро, как вам кажется. Поначалу я не был столь умным, как Спиноза. Я видел мир, как сквозь сито, и вряд ли отдавал себе полный отчет в происходящем.

С огромным трудом я все же осознал, что лежу в квартире Йошки Баранди и иногда возле меня появляется Иза. Это меня успокоило.

Позже я нашел совершенно естественным, что она кормит меня тминным супом, поправляет мне подушку, приносит воду, стряхивает с одеяла хлебные крошки. Я нетерпеливо ждал Изу и сердился, когда не видел ее рядом. И первым сказанным мною словом было ее имя, подобно тому, как ребенок прежде всего произносит слово «мама».

Затем я начал делать попытки помыслить о чем-нибудь и часами строил догадки, почему нахожусь здесь, а не у себя дома. Наконец я с ликованием нашел этому объяснение. Потому что вчера (для меня это было вчера) меня вышвырнули из квартиры и на пиршестве, устроенном в честь этого события, я попросил пристанища у одного из приятелей. Но это был не Йошка Баранди.

Постепенно, в итоге своих умозаключений, я понял, почему нахожусь именно в этой квартире и никогда не вижу ни Йошку Баранди, ни своих приятелей.

Меня доставили сюда, потому что в другом месте мне бы и сам черт не помог. Приятели, убедившись, что я нахожусь вне опасности, не стали со мною нянчиться. У Йошки Баранди были для этого свои веские обстоятельства.

Я знал, что временами он вовсе не появляется дома. Неизвестно, где он пропадает, где ходит своими загадочными путями. Легко строить гипотезы, когда у тебя голова идет кругом. Неделями позже я узнал от Изы, что однажды видели, как Йошка катался в экипаже с вдовой колбасника.

Впрочем, моя эгоистичная натура и не требовала друзей, я нуждался только в сиделке и портнихе. И я мог быть очень доволен тем, кто стал для меня сиделкой и портнихой в одном лице.

В то время я едва мог говорить и помню, что Иза смотрела на меня, как на больное животное. По сути, я и был таковым, если принять во внимание провалы в памяти и недостаток логического мышления. И все же к этому периоду времени относится одно из сильнейших впечатлений, которое впоследствии часто всплывало в моем мозгу перед тем, как я засыпал.

Помню, что однажды ночью я пробудился от очень странного звука. Испугавшись, я начал прислушиваться. Этот звук был плачем: в соседней комнате кто-то плакал. И так жалостно! С тех пор мне не доводилось слышать подобного плача. Так плачет больной ребенок, которого бьют, чтобы успокоить. Я продолжал слушать. Что за странный плач! Как будто этот сдавленный, жалобный звук исходил откуда-то издалека, из самых глубин. Я тупо уставился перед собой.

Плакать могла только Иза. Кроме нас, в квартире никого не было.

На следующий день я не нашел на ее лице никаких следов. Она пришла ко мне такая же, как обычно. Но с того дня я следил, не слезятся ли у нее глаза. И в затуманенном сознании целыми днями размышлял об этом плаче. Отчего она плакала? Случайны ли были эти рыдания? Быть может, она оплакивала всю свою жизнь?

Впоследствии я никогда не говорил с нею об этом ночном инциденте. Я бы ни за что на свете не осмелился спросить у нее, отчего она плакала.

Этот плач стал для меня настоящим открытием. Я впервые осознал, что у существа, кормившего меня по утрам с ложечки тминным супом, по всей видимости, есть душа.

7

Иза заботилась обо мне, как о ребенке. Содержала в чистоте, умывала, расчесывала волосы, что было нешуточным делом после того, как мне посчастливилось завязать близкое знакомство с кирпичом. Когда я стал понятливее, еще и развлекала. Рассказывала о том, какие странные люди жили с ней по соседству, когда она была маленькой девочкой, читала мне вслух книгу «Семеро бандитов в масках». Этот роман состоял из семи томов.

Однажды, когда я находился в комнате один, произошло просветление: «Подумать только, всего один удар кирпичом, и я ем хлеб этой женщины!.. — Я едва осмелился продолжить про себя: — Тот хлеб, который…»

Поверьте, что с потерей молочных зубов иногда на смену приходит и новое сознание. Так, к счастью, произошло и со мной после удара по голове.

Однажды вечером я сказал Изе:

— Я, наверное, никогда не смогу тебя отблагодарить…

Я даже не подозревал, насколько был прав.

Она засмеялась и сказала, что компания растратила в том числе и мои деньги, и такое может случиться еще неоднократно.

О, если бы у меня только появились деньги! — не давала мне покоя эта мысль.

Когда она временами отлучалась из дому на пару часов, я готов был провалиться сквозь землю от стыда. Я знал, в чем состоят ее заработки.

Что же оставалось делать в моих обстоятельствах? Когда я смог осознать всю серьезность положения, попросил Изу написать моему отчиму. Письмо вернулось обратно с извещением, что адресат находится где-то в Румынии. Наверное, он строил железную дорогу в каком-нибудь диком поле. Я написал еще одно письмо. Своей бедной тетушке, которую мы несколько раз обманывали под предлогом вымышленных болезней. Ее ответ был в раздраженных тонах, она мне больше не верила.

Я знал, что смогу умилостивить ее сердце, встретившись с нею с глазу на глаз, когда она собственными глазами убедится, в каком плачевном и надломленном состоянии я нахожусь, что она простит расточительного парнишку, который — в чем я был твердо убежден — готов стать на путь добродетели.

Но долго ли придется ждать? Отправиться на другой конец Трансильвании нищим и обессиленным, в совершенной нужде!

Во мне происходила внутренняя борьба. Я не мог решиться принять деньги от Изы. Мне казалось, они обожгут мне руки. Я ощущал, что чем дольше останусь у нее, тем дольше буду жить на эти проклятые деньги. Находились ли вы когда-нибудь в безвыходной ситуации, когда остается лишь покончить с собой?

Подобный опыт приятным не назовешь.

Однажды Иза, видя мое отчаяние, которое не удавалось от нее скрывать, сказала мне:

— Ты не хочешь прикасаться к этим деньгам. Я тебя понимаю. Знаешь что? Вот браслет. Мне когда-то подарил его один унтер-офицер, который был в меня влюблен. В то время я еще была порядочной девушкой. Отдай его в залог. Когда вернешься домой, ты его выкупишь и отдашь мне.

Я посмотрел на нее с сомнением. Неправильно истолковав мой взгляд, она скрепила свои слова клятвой:

— Клянусь Богом, я была тогда порядочной девушкой!

* * *

Спустя месяц я вернулся в Пешт в полном здравии и с новыми надеждами. Полагаю, что окажете мне честь, рискнув предположить, что я первым делом отправился на квартиру Йошки Баранди.

Я обнаружил там самого хозяина.

— А где же Иза?

— Разве тебе не известно?

У меня по спине побежали мурашки. Я уже догадался, что случилось.

— Да, дружище, выбросилась с четвертого этажа. Жуткое зрелище. Стоило мне только отлучиться из дому по делам! Представляешь, какая новость!..

Я не нашел, что ответить. Меня душил лишь один вопрос:

— Где ее похоронили?

— Будто не знаешь. В общей могиле. Так принято...

— Да-с, — заключил доктор, — такова история моего браслета.

1893

Звезды

1

К своим тридцати четырем годам доктор Оливер Гей-Люссак уже достаточно пожил на свете. Сердце его, не без содействия алкоголя и гашиша, было изношено до крайности, и он не переставал удивляться, как этот изуродованный механизм справляется со своими обязанностями. Печень и почки также доставляли немало хлопот. Легкие же являли собой совершеннейшие отрепья и регулярно посвистывали, намекая хозяину, что трудиться им осталось недолго.

Иными словами, жизнь Оливера Гей-Люссака в этом мире держалась подобно пуговице, висящей на единственной ослабевшей ниточке.

Доктор Оливер Гей-Люссак был весьма здравомыслящим человеком. Как ни прискорбно, что жизнь кончается и расставание с нею длится неопределенно долго, он спокойно относился к этой перспективе, как к неизбежному и, в сущности, житейскому делу. Ему, разумеется, хотелось бы жить двести или триста лет, он сожалел, что не сможет увидеть, как в будущем преобразится мир и какие будут сделаны научные открытия. Желая достичь головокружительных высот в гинекологии, доктор больше всего досадовал, что на протяжении сотен лет миллионы юных прелестниц будут флиртовать с безмозглыми тупицами, тогда как ему предстоит с молитвенно сложенными на груди руками покоиться в кромешной тьме фамильного склепа.

Но его нисколько не тяготило, что впереди осталось максимум три года жизни, а не тридцать, как у большинства его ровесников.

Доктор подвел жизненные итоги и остался ими весьма доволен. Он все испытал в своей жизни, чаша которой всегда была полна до краев, и в то же время по возможности старался избегать неприятностей. Особенное удовлетворение он ощущал от того, что в полной мере — сообразно возрасту и жизненным обстоятельствам — сумел воспользоваться свободой, дарованной человеку.

Совесть его была чиста. По его твердому убеждению, он прожил жизнь не напрасно и не посрамил род Гей-Люссаков. Представители его на протяжении двухсот лет были сплошь ученые мужи, а некоторые из них золотыми буквами вписали свое имя в историю науки. Он был шестым по счету. Оливер Гей-Люссак всегда серьезно относился к своему делу и потому так быстро испил жизненную чашу, что после бурных впечатлений не отдыхал, как его товарищи, а вздремнув часок-другой, сразу же вновь принимался за дело. Быть может, его личный вклад в науку оказался ничтожным, тем не менее, для истории гинекологии это был вовсе не пустяк. Оливер Гей-Люссак спокойно смотрел смерти в лицо, но не хотел попусту растратить оставшиеся дни. Более того, он намеревался выжать из них максимум удовольствия.

Однажды, когда он, странствуя, пытался отсрочить приближение рокового часа, в какой-то забытой Богом деревушке ему на глаза попалось прелестное юное создание. Это была свежая стройная девчушка, грациозная, как серна. По сравнению с доходягой-доктором она казалась воплощением здоровья. Оливеру Гей-Люссаку она очень приглянулась, и он пожелал добиться ее взаимности.

Оливер Гей-Люссак принадлежал к числу самых здравомыслящих людей и сам втайне считал себя весьма толковым, способным проникнуть во взаимосвязь различных обстоятельств, вплоть до мельчайших деталей. Он всю жизнь имел дело с женщинами и хорошо их знал не только как ученый-гинеколог, но и как психолог-любитель, ставящий эксперименты под видом научного исследования, фольклорист, коллекционирующий курьез-

ные факты, наконец, как путешественник, извлекающий пользу из любых приключений, происходящих на его пути.

Жан Поль[1], покопавшись в женских душах, пришел к выводу: «Женщины похожи на испанские дома, где много дверей и мало окон; в них легко войти, но трудно там читать». Оливер Гей-Люссак в глубине души посмеивался над этим афоризмом. Женская душа не казалась ему тайной за семью печатями. Он всегда ясно представлял, с чем имеет дело и на что можно рассчитывать.

Доктор осознавал, что сладкая крошка достанется ему только в том случае, если он женится на ней. Эпикурейский принцип «После нас хоть потоп!» избавлял от ненужных колебаний. Однако проникнуть в этот испанский домишко было нелегко: ходячей развалине требовалось чем-то расположить к себе воплощение здоровья, привлечь девичью невинность.

Он осознавал, что в глазах Аспазии нелегко выдержать конкуренцию с увивавшимися за ней неотесанными юнцами, отпускавшими дурацкие шутки. И он подобрал особый ключик к ее сердцу.

Девчушка с удивлением смотрела на чудака, который никогда грубо не хохотал и так красиво рассказывал о звездах, посвящая ее в новый мир, куда она всегда стремилась мечтою, но наблюдала его прежде лишь с необъяснимым изумлением, мириады горящих звезд, тайны которых раскрывал ей этот волшебник, одурманивая и кружа ей голову, наполняя ее неведомым доселе томлением, любовью и ностальгией, присущими каждому творению, жаждущему приблизиться к матери-природе, по детской несмышлености раскрывая объятия перед неизвестным, непонятным, бесконечным, чтобы дотронуться до него своими крошечными ручонками.

Доктор Оливер Гей-Люссак много знал о звездах и очень занимательно рассказывал о них, так что девчушка думала только о небесах. И вскоре Оливер Гей-Люссак стал казаться ей посланником небес.

— После нас хоть потоп! — повторил про себя Оливер Гей-Люссак, и вскоре брак был совершен.

2

Супруга Оливера Гей-Люссака к девятнадцати годам полностью осиротела, а в двадцать лет стала вдовой с больным ребенком на руках. У нее осталась только хижина с огородиком, где она выращивала репу и салат, чем и кормилась.

Неизвестно, приходилось ли ей спать в первые пять-шесть лет своего вдовства, потому что соседи слышали, как она ночи напролет пела и убаюкивала своего плачущего малютку.

Ей ежедневно приходилось бороться с безжалостной Судьбой и еженощно вести тяжбу со Смертью, чтобы вымолить у них свое дитя.

Она смогла вырастить сына. Смогла, потому что наука материнства, по сути, совсем проста, и сердце матери щедро на выдумки, позволяющие справиться там, где медицина бессильна. Вырастила сына, потому что уплатила за это слишком дорогую цену: всю свою молодость.

Материнский труд оказался не напрасным: Оливер Гей-Люссак-младший ни в чем не уступил своим предшественникам. В тридцатичетырехлетнем возрасте он стал гордостью эмбриологии и превзошел в своих достижениях всех именитых предков, включая отца.

Чтобы справиться со своей работой, ему приходилось все бережнее относиться к здоровью. Оливер Гей-Люссак-младший всегда был насторо-

[1] Жан Поль (Иоганн Пауль Фридрих Рихтер) (1763—825) — немецкий писатель, сентименталист и преромантик, автор сатирических произведений.

же, стараясь перехитрить смерть; непросто избавиться от проклятия отцовского наследства. И жил не по отцовским принципам, а руководствовался советами матери. Оливер Гей-Люссак-младший не цеплялся за жизнь, как его однофамилец. И все же, чтобы не огорчить мать и принести как можно больше пользы человечеству, он не хотел умереть молодым.

Он старался беречь себя, чтобы не исчерпать свои ресурсы раньше времени. Чем старше он становился, тем больше применений находил своим способностям, и его поначалу ничтожные жизненные силы в итоге восторжествовали над судьбой.

Оливер Гей-Люссак-младший редко вспоминал об отце, подарившем ему жизнь, а точнее сказать, избавившемся от нее в пользу сына. Он нисколько не гордился своими умственными способностями, а равно и тем, от кого их унаследовал.

Не проходило дня, чтобы он не молился:

— Будь благословенна, в девической невинности подарившая себя умирающему бедолаге и в непорочно чистых жарких объятиях передавшая мне биение твоего добрейшего сердца, дыхание твоих чистейших легких, все здоровье твоего тела и души, преклоняюсь перед тобой, принесшей себя в жертву ради того, чтобы я жил, будь благословенна, будь благословенна!

3

Когда Гей-Люссаку исполнилось пятьдесят лет, он попытался уговорить свою матушку отправиться с ним на морское побережье, чтобы поправить ее пошатнувшееся здоровье. Он испытывал такое же беспокойство за жизнь матери, как она о нем в раннем детстве. Но пожилая женщина наотрез отказалась уехать из своей деревни с хижиной и огородом, где она по-прежнему возделывала репу и салат.

— Здесь я была счастлива, — ответила она, — здесь жила с моим любезным супругом, воспитывала тебя, здесь я хочу и умереть.

Взрослый сын не хотел отказаться от своего плана. Он начал спорить, упрямствовать, как в детские годы, когда расходился с матерью в вопросе о том, какую ему носить одежду.

— Нет, нет, — настаивала мать, — мне нравится только здесь, в другом месте сразу же захвораю. Мне кажется, — добавила она, — заметив, что сын погрустнел, — нету на земле лучшего места, чем здесь... даже звезды не так красивы в чужих краях, как здесь, над моей хижиной... Звезды — мои друзья, они меня никогда не оставят в беде!

Женщина осталась по-детски мечтательной и в преклонном возрасте.

К своему удивлению, она увидела, что на глазах ее взрослого пятидесятилетнего сына выступили непрошеные слезы.

1907

Вдова Лорантфи

Однажды холодной декабрьской ночью вдове Лорантфи приснился ее супруг. На нем был серебряный камзол, блестевший в лунном свете. Легендарные черные бархатные локоны ниспадали на могучие плечи, в миндалевидных глазах пылали голубые огни. Вдова Лорантфи сразу же узнала костюм корсара Цампы[1]. Когда певец выступал в нем в барселонской Опере, андалузские дамы в восторге забрасывали сцену букетами цветов.

[1] «Цампа, или Мраморная невеста» — опера Ф. Герольда.

Вдова Лорантфи дрожала как осиновый лист. Супруг приблизился к ней и с неподражаемым жестом, которым отвечал на бурю аплодисментов после исполнения застольных песен, запел:

— Жужанна! Не забудь о залоговых квитанциях!

— Да-да, конечно, — хотелось ответить Жужанне. Ее губы шевельнулись, но голос застрял в сдавленном горле.

Наутро Жужанна проснулась в лихорадке. Господские дети собирались в школу, требовалось их одеть.

Дома остался самый младший. Этот сорванец доставлял Жужанне больше хлопот, чем все остальные дети, вместе взятые.

Едва натянув бархатные колготки, он начал капризничать:

— Тетя Жужа, расскажи что-нибудь.

Тетя Жужа призадумалась. Недавно истекли сроки платежа по трем залоговым квитанциям из ломбарда. Кольцо английской королевы, сапфировый амулет Гризи[1] и золотая медаль баварского короля, отчеканенная в честь Лорантфи, исполнившего партию Трубадура[2]. Нужно поторопиться внести плату.

Мальчик в бархатных колготках нетерпеливо играл с золотой цепочкой для часов, подаренных ему дедушкой в день Святого Николая.

— Тетя Жужа, тебе платят затем, чтобы ты рассказывала мне сказки. Расскажи, чем закончилась история про Золушку.

Тетя Жужа продолжила рассказ, начатый вчерашним вечером:

— Когда королевич нашел туфельку, он воскликнул: «Ай-ай-ай, какая туфелька! Найдите девушку, обронившую этот колокольчик, и она станет моей женой!»

Около полудня Жужанна поднялась к хозяйке и испросила у нее разрешения отлучиться на обеденное время.

— У вас какие-то неприятности, дорогая?

Хозяйку испугал лиловый цвет лица пожилой бонны. Будучи многодетной матерью, она страшилась болезней как огня.

— О нет, ничего особенного, сударыня. Одно небольшое дело в городе, и поскольку гувернантка останется с детьми...

Жужанну отпустили, и за обедом осталось свободное место во главе стола для прислуги.

— С госпожой Лорантфи что-то случилось? — поинтересовался хозяин.

— Лорантфи? — удивленно спросил его гость, художник, трудившийся над портретом мадемуазель Виолы. — Неужели в наше время кто-нибудь еще носит такую старинную фамилию?

Художник уже неделю столовался в их доме, но не догадывался, о ком идет речь. Жужанна вела себя тише воды и ниже травы.

— Эта та бледная пожилая женщина, присматривающая за детьми, — пояснила мадемуазель Виола.

— Она приходится какой-то бедной родственницей знаменитому певцу?

— Родство состоит в том, что она его вдова, — ответил хозяин.

— Да вы шутите! — отозвался художник. — Я не многое помню из того, что происходило до моего появления на свет, но все же припоминаю, что супруга Лорантфи умерла в совсем юном возрасте и вся страна провожала ее в последний путь. Наш знаменитый поэт посвятил ей стихотворение, начинавшееся словами: «Смолк жаворонка глас…», а еще по случайности знаю, что один известный представитель бомонда, питавший к ней в юности нежные чувства, на протяжении трех десятилетий приносил на ее могилу живые цветы, до самой своей смерти… Вот это, я понимаю, любовь!

---

[1] По всей видимости, речь идет об итальянской актрисе или балерине.

[2] «Трубадур» — опера Дж. Верди.

— Женщина, о которой вы говорите, была первой женой Лорантфи. Но знаменитый артист не единожды связывал себя узами Гименея. Вторая его супруга — это та дама, которую нам часто доводится здесь лицезреть.

Хозяин немного придвинулся в гостю, чтобы барышням не был слышен их разговор.

— Говоря между нами, «женой» ее можно было назвать с большой натяжкой. Жужанна скорее была сиделкой всемирно известному Роберту-Дьяволу[1]. Вернувшись в Будапешт, Лорантфи являл собой жалкие развалины, позлащенные заходящим солнцем былой славы. В это-то былое величие, это реноме и влюбилась наша бонна, тогда еще совсем молодая девушка.

— И что же, Лорантфи оставил вторую жену без имущества, пенсии и каких-либо дивидендов? — спросил художник.

— Да, ей осталось лишь пожинать лавры. Я полагаю, что в последние годы Лорантфи лишился всего, в том числе и драгоценностей, тоже составляющих небольшой капитал.

— Она так и не вышла замуж после смерти супруга?

— Думаю, в этом у нее не возникло надобности. Впрочем, наша бонна странное создание, и по всей видимости, довольствуется своими богатыми воспоминаниями. Будучи замкнута по характеру, она наверняка носит в себе какую-то тайну.

— Как вы пришли к такому выводу?

— Не относитесь к этому слишком серьезно. Быть может, все это лишь семейные сплетни. Дело в том, что давно обнаружились ее тайные похождения. Каждые два-три месяца она отпрашивается из дому, тщательно скрывая, куда направляется. Иногда ее не уговоришь выйти на улицу, а в эти дни она настрого запрещает себя сопровождать. И самое удивительное, что эти путешествия очень дорого ей обходятся. Иной раз не истратит на себя и крейцера, а тут всегда берет с собой кошелку и возвращается домой без денег.

— Уж не думаете ли вы, что…

— В мои годы, мой юный друг, ни о чем не думаешь и ничему не веришь. Покинутый ребенок… Впрочем, мы можем лишь строить догадки…

Беседа плавно перетекла в другое русло.

Вдова Лорантфи не появилась и к ужину. По возвращении домой она тотчас же слегла в постель.

Детей тщательно изолировали от нее, но Виола на следующий день все же добилась аудиенции.

— Тетя Жужа, милая тетушка Жужа, что с вами? Вам так нездоровится, что вы не подниметесь даже в день моей помолвки?

— Не беспокойся из-за меня, дорогая Виола! Я очень рада за тебя, поверь мне. Боялась, что тебя станут отговаривать от этого замужества. Я знаю, что на свете есть лишь одно счастье, одно благо: выйти замуж за любимого человека.

Они завели речь о женихе, впрочем, Виола и не могла бы говорить о чем-то другом.

— У него такие же красивые глаза, какие были у моего супруга, — сказала вдова Лорантфи. — Только прическа мне не нравится. Не разрешай ему, Виола, так коротко стричься. Во времена моей молодости мужчины носили длинные локоны, это смотрелось намного элегантнее.

Виола никогда не видела тетю такой словоохотливой.

После того как Виола заверила тетушку, что она уже получила поздравление от детей, та поцеловала девушку.

---

[1] «Роберт-Дьявол» — опера Д. Мейербера.

— Нехорошо, — сказала она, — когда сначала желает счастья старуха. Знаешь ли, Виола, мне очень хотелось, чтобы ваш брак состоялся, и я давно уже мысленно тебя благословила.

Они снова обнялись, как это свойственно женщинам в растроганных чувствах и, казалось, расстаются до завтрашнего дня. Но когда Виола уже находилась в дверях, тетя Жужа неожиданно окликнула ее.

— Что, тетушка?

Жужанна замешкалась.

— Виола, — обратилась она к девушке слегка изменившимся голосом, — я хочу попросить тебя об одном одолжении.

Виола подошла к ее кровати.

— Я сделаю все, о чем ты попросишь.

Виола была немало этим удивлена, потому что никогда не слышала из уст Жужанны ничего, что походило бы на просьбу.

— Я ведь прежде не очень тебя обременяла, не так ли? А теперь вопрос очень щепетильный. Я боюсь, что сильно разболеюсь. Быть может, потеряю сознание, что тогда? А срок платежа по этой… квитанции истек уже в прошлом месяце, через неделю продлить его будет невозможно.

Она откинула подушку и из-под пожелтевшего портрета Лорантфи достала кошелку, наполненную залоговыми квитанциями всевозможных цветов и оттенков.

При виде этого архива нищеты Виолу охватило волнение, смешанное с испугом.

— Конечно же, дорогая тетя Жужа, с удовольствием… — пролепетала она.

— Да вот только денег… денег-то для этого у меня и нет, — продолжила Жужанна, смотря несколько в сторону. — Вчера отдала последние. Нужно было внести плату за кольцо английской королевы, амулет Гризи и медаль баварского короля. На эту квитанцию денег не осталось.

— Ты позволишь мне внести сумму для выкупа? — робко спросила Виола. — Сегодня, ты ведь знаешь…

— Не продолжай, не стыди старую няньку. Ты не сможешь меня понять. Деньги, необходимые для продления этой квитанции, я прошу взаймы, верну, как только поправлюсь. Я обратилась к тебе лишь затем, чтобы вещь не пропала. Уже очень многое ушло с молотка. Сначала золотой андалузский венок и царское бриллиантовое кольцо. У них были очень высокие проценты. С тех пор, из года в год, вещей остается все меньше. Не суди меня слишком строго, я тогда была очень бедна… И впоследствии не была в состоянии внести выкуп. Знаю, что тебе неприятно это слышать. Я бы и не обратилась к тебе без крайней необходимости. Но с этим перстнем связаны самые дорогие для меня воспоминания. Супруг подарил мне его перед поездкой в Париж. Что это были за чудесные дни! Champs-Élysées![1] Ты не была там, не знаешь, как красивы Елисейские Поля! Мне хочется, чтобы этот перстень был у меня на пальце, когда я буду лежать в гробу.

Виола попыталась что-то возразить.

— Нет, не говори ничего. Сумму для выкупа я прошу взаймы, отдам деньги, как только поправлюсь. Я хочу жить до тех пор, пока не выкуплю перстень. Я выкуплю его, Виола…

И прежде чем упокоиться в своем блаженном Элизиуме, вдова Лорантфи, еще раз взглянув на грешный мир, неслышно повторила: «Выкуплю!»

1897

[1] Елисейские Поля *(фр.)*.

Перевод с венгерского Владимира СТАСЮКА.

Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан

Национальное своеобразие в мировом контексте

Первые семнадцать лет XXI столетия — время подведения итогов, определения перспектив развития национальных литератур. Литературные явления национальных культур интегрируются с мировым литературным процессом, так как литература каждого народа, как подчеркнуто в Резолюции Международного симпозиума литераторов «Писатель и время» (Минск, 2015) — «...это его не только исторически определенная судьба, но и его лицо, обращенное к соседям, ко всему миру».

Юбилеи классиков, известных ученых-литературоведов пробуждают, как известно, интерес к их творчеству, многообразному научному наследию.

2017 год — год 120-летия со дня рождения классика казахской и мировой литературы, академика Мухтара Омархановича Ауэзова. Статья директора Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, академика Национальной академии наук Республики Казахстан Уалихана Калижанова названа символично «Путь к Ауэзову». С творческой лабораторией писателя, привлекая новые архивные материалы, знакомит Диар Кунаев.

2017 год — год 100-летия движения «Алаш», представители которого нашли свой путь в становлении страны, боролись за сохранение нации и Отечества. Первая биография поэта, философа, мыслителя Абая Кунанбаева принадлежит лидеру движения «Алаш» известному экономисту, историку, литератору, публицисту и журналисту, переводчику Алихану Букейханову. Мы предлагаем вниманию читателей статью Серика Тахана о русских литературных традициях в очерках А. Букейханова.

Памяти известного литературоведа, прозаика, видного государственного и общественного деятеля Казахстана Адий Шарипова посвящена статья Серикказы Корабая. Художественную литературу как средство разностороннего познания человека анализировал в своих монографиях и исследовательских статьях, восстанавливая историю казахской литературы в полном объеме, Муслим Базарбаев. О его жизненном и творческом пути пишет Гулжахан Орда.

Эволюционируя от модернизма к постмодернизму, национальные литературы в своем развитии опираются на реалистические традиции. Экспериментируя с формой и усложняя сюжетно-композиционную структуру текстов, современные прозаики и поэты активно разрабатывают сюрреалистические и фантастические мотивы, мифологическую образность, метафорический стиль. Авторы переходят границы жанров, пробуют себя в разных областях творчества, пишут стихи и прозу, литературу для взрослых и для детей, увлекаясь восточными традициями использования символики. Картины реальности и художественного вымысла причудливо переплетаются, продолжая эксперимент с языком и текстом, графическим оформлением разными шрифтами, включением

sms-сообщений, визуального, монтажно-клипового ряда изображений. Закономерности, формирующие конкретный литературный текст, выявляются в контексте культуры, литература встраивается в структуру культуры — «всемирную паутину» (Web). Наблюдается современный сетевой эффект мгновенного взаимодействия благодаря цифровым технологиям, формирование сетевого гипертекста, выкладывание произведений в Facebook.

Влияние писателей на духовный горизонт общества. Устойчивое развитие мира. Такая тематика была избрана для участников Международной литературной Биеннале в Алматы. Ее организаторами стали — Национальная библиотека Республики Казахстан и Союз писателей Казахстана. Биеннале проведена в рамках цикла культурных мероприятий, посвященных ЭКСПО-2017, при поддержке Администрации Президента Республики Казахстан, Канцелярии Премьер-министра РК, Министерства культуры и спорта РК, Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО, Представительства Департамента общественной информации ООН, Почетного председателя Республиканского движения «Ак Орда» К. Сатыбалдыулы.

Биеннале как платформа международного литературного обмена продемонстрировала многообразие культур и национальных литератур этносов Казахстана, их реальное сосуществование и конструктивные связи, перерастающие в отношения дружбы и духовной близости. Основной принцип проведенных мероприятий — уважение к многообразию мировых культур и равноправный диалог писателей разных стран мира. Большой интерес участников вызвали Международная научная конференция «Центральная Азия — Арабский мир: взаимовлияние истории и культур», встреча с зарубежными издателями и переводчиками — главой издательского дома «Hertfordshire Press» Маратом Ахмеджановым и валлийским поэтом, драматургом, членом Королевского общества искусств, председателем Евразийской творческой гильдии Дэвидом Перри.

Основными мировыми трендами в книгоиздании М. Ахмеджанов обозначил рост продажи книг (на 6 процентов), интерес к короткой прозе. В мире, по мнению профессионального издателя, все больше публикуется и читается книг.

В рамках встречи зарубежных писателей с работниками библиотек Казахстана 12 июня 2017 года дан старт Международной акции «Прочитай мне книгу». Представитель Департамента информации ООН в Казахстане Властимил Самек, открывая акцию, особо отметил роль библиотек в современном мире, так как книги хранят богатство и мудрость веков. В век цифровой коммуникации необходима литературная грамотность, овладеть которой можно лишь в процессе чтения книг.

Глава отдела коммуникаций и информации Кластерного бюро ЮНЕСКО в Алматы Сергей Карпов, приветствуя участников Биеннале на торжественной церемонии открытия, рассказал о программе ООН по вопросам образования, науки и культуры «Память мира» (Memory of the World), учрежденной в 1992 году. Целями программы ЮНЕСКО являются защита всемирного документального наследия; обеспечение равноправного доступа пользователей к наследию; распространение всеобщей осведомленности о существовании и значимости документального наследия; продвижение программы и произведений среди широкой общественности. С 1997 года ведутся реестры документального наследия (на международном, региональном и национальном уровнях). Библиотеки вносят несомненный вклад в формирование будущего, поэтому так важна помощь библиотекарям на всех уровнях.

Храм мудрости — так называют библиотеки в Индии. О современном состоянии культуры в стране говорил в своем выступлении директор Межконтинентальной культурной ассоциации Индии, редактор литературного журнала «Kafla intercontinental» Дэв Бхардуаж (Dev Raj Bhardwaj). В Международной акции «Прочитай мне книгу» приняли участие поэт, президент корейского центра Международного ПЕН-клуба Ли Гиль Вон (Lee GilWon); народный поэт, Председатель Национального Союза писателей Кыргызской Республики Акбар Рыскулов; писатель, публицист, кинодраматург Эркин Акзам (Erkin Azatov) из Узбекистана, обобщившие исторические и культурные связи своих национальных литератур с казахской культурой.

Известный туркменский писатель Агагельды Алланазаров, о творчестве которого тепло отзывается в Минске А. Карлюкевич, и профессор, заведующий кафедрой тюркологии Ереванского государственного университета Александр Сафарян не только вели речь о важности художественного перевода в современном мире, но и презентовали свои книги. А. Алланазаров рассказал о плодотворном диалоге с белорусскими переводчиками и издателями. А. Сафарян выступил с инициативой издания Антологии казахской литературы на армянском языке.

Поэт, заслуженный деятель искусств Азербайджанской Республики, Председатель Межгосударственного совета по делам периодической печати, книгоиздания, книгораспространения и полиграфии Исполкома СНГ Чингиз Али оглы Абдуллаев размышлял о важности гуманитарного сотрудничества и гуманитарного знания, основу которого составляют межкультурные и компаративные аспекты. Чингиз Али оглы Абдуллаев и Роберт Миннулин, поэт, журналист, политический деятель (Россия, Татарстан), осуществляя акцию дарения своих книг казахстанским читателям, читали по их просьбе свои стихотворения и переводы.

Конкретикой и новыми предложениями о сотрудничестве обратили на себя внимание выступления главного редактора «Роман-газеты», известного писателя Юрия Козлова и литературоведа, критика, главного редактора газеты «Литературная Россия» Вячеслава Огрызко, проявившего профессиональный интерес к научным изданиям Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова.

Знаковое событие произошло в Астане на II Международном форуме «Великий Шелковый путь: взаимодействие культур Запада и Востока» в рамках Международной выставки ЭКСПО-2017, где был подписан меморандум о создании Евразийского культурного союза.

Новый тип писательско-читательского взаимодействия и интенсивного читательского соучастия в литературе (живое слово, интернет-коммуникация и сетевой резонанс) способствует активному бытованию сетевой, массовой, «толстожурнальной» литературы. Художественный текст сближается с медиатекстом. Монтажность и фрагментарность композиции, «игра в игру» с помощью пародийно-смеховых интонаций, аллюзии на классику превращают интертекстуальность в принцип повествования. В научный оборот все активнее вводится транскультурация на переходе от большого модерна к постмодерну, от современности к постсовременности.

Основные тенденции мирового литературного процесса рубежа веков отражены в публикациях Алеся Карлюкевича, Светланы Ананьевой «Современный литературный процесс Беларуси», Кадиши Нургали «Новая реальность художественного текста», Алимжана Тиливалди-Хамраева «Суфийские мотивы в поэзии Ташполата Наматова», Айнур Калиаскаровой «Иран и Казахстан: современное литературное сотрудничество».

Ведущие тренды в развитии шотландской и казахской драматургии, художественно изображающей исторические события и современную действительность, исследуют Айнур Машакова и Альмира Калиева.

Литературный процесс — понятие многослойное, подобное реке времени. Поэты и писатели в своем, личном ключе решают вопрос о смысле человеческой жизни, выстраивая ассоциативно-образную конструкцию художественных произведений и особые пространственно-временные отношения. Литературы мира демонстрируют разные нарративные стратегии, но продолжают межкультурное взаимодействие и продуктивный диалог в XXI веке.

Светлана АНАНЬЕВА

Уалихан КАЛИЖАНОВ

Путь к Ауэзову

Если Абай олицетворение Духа нации,
то раскрыл его миру незабвенный Мухтар!

Именно с этой мысли я хотел бы раскрыть роль самого Мухтара Ауэзова в современной литературе и науке Казахстана. У каждого народа есть свои великие личности, над памятью которых не властно время. Они как символ нации превращаются в общечеловеческую ценность. Для англичан — это Шекспир, для французов — Бальзак, для русских — Пушкин, для индусов — Тагор, для узбеков — Навои, для туркмен — Мактумкули, для азербайджанцев — Низами, а для казахов, конечно же, Абай. А раскрывший его величие и гениальность Мухтар Ауэзов сам стал столпом казахской литературы прошлого века. Он занимает достойное место у истоков золотого века казахской литературы. Это писатель, ученый, учитель, драматург и критик, стоящий во главе нового всплеска казахской цивилизации. Говоря одним словом, это гениальный деятель, вобравший в себя поистине энциклопедические знания.

Великий художник слова пришел в литературную жизнь в сложный период распада феодального общества, когда казахское общество, минуя капитализм, начало устанавливать социалистическое общество. Однако он не стал подстраиваться под вызовы времени, став борцом и глашатаем советской литературы. Весьма точно к этому подходят гениальные слова китайского мыслителя Конфуция: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен».

М. Ауэзов не смог стать ни красным орлом, ни буревестником революции, а начал воплощать великие цели, заложенные в его духовном мире. Это был дерзкий, в то же время тяжкий и мучительный писательский путь, который вывел его в ряды признанных миром мастеров пера, этот путь привел его к степени академика и к Ленинской премии. Этот путь поднял Мухтара Омархановича на уровень истинного народного писателя. А признанного народом человека не могут вычеркнуть из истории ни стремительно бегущее время, ни меняющееся общество. Но для достижения такой любви народа М. Ауэзову пришлось пройти тернистый и тяжкий путь через волчьи нападки критиков, капканы двуличной политики и тяжелой идеологии.

Каким человеком был М. Ауэзов? Как он достиг народного признания и любви, каковы пути формирования его передового мировоззрения? Абай поднял Мухтара на высокий пик литературы, а М. Ауэзов познакомил с Абаем весь мир. Это — истина!

Раскрывая образ и значение личности Абая, М. Ауэзов сам глубоко вникал в историю и национальные ценности казахов, обычаи и традиции, легенды и предания, фольклорное наследие. Это формировало жизненные принципы Мухтара Омархановича:

«Через ознакомление с великим наследием нации служить своему народу.

Через чистоту и святость национального наследия пробуждать сознание народа.

Через пропаганду духовного наследия народа воспитывать молодое поколение».

Таким образом, через знакомство с Абаем М. Ауэзов вырос до классика казахской литературы.

Огромно наследие М. Ауэзова как теоретика и ученого, внесшего огромный вклад в исследование духовного наследия тюркоязычных народов, заложившего основы абаеведения. Неслучайно целая плеяда научной и творческой элиты Казахстана XX века считает его своим Учителем.

А на формирование взглядов самого писателя в начале жизненного пути огромное влияние оказали идеи Алаша, в числе сторонников которого прошла его политическая школа. Ведь уже «20-летний Мухтар Ауэзов воспринял цели и задачи правительства «Алашорда» как свою жизненную цель и принял активное участие в его работе», — отмечают во вступительном слове к 1-му тому собрания сочинений классика И. Тасмагамбетов и Т. Журтбай.

В рукописном фонде М. О. Ауэзова (папка 382) есть рукопись его сведений о себе: «То долго болея, то пропуская занятия, в 1919 году все-таки завершил учебу в семинарии. В этот период произошел февральский переворот, затем установление Советской власти, и я подключился к общественной работе. В 1918 году вплотную занялся издательской деятельностью и начал издавать журнал «Абай». Публиковались в нем не лирические произведения, а пустые и бесцельные статьи о детстве и молодежи».

Судьба привела Мухтара в журнал «Абай». Абай вновь предстает перед молодым М. Ауэзовым. Но работа в журнале, где содержание не соответствовало названию, не увлекла его. Внутренние противоречия раздирали его душу. М. О. Ауэзов чувствует, что хотя выбранный правительством «Алашорды» в составе России путь верный, он не даст возможности создания самостоятельного государства. И эту мысль доводит искренне и открыто.

1 декабря 1919 года при Семипалатинском губернском революционном комитете открывается казахский отдел и М. О. Ауэзов возглавляет одно из его подразделений. Будто нашлось потерянное и вспыхнуло угасшее: пришло его время поработать на народ. И эту службу он считал уделом и задачей всей грамотной молодежи. Поэтому и написал «Открытое письмо к казахскому читателю», в котором призывает народ активно участвовать в общественной жизни: «В эти дни все читатели должны активно трудиться, поверить и поддержать эту власть. Наряду с этим в государственных учреждениях должны удовлетворять нужды и жалобы оставшихся не у дел казахов. Нет причины избегать этого и устраивать на них гонения. Советская власть не изгоняет тех, кто, даже имея за собой большую вину, желает приносить своей работой пользу. Если же образованные казахи будут убегать из страха перед Советской властью, я скажу им одно: любой из образованных людей, который может принести хоть небольшую пользу, должен поскорее прибыть в город и устраиваться на работу… Если образованные люди думают о народном благе, чем болтаться без дела, все должны приехать».

Это яркий пример национального патриотизма. Позднее, когда Советская власть начала воплощать идею строительства единого государства, он прервал политическую деятельность. Был лишь один путь выхода из этого кризисного состояния — перо, литература. Литература — это большой мир. Писатель может вместить в него все. Белый лист и перо вознесли М. Ауэзова на самый высокий пик литературы, и повелевая миром художественной фантазии, он превратился в падишаха слова…

М. О. Ауэзов видел лишь один путь доведения до народа своего слова и своих взглядов. Он написал драму «Ел агасы» в 4-х действиях. Но она была бесследно потеряна. А у драмы «Байбише — токал» («Жены — соперницы») иная судьба. Этот спектакль до сих пор не сходит с театральной сцены. И хотя каждый режиссер ставит пьесу по-разному, сохраняется основной лейтмотив пьесы. Ненавидевшие друг друга героини, когда приходит русский офицер, расстилаются перед ним. Сила авторской ремарки такова, что М. О. Ауэзов точно передает трагедию казахского бытия через обычные картины жизни, показывая внутреннюю боль и отчаяние.

В 1921—1922 годах над головами казахов нависли черные тучи. Народ охватил голод. В этот драматический период полностью сформировались взгляды молодого писателя. Теперь невозможно было ни терпеть, ни молчать. Он выплеснул все накипевшее на душе на заседании мажилиса Совета казахских государственных служащих: «Если говорить правду, то на фоне гибели от голода народа в глубинке проявления голода в городах кажутся игрой. Если сейчас же в срочном порядке не будут приняты меры спасения от голода в этих районах, то Казахская республика останется без казахов». «Мало того, что это дело нельзя оставлять в таком виде. Для вас, сидящие у власти казахские служащие, это преступление. Мы за это в ответе перед казахским народом и перед своей совестью».

М. О. Ауэзов трагедию народа воспринимал как свою личную трагедию. Он открыто и смело говорил горькую правду. Видеть такое преступление и быть сопричастным ему — тяжелее смерти. Поэтому, бросив службу, он поехал в Ташкент и поступил вольнослушателем в Среднеазиатский университет, но затем перевелся в Ленинградский университет. Он уехал с родины, но не мог вычеркнуть ее видения из сердца. Родившиеся из-под его пера ранние рассказы «Кыр суреттері» («Картины гор»), «Жас журектер» («Молодые сердца»), «Заман еркесі» («Баловень эпохи»), «Кім кінәлі» («Кто виноват») сразу вывели на публику его имя. Если успех молодого таланта обрадовал одних, то вызвал злобу и зависть у других.

Во втором номере журнала «Шолпан» за 1922 год было опубликовано открытое письмо М. О. Ауэзова деятелям литературы, в котором он высказал свои мысли о месте печатных изданий в обществе и о том, какие материалы нужно предлагать читателям. К тому же он подверг критике отрицательные черты народа: «…Это время появления и усиления печатных изданий. Однако их число возрастает, но качества нет, и если исходить из желания казахских масс, они похожи на пустословие. Употребляется очень много новых трудных слов. Разве они вошли через литературу в ум и дух казахов? Нет, не вошли. Причина: эти публикации отдают холодом и не востребованы. Потому что не отражают больные темы народа и не находят своего читателя.

…До сегодняшнего дня нет дешевле слов, чем в нашей печати… …Задача писателя: понять, что интересует народ, чего он жаждет и к чему стремится, понять его дух. Именно в этом ключе нужно писать. …Сейчас в некоторых печатных изданиях в большинстве идет хвастовство казахов. …Открыть дорогу чистой литературе, улучшать ее — главный долг сегодняшнего дня».

С тех пор прошло 95 лет, но есть над чем задуматься. Понятно, что письмо М. О. Ауэзова сильно задело стоящих у власти партократов. В поисках врагов, как стаи саранчи, сгущались тучи над носителями честной мысли. Теперь борьба с «инакомыслием» стала частью государственной политики. Началась борьба с «инакомыслием». Так кто же это были? Это — Ахмет Байтурсынов, Миржакип Дулатов, Жусипбек Аймаутов, Магжан Жумабаев, Мухтар Ауэзов, Даниал Искаков, Жанша Досмухамедов, Кошке Кеменгерулы и другие деятели «Алаша».

Таким образом, М. О. Ауэзов оказался в стороне от пролетарской литературы, а стал писателем, который ставил выше требований нового времени святые духовные ценности прошлых эпох. Поэтому его трагедия «Карагоз» стала мишенью для стрел блюстителей новой нравственности. В конце концов она была снята со сцены. В пьесах «Карагоз», «Байбише — токал», «Сирота», «Каралы сулу», «В тени прошлого» М. О. Ауэзов через трагическую жизнь своих героев проводил свои мысли о времени и судьбах людей. Эти произведения были нужны для пробуждения народа. Однако, образно говоря, это было время выискивания грязи, когда легко очернить любого. И здесь я полностью присоединяюсь к мнению, высказанному И. Тасмагамбетовым и Т. Журтбаем в предисловии к изданию 50-томного собрания сочинений М. О. Ауэзова: «В «Карагозе» Ауэзов раскрыл назревшие вопросы того времени, передал гнев отчаяния и сожаления простого народа. Критики — приверженцы нового общественного развития в каждом слове и точке искали скрытый смысл и намек. Для них «Карагоз» был скорбной песней по прошлому, тоской по кочевой жизни. Даже в монологе Сырыма над могилой Карагоз они усмотрели наставления Корана».

Эти точно сказанные строки передают горькую правду того времени.

Одним из литературных путей М. О. Ауэзова к началу эпопеи «Абай» стала пьеса «Енлик-Кебек». Огромную работу по исследованию истории, архитектоники, художественных достоинств и образов этой пьесы провел основоположник теории драмы, академик, доктор филологических наук профессор Рымгали Нургалиев. Подчеркивая, что предание «Енлик-Кебек» было в четырех вариантах двух рассказов и двух поэм, которые были близки по содержанию, Р. Нургалиев относит его к любовной трагедии, рожденной из конфликта найман и тобыкты. Приводя конкретные примеры, разъясняет причины нападок критиков того времени на пьесу Ауэзова. Хотя многие из сегодняшних ученых не знают этого, причина, оказывается, была в следующем. М. О. Ауэзов сам написал вступление в «Енлик-Кебек»: «До сих пор царят вражда и ссоры между близкими, нет единства, спаянности и мирного покоя в народе. Живем по принципу: пусть лучше придет первым на скачках конь из их аула, чем скакун Алаша. Как не было мира, согласия и спокойствия в казахском народе, такими и остались казахи. Сами лишились силы и энергии. Сами, грабя друг друга, повязали свои руки, и до сих пор у казаха не исчез этот характер. Незабытые привычки, неизлеченная болезнь преследуют его».

Трудно сказать, что приведенные тогда М. О. Ауэзовым качества казахов изменились сегодня. Тем не менее, автор дважды переписывает пьесу — в 1943 и в 1956 годах. Если в первом варианте эта трагедия преподносится как «результат вражды и жестокости биев», в двух последних вариантах как смерть Ромео и Джульетты у Шекспира, но в данном случае, как трактует ученый, преподнесенная с исключительным мастерством в чисто казахском национальном духе. Сравнивая все три варианта и внесенные в них изменения, Р. Нургалиев приходит к заключению: «Глубина и цельность образов, блестящий язык повествования превращают эту пьесу в классическое произведение». И хотя она после правок была действительно

приближена к принципам социалистического реализма, на деле поднялась на высоту оптимистической трагедии. Обостренно сложная бытовая картина получила народное острое социальное звучание. Анализируя такие глубокие мысли, критик особо подчеркивает поднятие авторской идеи до национального уровня. Индивидуальные качества отдельных героев и судеб трагедии он сравнивает со знаменем мощной народной энергии. Он не ограничивается решением эстетических задач, а через измененные слова, предложения, образы подчеркивает духовное очищение М. О. Ауэзова и его восхождение на более высокий духовный уровень.

В 1930 году М. О. Ауэзов был арестован по обвинению в связи с организацией молодых казахских писателей «Алка» и провел 2,5 года в заключении. Сегодня очень важно найти материалы этого дела и довести их до народа. От тягот заключения М. О. Ауэзов избавился, написав открытое письмо о признании своих ошибок в газеты «Социалды Казахстан» и «Казахстанская правда». Однако он не прекращал говорить правду. Чего стоит только его героический поступок, когда он выступил в защиту киргизского эпоса «Манас», являющегося духовной ценностью всего тюркского мира!

21 января 1947 года вышло постановление ЦК Компартии Казахстана «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР». Вновь нависла опасность над казахской литературой, и устной литературой в частности. 11 апреля 1953 года в большом зале Академии прошло заседание Президиума. С докладом о народном характере казахских героических сказаний выступил кандидат филологических наук, Герой Советского Союза Малик Габдуллин. Но даже герой не мог противостоять партийному заданию. Все знали, как партийный аппарат мог давить на людей.

Каковы были взгляды вышедшего на обсуждение М. О. Ауэзова? Сначала он понял, что не может уйти от главных принципов критики. Поэтому выразил согласие с докладчиком, что у него были националистические и пантюркистские взгляды. Однако он объявляет, что давно отошел от этих идей, и говорит о своих личных недостатках. Затем переходит на личные взгляды докладчика и его политические позиции.

М. Ауэзов: «Поставим вопрос — насколько по обсуждаемому вопросу принципиален и справедлив докладчик Габдуллин? Разве в первой части его доклада нет противоречащих мнений об эпосах «Едиге», «Кобланды», «Ер Сайын», «Кенесары» и других сказаниях?

…Почему М. Габдуллин всю вину возложил на меня? Разве когда готовился критикуемый том, сам Габдуллин не был вначале заместителем директора, а затем директором института? Почему тогда я должен один отвечать за участие в подготовке тома Исмаилова и Жумалиева? Разве в первую очередь не должен отвечать за это сам Габдуллин?

…Я полностью доверяю справедливому и объективному решению партии. …Я прошу облегчить пришитую мне Габдуллиным вину или полностью снять ее, пусть это будет на его совести».

После этого М. О. Ауэзов останавливается на том, что в эпосах «Кобланды», «Камбар», «Алпамыс», «Ер-Таргын», «Кыз Жибек» нет положительных образов ханов. Заостряет внимание и на том, что нужно проявлять интерес к историчности и особенностям формы сказаний о Билге Кагане, Култегине, Тоныкоке в орхонских письменах. Особое внимание он обратил на необходимость возвращения народного наследия и очищения его от внесенных позднее дополнений, считая это делом чести казахстанских литераторов.

Позднее М. Габдуллин доказал, что он настоящая личность, умеющая критически оценивать себя. 28 октября 1955 года он публикует в газете

«Казак әдебиеті» письмо к М. О. Ауэзову, в котором есть такие строки: «…В одно время мы переборщили с критикой, которая была местами необъективной. За это прошу у вас прощения».

Как на это прореагировал М. О. Ауэзов? Простил ли? Пришли ли к пониманию друг друга две яркие личности? Пришли. М. О. Ауэзов подарил М. Габдуллину свою книгу «Путь Абая» с автографом «От всей оттаявшей души». Такую душевную широту мог проявить только чистый сердцем Ауэзов. В этом его величие!

Сейчас начали высказываться новые мнения об отдельных героях эпопеи «Абай». Например, кто акын Шубар? Был ли такой акын? Здесь стоит обратить внимание на воспоминания об Ауэзове, приводимые в книге доктора филологических наук, профессора Султангали Садырбаева «Соз туралы соз», в которой приводится отрывок из встречи с М. О. Ауэзовым в марте 1951 года: «Абай и Кокбай известны нам всем, а кто это акын Шубар? По-моему, это изложивший события в «Енлик-Кебек в стихах Шакарим — сын рожденного от байбише Кунанбая Кунке Кудайбергена», — сказал один джигит с холодным видом.

— Мой роман не историческое повествование. Хотя главный его герой Абай — историческая личность, большинство из окружающих его людей составляют образы, рожденные авторской мыслью. Среди них есть и Шубар. Так есть ли необходимость связывать его с Шакаримом?»

Так кто же этот джигит с холодным видом? Почему обиделся Ауэзов? Думаю, что это представляет интерес для ауэзоведов.

Так кем был Ауэзов в это время? В это время он написал роман «Абай», за который получил Сталинскую (государственную) премию I степени, стал признанным писателем. Но слава к нему пришла нелегко.

Роман «Абай» несколько раз выносился на обсуждение. Самое глубокое заключение ему дал на обсуждении 1943 года Габит Мусрепов: «Такого произведения, как «Абай», еще не было в сегодняшней казахской литературе».

«…Какова была степень культуры казахского народа, на какой исторической ступени он стоял, все это можно увидеть в «Абае».

«Это труд, вырвавшийся из сердца писателя!»

«Роман «Абай» стал новой высотой современной казахской советской литературы: это первый роман в казахской литературе, полностью соответствующий настоящему понятию «романа». «Абай» написан в духе традиций и лучших образцов передовой европейской литературы».

В этом весь Габит! Как здорово сказано! Мало того, он подверг критике ученого Есмагамбета Исмаилова, подвергшего до того критике Ауэзова за роман «Абай», полностью сняв все обвинения. К сожалению, сегодня нет на руках стенограммы того обсуждения. Она нужна была бы не для обвинения кого-то, а для раскрытия использования красной империей литературы как идеологического оружия, играющего судьбой писателя.

В романе-эссе «Мой Ауэзов» академик Зейнолла Кабдолов писал: «Трудно представить русского, не читавшего Толстого, француза, не читавшего Бальзака, казаха, не читавшего Ауэзова».

Уместно привести мнение академика Серика Кирабаева: «В романе… во всей полноте предстает образ великого Абая. Это произведение, наряду с его жизнью, знакомит со всем его творчеством, рождением каждого стихотворения. Абая во многих странах знают не по его произведениям (их перевод все еще не удовлетворяет), а через роман Мухтара».

Необходимо обеспечить полноценный перевод поэтических произведений Абая не только на русский язык, но и английский, арабский, французский, испанский, немецкий и другие языки. Потому что узнавший Абая

народ узнает и казахский народ. А узнавший казахов народ будет знать такого великого ученого и писателя, как Ауэзов.

Созданный М. Ауэзовым образ Абая Кунанбаева является не только крупной исторической личностью, но это и разорвавший путы современного ему общества великий поэт. Такой образ должен быть особенным. Однако есть и историческая правда. Перед глазами стояли его бессмертные стихи. Поэтому талантливый писатель, создавая образ Абая, придавал его биографии романтические мотивы, открывал историческую правду.

«Когда знакомишься с образом Абая, — писал академик Мухамеджан Каратаев, — чтение не только не утомляет, но и заставляет понимать и чувствовать все по-абаевски. В этом сила и привлекательность образа Абая, в него хочется верить».

Конечно, такому содержательному, написанному, как льющаяся из сердца поэма, роману веришь, и он становится очень понятным читателям. Так проникаешь в мир Ауэзова, хочется читать и вникать…

Академик Заки Ахметов представляет изображенное в романе М. О. Ауэзова как пришедшие из далекого прошлого видения.

Это проникновенные раздумья в эпилоге эпопеи «Абай»: «Впереди — жизнь, борьба. В этой борьбе он один. Если достигнет вершины, совсем один. Правда, у него есть одна сила и одна надежда. Сила — поэтический дар, надежда — народ. Однако если не пробудится сила, то его не узнает и не пробудится народ. Хватит ли терпения, хватит ли сил?»

«Это была мечта Абая. Почему Мухтар Ауэзов вложил в образ Абая такие переживания? За ними мне видятся проблески света независимости, о которой мечтал Мухтар Ауэзов…»

Мухтар Омарханович Ауэзов познакомил мир с казахской литературой. Эпопея «Абай» показала путь развития казахской литературы от эпоса до эпопеи. Сформировала большую литературную школу. Видные деятели литературы Габит Мусрепов, Габиден Мустафин, Илияс Есенберлин, Абдижамил Нурпеисов, Шерхан Муртаза, Сакен Жунусов, Мухтар Магауин, Кабдеш Жумадилов прошли духовную школу Ауэзова. Таким образом, М. О. Ауэзов как ученый, академик, писатель не только внес вклад в общее развитие литературы, но и собирал ценные памятники устной литературы, кочевой культуры, изучал их и писал по ним пьесы.

«Я лично, выезжая в другие страны, перешагивая порог других наций, всегда брал с собой две святые ценности: одна — «Манас», другая — Мухтар Ауэзов», — говорил в свое время Чингиз Айтматов.

«Нам есть много чему учиться у Ауэзова. В послеабаевский период формирования казахской литературы он первым научил нас писать лирическую, психологическую, объемную прозу». Это сказал один из сегодняшних лидеров казахских писателей Абдижамил Нурпеисов.

Если один из них сравнивает Ауэзова с «Манасом», то второй называет его Учителем.

Сегодня совсем иная жизнь у казахов, занявших достойное место на карте мира. Исполнились мечты Абая и Ауэзова, пишется новая история обретшего независимость Казахстана. А Абай как национальный символ стоит во главе его летописи. Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова выпустил полное собрание сочинений великого писателя в 50 томах и энциклопедию «Ауэзов». Это национальное научное достояние.

Когда говорим «Абай» — перед глазами стоит Ауэзов, а когда говорим «Ауэзов» — то сам Абай.

«Вы еще не читали Ауэзова? Тогда вы еще ничего не читали…».

* * *

Сегодня исследование произведений и жизни признанного деятеля мировой литературы сформировалось в отдельную отрасль науки.

С обретением страной независимости началась новая страница оценки произведений писателя. Хотя в советский период в эпоху его творчества его имя и художественные произведения были широко известны казахскому народу и переводились на языки союзных республик, а также ряд иностранных языков, но оставалось еще много белых пятен в его творчестве и биографии. Сейчас по-новому, с позиций независимого государства ведутся исследования неизвестных ранее событий в его творческом пути.

Были заново рассмотрены не упоминаемые ранее или оставшиеся нераскрытыми темы его обвинений в «национализме», «тюркизме», «пережитках прошлого» и участии в движении «Алаш». Отдельные произведения писателя запрещались и издавались заново, получали противоречивые оценки в годы политических гонений. В судьбе жившего и творившего в период тоталитаризма Мухтара Ауэзова было много тяжких периодов, падений и взлетов: то над головой сгущались тучи, то наступали просветы, и на этом полном тяжких вызовов и противоречий жизненном пути не менее сложным был и его творческий путь.

Диар КУНАЕВ

Творческая лаборатория М. О. Ауэзова

В казахскую литературу Мухтар Ауэзов вошел еще молодым, вошел стремительно и ярко, поражая всех необыкновенной силой своего художественного дарования. 20-е годы XX века были периодом бурного оживления общественной и культурной жизни в Казахстане. Демократическое и просветительское движения в казахском обществе, мощный толчок которым дал еще Абай во второй половине XIX века, в начале XX столетия получили новое развитие — на арену общественной борьбы, общекультурной, просветительской деятельности вышли Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакип Дулатов, Жусипбек Аймауытов, Магжан Жумабаев и другие. Выдвигая идею национальной государственности, самобытности культуры, они в публицистических выступлениях на страницах печати остро ставили насущные, злободневные социальные, нравственные и культурные проблемы казахского народа, оказывая тем самым заметное воздействие на взгляды и умонастроения многих людей. Приобщиться в эти годы к литературе, общественной и культурной жизни было, можно сказать, знамением времени.

Разностороннее изучение архивного материала в фондах Архива Первого Президента РК в г. Алматы, связанного с общественно-политической жизнью М. О. Ауэзова, позволило обнаружить новые документы:

— анкету учетно-распределительного отдела и личный листок № 4 от 11 сентября 1921 г.;

— творческую характеристику писателя М. О. Ауэзова. ЦКП(б) Казахстана, отдел секретная часть;

— автобиографию М. О. Ауэзова;

— протокол и выписки из протоколов Президиума Киргизского Центрального исполнительного комитета (КирЦИК) от 16 января 1922 года;

— докладную записку «О работе среди киргизских рабочих и бедноты, написанную Ауэзовым и Садвакасовым» 7 марта 1922 года;

— доклад уполномоченных Досова и Ауэзова 27 июня 1922 года в г. Оренбург;

— протокол № 11 заседания Киргизского областного комитета ВКП(б) от 15 февраля 1922 года.

Найденные материалы соединяют полноту и строгость документации, хронологический порядок, личное, творческое и общественное. В то же время научно-справочный характер не снижает интереса к впервые публикуемому историко-литературному материалу.

Резкий уход М. О. Ауэзова в начале 20-х годов прошлого века из бурной партийной и общественной жизни сопровождается сначала просьбами об отпуске, затем спорами с рьяными исполнителями партийной линии, противоречащей зачастую интересам казахов. М. О. Ауэзов трагически понимает, что, став орудием государственной власти, он будет закрытым для живых человеческих чувств и поступков. 26 апреля газета «Қазақ тілі» (1921, № 118) публикует статью «Сөзден іске», где говорится о поездке М. О. Ауэзова в Уральск и другие города Казахстана по вопросам голодающего населения и исходящих отсюда задач.

Публицистика является важнейшей частью литературного наследия М. О. Ауэзова. Статьи для прессы он стал писать еще в дореволюционное время, впоследствии, уже будучи знаменитым писателем, М. О. Ауэзов не порывал связь с публицистикой. Он стоял у истоков многих республиканских газет и журналов. Неопубликованные ранее докладные записки, связанные с партийной деятельностью М. О. Ауэзова и написанные им в соавторстве с С. Садвакасовым и А. Досовым, раскрывают их убежденность в необходимости коренного преобразования общества и содержат проекты коренных преобразований казахской степи. Живая мысль и боль о народе, которые отразились в написанных им документах о голоде, — непременная и характерная черта ауэзовского сознания.

Активная жизненная позиция М. О. Ауэзова и романтическая вера в осуществимость намеченного выявляется в новых материалах, в которых сквозит вера молодых партийцев в будущее. Суровая реальность, повсеместный голод, разруха, отсутствие внимания к проблемам казахского народа способствовали эволюции взглядов М. О. Ауэзова и привели его к выходу из партии. Многолетнее искажение наиболее существенных граней реального историко-литературного процесса не давало возможности публикации материалов стенограмм совещаний по острым вопросам развития казахской литературы. Да и сейчас эта возможность восполняется отчасти, поскольку стенографические отчеты представлялись только на русском языке (на казахском языке стенографические отчеты не велись).

Творчество крупных художников соотносилось, в первую очередь, не с их художественными достижениями, а с лояльностью или нелояльностью по отношению к официальным политическим доктринам и к иделогическим канонам. Найденные новые материалы показывают, как государство с жесткой последовательностью стремилось подчинить своим целям искусство, принципиально игнорируя саму природу художественного творчества, и прежде всего потребность в самовыражении, индивидуальном восприятии мира. Социальные и нравственные уроки прошлого дают возможность глубже исследовать сложный историко-литературный процесс в Казахстане, не снимая его противоречий, драматических и трагических коллизий.

Впервые обнаружена стенограмма обсуждения пьесы М. О. Ауэзова «Хан Кене» и статьи о ней Г. Мусрепова и С. Сейфуллина, раскрывающих отношение к отдельному художественному явлению — пьесе М. О. Ауэ-

зова, и характеризующих в то же время историко-общественную ситуацию того периода. Втягивание творческой интеллигенции в осуждение своего собрата по перу уже набирало силу, стало усиливаться бесцеремонное вмешательство в творческую лабораторию писателя. Но даже в условиях такого обсуждения пьесы автор продолжает собирать материалы о Кенесары.

Культура и искусство подходили к опасному рубежу. Непрестанное писательское и научное внимание М. О. Ауэзова к истории в ее переломные, ключевые периоды предопределило постоянное бдительное внимание к его творчеству, творческим исканиям. Все чаще проводились публичные обсуждения его произведений. Это видно из найденных в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан стенограмм совещания заведующих кафедрами общественных наук вузов Казахстана и публичного обсуждения романа «Путь Абая» в 1953 году.

Национальная идея заявляет о себе в творчестве М. О. Ауэзова как личностно выстраданная, как акт открытия и прозрения, прорастает в движении текста, а не привносится как тезис или монопольная идейная установка. Именно этот подход определил атмосферу вокруг выхода в свет написанного М. О. Ауэзовым труда «Әдебиет тарихы». Из этой истории писатель для себя извлекает памятные уроки. Формула «история-искусство» уже составляет внутренний смысл его обширных интересов и глубоко живет в нем — писателе, художнике, историке.

Научные труды М. О. Ауэзова в области истории казахской литературы, фольклора, взаимосвязей литератур и других областей литературоведения занимают в казахской филологической науке особое весомое место. Начиная с 20-х годов XX века, М. О. Ауэзов проявляет большое внимание к изучению родной казахской литературы, выпустив в 1927 году в Кызыл-Орде «Әдебиет тарихы» («Историю казахской литературы»). Она была написана во время его учебы в Ленинградском государственном университете в 1925 году. М. О. Ауэзов обучался в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) с 1923 по 1928 годы.

В Центральном Государственном архиве Республики Казахстан обнаружены неопубликованные ранее письма М. О. Ауэзова к Г. Мусрепову, А. Тажибаеву, А. Нурпеисову, Н. Анову и т. д., а также отзыв на роман в стихах Д. Абилева. В письмах содержатся интересные, меткие наблюдения, раскрывающие особенности творческой манеры писателей. Они дают содержательные факты и сведения, связанные с его взаимоотношениями со многими видными казахскими писателями и литературоведами, свидетельствуют о пристальном интересе М. О. Ауэзова к творчеству ведущих казахских писателей и в целом к развитию казахской литературы. Масштабность критического мышления М. О. Ауэзова обнаруживается и в том, что, говоря даже об одном произведении, он, по сути, говорит обо всем творчестве писателя и выявляет достаточно точно и впечатляюще его творческую индивидуальность.

Завершена большая историографическая, библиографическая и научно-поисковая работа по такой важной теме, как проблемы художественного перевода романа-эпопеи «Путь Абая» на русский язык (на примере переписки М. О. Ауэзова с Л. Соболевым. В архивах Алматы и Москвы обнаружено несколько писем М. О. Ауэзова к Л. Соболеву, а также Л. Соболева к М. О. Ауэзову по вопросам, связанным с художественным переводом видного русского писателя и переводчика главного произведения классика казахской литературы на русский язык. Переписка М. О. Ауэзова с Л. Соболевым, хранящаяся в архиве Научно-культурного центра «Дом Ауэзова», показывает их совместную работу над художественным переводом романа-

эпопеи на русский язык. М. О. Ауэзов оказывал большую помощь русскому писателю и переводчику. Он объяснял ему смысл известных казахских выражений, реалий быта, обрядов и обычаев казахского народа, которые зачастую были неточно переданы в подстрочном переводе.

В Центральном Государственном архиве Республики Казахстан и в личных фондах найдены неопубликованные ранее письма известного литературоведа из России З. С. Кедриной к М. О. Ауэзову, Л. М. Ауэзовой и письма М. О. Ауэзова и его дочери Л. М. Ауэзововй — к З. С. Кедриной.

Для исследования личной и творческой судьбы М. О. Ауэзова 30-х годов XX века важны обнаруженные в архивах Казахстана протокол заседания бюро Казкрайкома ВКП(б) от 16 октября 1933 года «О создании красной книги в колхозах Казахстана», на котором выступил М. Ауэзов (протокол № 177); выступления М. Ауэзова на заседании секретариата Казкрайкома ВКП(б) от 25 октября 1933 года «О подготовительных мероприятих к съезду советских писателей Казахстана» (протокол № 322) и на заседании Казкрайкома ВКП(б) от 20 декабря 1933 года «О составе редколлегии журнала «Адебиет Майданы» (протокол № 334).

Новые материалы Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга — личное дело М. Ауэзова, письма казахского писателя к коллегам по перу и другие значительно дополнили картину событий литературной и общественной жизни того времени. В новом свете подробно изучено эпистолярное наследие М. О. Ауэзова и его переписка с ведущими казахскими писателями в период 30-х годов XX века и последующие годы. Письма М. О. Ауэзова к ведущим казахским писателям показывают отношение классика казахской и мировой литературы к своим современникам, политическим событиям того времени, литературным течениям и направлениям, социальным и философским идеям. Они раскрывают полную картину связей М. О. Ауэзова с ведущими и молодыми писателями, видными деятелями литературы и искусства, друзьями и единомышленниками, с идейными врагами и недоброжелателями. Письма дают возможность увидеть М. О. Ауэзова и в радостные дни, и в драматических ситуациях.

Таким образом, введены в научный оборот ценные литературные факты и мысли из богатого литературного наследия писателя: рукописей, блокнотных записей, что дает возможность по-новому осмыслить важнейшие этапы развития казахской литературы XX века. Открытие новых фактов относительно творческой лаборатории писателя на основе эпистолярного наследия позволяет восстановить объективный ход развития истории казахской литературы от 30-х годов XX века до 1961 года. На основе писем исследуются политические, исторические, литературные проблемы того времени, научные взгляды писателя и академика М. О. Ауэзова.

Так, неизвестные ранее письма одного из крупнейших российских прозаиков Л. Соболева М. О. Ауэзову рассказывают о судьбе писателя и его творчестве, об исторических событиях и развитии советской литературы, от работы ЛОКАФ — Литературного объединения Красной Армии и Флота до Союза писателей России, организатором и руководителем которого двадцать лет был Л. Соболев.

В переписке Л. Соболева с М. О. Ауэзовым раскрываются малоизвестные страницы жизни крупнейших писателей России и Казахстана, интересны их размышления о жизни, литературе и времени. Так по-новому, благодаря архивным документам, обобщается творческая лаборатория классика казахской и мировой литературы М. О. Ауэзова

Гулжахан ОРДА

Художественная литература — средство разностороннего познания человека

История казахского литературоведения богата славными именами.

С 1948 года на страницах периодической печати стали появляться литературно-критические статьи и рецензии Муслима Базарбаева. Уже в первых рецензиях на собрание сочинений Б. Булкышева «Наша эпоха» и в статьях «А. П. Чехов», «А. С. Грибоедов», «А. С. Пушкин», «Великий русский демократ», «А. Н. Радищев» будущий известный ученый-литературовед продемонстрировал широкую эрудицию, знание предмета и яркий талант публициста. В публикациях М. Базарбаева «Гордость казахского народа», «Казахский поэт-просветитель» и «О поэтическом мастерстве Джамбула» заметно глубокое проникновение молодого автора в природу произведения, умение выделить главное в структуре художественного образа, подчеркнуть своеобразие поэтического дара Абая и Джамбула Джабаева, принесших казахской литературе мировую известность.

Статьи «О создании учебника казахской литературы», «О необходимости создания качественного учебника истории казахской литературы», опубликованные в 1953 году на страницах газеты «Социалистік Қазақстан», позволили молодому журналисту, показавшему свои отличительные поисковые навыки, начать работу над созданием учебников.

В 1954 году по постановлению Президиума Академии наук Казахской ССР под руководством видных ученых М. О. Ауэзова и С. Муканова М. Базарбаев (вместе с Е. Лизуновой, А. Нуркатовым, Х. Сайкиевым, С. Сеитовым) был включен в состав авторского коллектива учебного пособия. Среди молодых литературоведов, которые участвовали в написании учебника, М. Базарбаев одним из первых приступил к написанию учебника «Казахская советская литература» для 10-го класса, изданного в 1954 году. Учебник до 1986 года переиздавался 11 раз, что свидетельствует о его соответствии самым строгим требованиям. В 1989 году учебник для 11-го класса был дополнен и выдержал, начиная с 1994 года, несколько изданий.

М. Базарбаев написал около двадцати крупных монографий и более трехсот исследовательских статей, посвященных кардинальным проблемам истории национальной литературы. Труды «Об исследовании литературного наследия» (1959), «Образ человека труда в казахской поэзии» (1961), «Живые традиции» (1962), «Интернациональное единство и национальное своеобразие литератур народов Средней Азии и Казахстана» (в соавторстве, 1962), «Литература грозных дней» (в соавторстве с А. Нарымбетовым, 1968), «Литература и эпоха» (1966), «Национальные традиции и новаторство в казахской поэзии» (1973), «Эстетическое богатство нашей литературы» (1976), «Казахская литература в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы» (в соавторстве, 1984), «Поэма о героизме и труде» (в соавторстве с А. Нарымбетовым, 1984), ««Казахская поэзия: художественные искания» (к традициям Абая) (1995) занимают особое место в казахском литературоведении.

Любознательный журналист, проявивший себя как искусный автор учебников, уверенно стал заниматься литературоведческим трудом. В 1955 году защитил кандидатскую диссертацию «Тема труда в казахской поэзии» в Академии общественных наук при Центральном Комитете КПСС (г. Москва). С 1956 по 1961 годы М. Базарбаев работал заместителем директора Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, а с 1961 по

1970 годы — директором Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР.

М. Базарбаев был блестящим организатором, вложившим много сил и энергии в становление и укрепление Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Трудовая деятельность ученого, внесшего огромный вклад в культуру и литературу казахского народа, тесно связана не только с национальной историей. Он совершил много благородных дел на благо будущего своей нации, внес колоссальный вклад в исследование становления и развития казахской советской литературы. Он был руководителем и одним из авторов «Истории казахской литературы», состоящей из 6 книг (1961—1967), а также непосредственным руководителем всего процесса исследования, создания и опубликования трудов «Қазақ әдебиеті тарихының очеркі» на казахском (Алматы, 1958) и «Очерков истории казахской литературы» (Москва, 1960) на русском языках.

М. Базарбаев — один из ведущих авторов фундаментального, многотомного исследования «Очерки истории казахской литературы» (1960) и «Истории многонациональной советской литературы».

После кончины М. О. Ауэзова в честь памяти писателя на заседании отделения общественных наук Академии наук Казахской ССР 28 июня 1961 года М. Базарбаев убедительно выступил с концептуальным докладом, после чего институт был назван именем писателя. Вложивший немало сил в открытие мемориального дома-музея писателя в 1967 году, М. Базарбаев не только написал предисловие к 12-томному собранию сочинений М. О. Ауэзова, но и был его главным редактором.

В 1971 году М. Базарбаев защищает докторскую диссертацию «Традиция и новаторство в казахской национальной поэзии» в Институте востоковедения (г. Москва). Автор обращает внимание не только на форму и содержание казахской поэзии, но и на взаимосвязь литератур, рассматривая особенности национальной казахской поэзии от лиро-эпического эпоса «Кыз Жибек» до творчества Т. Молдагалиева. Перечисляя достижения казахской поэзии, ученый дает свою, объективную, оценку.

Среди трудов М. Базарбаева, посвященных истории казахской литературы, можно выделить коллективные монографии и его исследовательские труды. В научных статьях М. Базарбаева рассматривались основные периоды развития советской литературы.

М. Базарбаеву принадлежит авторство монографий о жизни и творчестве А. Букейханова, Ш. Кудайбердиева, М. Жумабаева, С. Сейфуллина, Ж. Жабаева, А. Токмаганбетова, М. О. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова, К. Аманжолова, Х. Есенжанова, С. Шаймерденова, Ж. Молдагалиева. М. Базарбаев является одним из первых ученых, который занимался исследованием творчества Шакарима. После реабилитации Шакарима Кудайбердиева в 1958 году он стал уделять особое внимание его наследию. С 1966 по 1969 годы под руководством М. Базарбаева были собраны и исследованы произведения Шакарима, а 3 декабря 1969 года они были рассмотрены на заседании Научно-координационного совета Института. Через 7 дней все решения и постановления этого заседания, сборник и сопроводительное письмо были направлены в секретариат Центрального Комитета, но ответа не последовало. Несмотря на это, ученый посвящает одну главу своей диссертации произведениям Ш. Кудайбердиева и успешно защищает докторскую диссертацию в Москве. Благодаря настойчивости и целеустремленности М. Базарбаева, многогранное наследие Шакарима Кудайбердиева увидело свет. В этом проявились чистота помыслов литературоведа и такие черты его характера, как смелость, умение убеждать и доказывать, умение отстаивать свою правоту, широкая образованность и интеллект.

М. Базарбаев сделал многое и как государственный деятель. В 1970—1976 годы он был министром культуры Казахской ССР. В 1976—1981 годы — министром иностранных дел. Депутат Верховного Совета Казахской ССР, кандидат в члены Центрального Комитета Компартии Казахстана, член Союза писателей СССР… Неоднократно награждался орденами «Трудового Красного Знамени» и «За трудовое отличие», многочисленными медалями.

Значителен его вклад как организатора в проведение ряда международных конференций и конгрессов, на которых он выступал докладчиком. В своих докладах «Нынешнее время и искусство» (1972), «Общественное развитие и искусство» (1973), «Общественная функция литературы и искусства» (1974), «Национальное и интернациональное содержание искусства» (1975), «Советская культура и ее иностранные “критики”» (1976) ученый-литературовед глубоко и всесторонне освещал актуальные вопросы культуры и искусства. Принимая активное участие в проведении симпозиумов мирового уровня в Швеции (1971), Индонезии (1972), Дании (1973), ФРГ (1975) от имени Советского Союза, М. Базарбаев прославил на весь мир культуру и искусство нашей страны.

Известный ученый-литературовед и выдающийся государственный деятель, используя весь свой авторитет, продуманно и целенаправленно шел к поставленной благородной цели. В письмах, которые были адресованы Первому секретарю Центрального Комитета Компартии Казахстана Д. А. Кунаеву (от 14 мая 1985 года), заведующему отделом науки и учебных заведений Центрального Комитета С. Муканову, М. Базарбаев требовал проведения работ по сбору, исследованию и изданию наследия Ш. Кудайбердиева. Он с горечью вспоминал о том, что при реабилитации Шакарима уже не было Ахата Жаксыбаева (сына акына), который приложил свои усилия, чтобы донести до народа произведения отца. После того как Ш. Кудайбердиев в 1988 году второй раз был официально реабилитирован, ученые-литературоведы получили возможность исследовать его наследие. М. Базарбаев за 25 лет до этого знаменательного события написал свой труд о произведениях акына. Интерес к поэзии Шакарима проявился у будущего ученого с детства, о чем свидетельствуют его воспоминания. В 1935 году С. Сейфуллин издал книгу, включив поэму Шакарима «Лайли — Мажнун». Будущий ученый эту поэму, имя автора которой в то время было еще неизвестно, знал наизусть.

О научной добросовестности М. Базарбаева, его пристрастии к науке в 1981—1986 годы, когда он во второй раз возглавил Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН КазССР, современник ученого, академик Национальной академии наук С. С. Кирабаев пишет: «Особо восхищает упорный труд ученого, который долгие годы был руководящим работником и не имел возможности полностью заниматься наукой. Долгие годы, занимаясь государственной деятельностью, Муслим в свою любимую область литературоведения пришел истосковавшимся по научному труду». Это было ответственное и непростое время, когда перед литературой стояли сложнейшие задачи реабилитации, возвращения широкому кругу читателей творческого наследия казахской интеллигенции, деятелей «Алаш».

Будучи заведующим отделом современной казахской литературы Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова НАН РК, М. Базарбаев приложил максимум усилий для осуществления издания творческого наследия А. Бокейханова, М. Жумабаева, Ж. Аймауытова, С. Садуакасова, К. Кеменгерова и др. Он принимал непосредственное участие в разработке

идеи и концепции исследования казахской литературы с новых позиций, в новых исторических условиях суверенитета и независимости Республики Казахстан. Под его руководством сотрудники отдела приступили к исследованию казахской литературы 20—30-х годов XX века. Итогом проведенных научных изысканий явился коллективный труд «Казахская литература 20—30-х годов» (1996). Коллективная монография «Казахская литература 40—50—60-х годов» (1997) — закономерное продолжение данного труда.

Начатое исследование «Казахская литература 70—90-х годов» осталось, к сожалению, незавершенным. Но по-прежнему в широком научном обороте монографии М. Базарбаева «Казахская поэзия: художественные искания» (1995), «Литература, которую создало время» (1997).

М. Базарбаев внес существенный вклад в исследование произведений С. Сейфуллина, Ж. Жабаева и своих современников М. О. Ауэзова, Г. Мусрепова, К. Аманжолова, Х. Есенжанова, Ж. Молдагалиева, А. Нуркатова, С. Шаймерденова. Разносторонние факты литературы получили новую трактовку с учетом анализа эстетического богатства и художественного своеобразия казахской литературы, произведений известных поэтов и писателей. Признанный ученый-литературовед глубоко верил в то, что художественная литература является не областью интересов политики, а средством разностороннего познания человека.

В соответствии с требованиями времени М. Базарбаев по-новому раскрыл сложные и актуальные вопросы национальной поэзии XIX—XX веков в монографии «Казахская поэзия: художественные искания (к традициям Абая)», акцент в которой был сделан на исследовании вопросов традиции и новаторства путем всестороннего анализа произведений казахских поэтов. Рассмотрев и глубоко проанализировав поэзию ученика Абая — Ш. Кудайбердиева, продолжившего его поэтические традиции, и М. Жумабаева, литературовед переходит к анализу современной ему казахской поэзии, произведений А. Токмаганбетова, Ж. Молдагалиева и т. д. Создавая творческий портрет названных поэтов, автор книги раскрывает художественное своеобразие поэм и стихотворений, индивидуальность стиля в широком контексте проблем традиций и новаторства. Восточная традиция казахской поэзии, изучению которой М. Базарбаев уделяет особое внимание, иллюстрируется на основе анализа произведений А. Кунанбаева, Ш. Кудайбердиева и К. Бекхожина.

М. Базарбаев известен и как талантливый переводчик многих произведений русской и зарубежной классики. Он перевел на казахский язык произведения Аристофана «Лисистрата» (1981), повести И. С. Тургенева «Первая любовь», «Вешние воды», «Ася», «Постоялый двор» (1960—1968), пьесу «История мезозей» М. Ибрагимбекова (1977). Вместе с М. Алимбаевым переводит «Книгу вожатого» (составители В. Губарев и А. Гусев, 1953 г.).

М. Базарбаев внес значительный вклад в исследование литературного процесса второй половины XX века. Его научные труды не потеряли своей актуальности и значимости по сей день. История казахской литературы без имени М. Базарбаева, которому в этом году исполнилось бы 90 лет, непредставима.

Под влиянием личности Муслима Базарбаева и под его научным руководством сформировалось не одно поколение исследователей-литературоведов в Казахстане. М. Базарбаев остался в памяти людей не только как видный ученый и государственный деятель, но и как человек бескорыстный, щедрой души и доброго сердца, наставник и друг.

Серик ТАХАН

Русские литературные традиции в очерках А. Букейханова

(На материале публикаций в журнале «Сибирские вопросы»)

В публицистическом наследии лидера национально-освободительного движения казахского народа первых двух десятилетий XX века Алихана Букейханова заметное место занимает тема переселения безземельных крестьян из России, Украины и Балтии в Казахстан на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков. Вопросы переселенческой политики русского царизма в аспекте ее пагубных социальных последствий для казахского народа особенно остро и разносторонне были поставлены А. Букейхановым в 1908—1910 годах в Санкт-Петербургском журнале «Сибирские вопросы». Речь идет о материалах, включавших в себя следующие очерки на русском языке: «Киргизы на совещании Степного генерал-губернатора», «Переселенческие наделы в Акмолинской области», «Русские поселения в глубине Степного края», «Бюрократическая утопия», «Кризис канцелярского переселения», «Ничьи деньги», «Переселенцы в Тарских урманах», «Долой с дороги: идет овцевод!», «Ненужное генерал-губернаторство».

Поддерживая лучшие традиции русского очерка говорить о сложных социальных явлениях доходчиво и ясно, А. Букейханов стремится усилить коммуникативные функции публицистической речи сопряжением «памяти жанра», обязывающей к образности повествования, его насыщенности ассоциациями и четкой социальной определенности выводов, с научной точностью и глубиной анализа фактического материала.

В очерках Букейханова блестяще решается сложная задача — изложить сухой материал геоботанического, социологического, этнографического и политического содержания языком, порождающим образы, ассоциации, предельно активизирующие воображение, вовлекая реципиента в сопереживание излагаемых событий исторического значения для казахского народа. В результате долговременной преступной переселенческой политики царизма по разложению фундаментальных основ жизни казахов последние оказались в тяжелом социальном положении, и автор, ведомый долгом предотвратить дальнейшие последствия государственного курса на расширение территорий под переселенцев, избирает литературный русский язык как форму эффективной трансляции политических требований и духовных запросов своего народа.

Появление очерков Букейханова в «Сибирских вопросах» приходится на известный в истории России период демократизации всех сфер культурной и социальной жизни, когда под напором событий первой русской революции в обществе возникла непродолжительная атмосфера свободного интеллектуального развития, проявившегося в неисчислимом разнообразии политических и духовных исканий. Ведущей тенденцией в культурной жизни стало усиление статуса художественной литературы. Появление многочисленных газет и журналов неоспоримо свидетельствовало об усилении роли прессы в формировании общественного мнения. Авторитет профессии журналиста стал привлекать в ряды литераторов, известные из которых первыми вошли в отряд летучего пера, намного больше молодых талантов художественного слова, желавших попробовать свои силы на новом поприще, которое традиционно продолжало ассоциироваться с литературным служением.

Укорененная в XIX веке русская культурная традиция продолжала предписывать представление о том, что в публичном дискурсе особенно

убедительно звучит художественно оформленная речь. Степень достоверности и значимости излагаемых идеологических концепций, жизненное обоснование непримиримости позиций в политических баталиях на страницах прессы в большой степени зависели от литературных способностей авторов облекать свои мысли в художественные образы, находить афористические речевые формулировки, расширяющие и углубляющие идею своей публикации. Букейханов, бесспорно обладая писательским даром, не преминул воспользоваться в своих очерках возможностью опереться на такой социологический фактор русской культуры, как высокое статусное значение художественного слова, поэтому максимально насытил их языковую структуру литературной образностью.

В литературно-публицистических текстах начала XX века наблюдается заметная ориентация на разные стандарты литературной деятельности в русском культурном пространстве. Букейханов в своих очерках опирается на эстетический канон, сформированный во второй половине XIX века усилиями революционно-демократического крыла русской литературы в лице Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, отчасти Г. И. Успенского и А. П. Чехова, канон, который был устойчиво сконцентрирован на симпатии к человеку труда на земле и сатирическое осмеяние властей предержащих, призыве к сочувствию к простому человеку. Существовавшая в пространстве культуры того периода имперская апологетика предпринимала попытки дезавуировать этот эстетический канон, противопоставляя ему пантеон классиков литературы, из сочинений которых извлекалась только идея державности и величия России. Сложные идейно-тематические искания Пушкина и Гоголя в школьных программах были выпрямлены так, что в содержании их сочинений остался только символический капитал, поддерживающий слабеющие устои русского самодержавия.

Каноническим наследием демократической литературы реалистической направленности начала XX века являются художественные приемы типизации отвратительных сторон российской социальной действительности, особенно основательно разработанные в произведениях писателей революционно-демократического лагеря. В содержательном плане вся русская литература второй половины XIX века, ориентированная на выражение всего спектра чаяний многомиллионного российского народа, пронизана пафосом морального осуждения зла самодержавия, призывает к сочувствию трудной жизни человека простого звания. Букейханов в очерках на страницах «Сибирских вопросов» проявляет принципиальную приверженность этим литературным заветам. Точность и логическая последовательность в изложении материала, являясь фактурной основой очерковых текстов, дополняются живой полемикой вокруг событий, освещаемых автором, с привлечением большого историко-литературного комментария, что способствует типизации определенных социально-политических явлений, живо волнующих всю передовую общественность России. Нравственная оценка позиции приверженцев ускоренной реализации преступной колониальной политики переселения безземельных крестьян России, Украины и Балтии в Казахстан дается очеркистом посредством встраивания в дискурс очерков прямых цитат из речей политиков и высокопоставленных чиновников. Лексико-фразеологическое наполнение приводимых высказываний адептов колонизации Степного края не оставляет сомнения в предельной циничности и жестокости вынашиваемых государственной машиной намерений оставить без средств к существованию целый народ.

Весь цикл очерков Букейханова прежде всего следует рассматривать как единый социально-политический дискурс, увязывающий земельный

вопрос в Казахстане с порочной практикой бездарного и безответственного царского администрирования, он не может обойтись без сухой и объективной статистики, свидетельствующей как о деградации социальных форм жизни казахского народа в результате наплыва переселенцев на его земли, так и об объективном ухудшении жизни самих переселенцев из года в год в силу непреодолимости геоклиматических рисков при существующем типе хозяйствования на земле. Но очевидна и литературная составляющая этого дискурса, вытекающая из стремления Букейханова использовать средства речевой риторики для возбуждения деятельного интереса здоровой от имперской апологетики части русскоязычной аудитории к справедливому решению земельного спора.

Автор очерков сводит монологичность до допустимого в жанре очерка минимума, всячески стремится оживлять подачу материала моделированием прямого диалога с оппонентами на уровне макроструктуры текстов. В очерках возникают текстовые локусы, меняющие языковой план, вводящие оригинальную сюжетику в общее изложение или усиливающие элемент нарративности. Букейханов особенно заботится о контекстуальном расширении смыслов прагматического дискурса за счет литературных аллюзий, исторических и литературных реминисценций, образного переосмысления прямых и косвенных политически злободневных цитат, пейзажных зарисовок, живописных пересказов забавных случаев из быта казахов.

В очерках Букейханова заметно следование художественному методу Г. И. Успенского, глубоко и оригинально исследовавшего в своей книге «Власть земли» крестьянскую проблематику в разрезе исторических изменений в социальной структуре русского общества после земельной реформы 1861 года. Этнография и фольклорная поэтика являются незаменимыми компонентами размышлений Г. И. Успенского о «власти земли» над русским крестьянином, предопределяющими основной камертон его очеркового письма, сводящийся к осознанию чувства земли как национальной метафизической константы. Букейханов не разделяет утопических надежд автора «Власти земли» на благополучный исход внутреннего разлада в крестьянском мире при условии восстановления извечных основ народной жизни, но сам принцип опоры на фольклорно-этнографический материал при социологическом исследовании общественных взглядов на земельный вопрос представляется ему верным. Подобно тому, как Успенский в очерке «Власть земли», давшем название всей его книге о судьбах русского крестьянства, в сказовой форме передает содержание былины о Микуле Селяниновиче и Святогоре-богатыре, чтобы прояснить главный исток его веры в неисчерпаемость душевных сил деревенского люда в противостоянии жестоким испытаниям периода вторжения капиталистических отношений в многовековой патриархальный порядок жизни — извечную «тягу» натуральной земли, в которой заключена вся сущность жизни русского народа, Букейханов в очерке «Русские поселения в глубине Степного края» прибегает к форме оригинальной авторской сказки — развернутого метафорического олицетворения, чтобы выпукло подать основную мысль, объединяющую весь публицистический материал.

А. Букейханов в этом очерке размышляет о причинах неуклонного снижения урожайности из года в год на землях, отведенных переселенцам, и подводит к выводу об изначальной ущербности идеи непомерного расширения аграрного сектора в зоне резко-континентального климата и бедных солями почв, каковой является Степной край.

Капризы погоды, когда в конце весны могут ударить заморозки, а все лето стоять засуха, когда пышное разнотравье в поймах рек весной, как бы свидетельствующее о стабильном плодородии тамошних земель,

скоро никнет и блекнет от нехватки воды, когда все проросшее в начале лета до осени может иссушиться под знойным солнцем, за исключением курая и кокпека — традиционного подножного корма казахского скота, — неизбежно превращает сельскохозяйственный труд жителей новообразовавшихся крестьянских хуторов в высокий и неоправданный риск. Совершенно непредсказуемые климатические и иные метаморфозы, характерные Степному краю, персонифицируются автором в двуедином образе старухи-девушки из сказки: «У порога отверстия, откуда тонкою лентой крутится синий дым подземелья, сидит женщина; она безобразна, как баба-яга, может быть, это она сама, нелюдима и зла, как ядовитая змея, жертва любви людской, и была лицемерка-змея. Впрочем, кто ее знает, кто она?» — интригуя слушателей, вставляет ертекшы (сказочник).

То было вечерней порой, — добавлял он же, приступая к продолжению сказки. — Звезды мигали последним слабым светом, еще были видны полярная звезда и зарница; утреннею зарею озарился восток; девственные лучи солнца, как в эту пору джигит, целуют облака, лижут вершины гор...

Ни отверстия, ни дыма не было: на этом месте стояла акорда (белая ханская юрта) и у порога его — ханша дивной красоты. — Добавив, что не ему, старому, описывать ее, продолжал ертекшы, ханша была стройна и гибка, как молодая ветка лозы, глаза у нее черны, как спелая смородина, черные, как чернила, брови были подобны крыльям ласточки, зубы — что жемчуг и белы как снег. Поцелуй ханши жгуч, как яд змеи, сладок, как девственная любовь.

Ночью была буря: шел источник жизни — дождь; дул ветер любви, он снес, сровнял все скверны ада змеи; остановился у той женщины джигит: испив от избытка его силы, она обратилась в ханшу: «Все на свете обманчиво, — поучает сказка, — никто никогда не узнает в этой царице любви ни бесплодную старуху, ни ядовитую змею».

Эта поэтическая миниатюра представляет собой эстетическую ценность, в ней — композиционная завершенность, повышенная суггестивность образов, достигаемая смонтированным изображением. Сказка несет этнографическую информацию, моделируя древние мифологические представления казахов, пантеистические воззрения, обусловленные суровым природным ареалом, представления народа о красоте и об уродстве в людях и их отношениях. Будучи абсолютно авторским произведением, сказка идеально ретранслирует примечательные особенности поэтики казахского фольклора (дихотомия мотивов, обрамление как прием изложения содержания, обилие перифраз и нагнетание тропов в описаниях персонажей и ситуаций).

Первый функциональный уровень сказки в очерке заключается в том, что Букейханов переводит языковую структуру, характерную для казахского фольклора как продукта многовекового культурного процесса, на другой, русский языковой код в целях максимально возможной репрезентации национальной картины мира казахов. Замысел Букейханова опереться на фольклорную поэтику в публицистическом тексте объясняется не только целью напомнить русскоязычному читателю о существовании инонациональной точки зрения на «великорусскую» стратегию земельной колонизации окраин, но глубже выразить свою убежденность в пагубности одностороннего взгляда на практику переселения крестьян со стороны на земли скотоводов. В особенностях развертывания сюжета сказки Букейханова можно видеть и отсвет художественной манеры «Сказок» М. Е. Салтыкова-Щедрина, отталкивание от которой дает в очерке Букейханова эффект стереоскопичности видения сложной социальной проблемы. В повествовательной структуре «Сказок» великого русского сатирика наблюдается

множественность точек зрения, невозможность смысловой центростремительности упраздняет саму идею иерархии, размытость топологических контуров описываемых событий расширяет диапазон их интерпретации до масштабов соотнесения с природными явлениями, не поддающимися умозрительному упорядочению. Автор «Сказок» как бы соглашается с принципиальной невозможностью дать однозначную оценку поступкам персонажей, передоверяет судить читателю, почему описываемые в сказках метаморфозы имеют отношение к социальной действительности.

В композиции очерка Букейханова сказке о старухе-девушке отводится роль лейтмотива прагматического дискурса, в котором описание реальных ситуаций крушения надежд переселенцев на урожаи в Степном крае звучит в унисон с навеянным сказкой настроением эфемерности сменяющихся в ней картин природы, в которых все смазано, все призрачно и обманчиво. Так, процитировав письменное свидетельство чиновника о разочаровании переселенцев села Раздольное Атбасарского уезда выбранными ими покосами, которые весной вызвали у них восторг разнотравьем, а осенью представляли собой выжженные солонцы, Букейханов заключает: «...капризная Киргизская степь ханшу подменила бабой-ягой».

В другом случае автор после экскурса в историю географического изучения долины реки Чар, связанных с именами русских ученых, однозначно рекомендовавших по результатам своих впечатлений развивать земледелие в описанном ими крае, выносит свой вердикт: «Переселенцам, прожившим на р. Чаре, пришлось испытать всю капризную изменчивость Киргизкой степи и поближе познакомиться с бесплодной старухой. Осевшие на «пойме» реки Чара крестьяне позже обнаружили, что облюбованная прибрежная земля больше не заливается весной, к середине лета превращаясь в голую дресвяную степь. Погода после посева может “преподнести” мороз, от которого замерзает вода в родниках. В засушливое лето гибнут урожаи чувствительных к засухе культур. — Автор очерка констатирует: — Таковы нелицеприятные разоблачения, сделанные переселенческим хозяйством пленительнице и обманщице долине р. Чар...»

Метафорическое олицетворение природы и климата Центрального Казахстана в образе старухи-девушки позволяет Букейханову «оживить» фактический материал очерка через активизацию архетипичных мотивов в сознании читателя. В разных частях текста очерка возникает резонанс фабульных элементов сказки, призванный экспонировать психологическую динамику социальной биографии большой группы людей — переселенцев, объединенных общей трудной судьбой.

В дискурсе очерков Букейханова сатирическое наследие М. Е. Салтыкова-Щедрина является важным источником литературных приемов для достижения нужных художественных эффектов. Сатира Салтыкова-Щедрина служит Букейханову примером разрушения стереотипов и догм, мешающих общественному прогрессу, в большом количестве аналитических ходов его мысли прозрачно отсвечивают щедринские обличительные формулы, относящиеся к характеру администрирования в Российской империи, духовно-нравственной выхолощенности отношения властной элиты к своему народу. Особенно остро востребованность в сатире щедринского масштаба стала ощущаться в русской литературе начала XX века, что было связано с очевидным глубоким системным кризисом политической власти, которая за внешними формами традиционной деспотии скрывала полную внутреннюю деградацию руководящей элиты. Букейханов в очерках развивает тезис М. Е. Салтыкова-Щедрина об убывании легитимности русской власти, особо акцентирует на мыслях великого сатирика о ложности самой идеи сакральности самодержавия, с опорой на художественную логику

сказок, очерков писателя разоблачает моральное убожество людей — своих современников, составляющих властную группу.

В контексте развития критики властного дискурса М. Е. Салтыковым-Щедриным можно рассмотреть очерк «Ненужное генерал-губернаторство» Букейханова, посвященный анализу причин слухов об упразднении генерал-губернаторства Степного края, распространившихся в кулуарах Государственной Думы в 1908 году. Букейханов многочисленными фактами убедительно подтверждает ничем не оправданную финансовую обременительность для государственной казны существования этой административной структуры, которая только мешает упорядочению отношений между переселенцами и коренными жителями края. Пользуясь случаем, автор очерка остро ставит вопрос о социально-политической опасности сосредоточения неограниченной власти в руках генерал-губернаторов в России того времени, что в частых случаях плохого знания ими истинного положения дел во вверенных им территориях оборачивается произволом чиновников и узакониванием бесправия простых людей, особенно из среды нерусского населения. В очерке находит место перечень «заслуг» некоторых генерал-губернаторов Степного края, который выглядит сжатым, но очень убедительным конспектом метафорического содержания «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, наложенным на реальные истории пребывания царских наместников у кормила абсолютной власти в казахской степи. Одного из генерал-губернаторов казахское население благодарило за ничегонеделание, любовно прозвав: «ак туйе», т. е. «белый верблюд». Верблюд у казахов, замечает Букейханов, является «…воплощением мира и покорности: «…если привязать сто верблюдов к хвосту бродячей собаки, то она их поведет в Ташкент», т. е. на край света, говорят киргизы». Здесь возникает аллюзия с образом градоначальника — майора Прыща из «Истории одного города», отказавшегося от отправления своих властных полномочий и тем самым обеспечившего глуповцам недолгий «Золотой век». «Не мешал населению заниматься своим делом — достоинство, ценнейшее на должности степного генерал-губернатора, — иронически заключает Букейханов о губернаторе — «ак туйе».

Другой генерал-губернатор Степного края предстает реализованной цитатой городничего Глупова Василиска Бородавкина, умеющего только испугать «до полусмерти», а затем «снять испуг» с подвластного. О нем Букейханов замечает, что он «грозил в конце 1905 года карательным отрядом мирнейшей Киргизской степи, не знающей умышленного убийства».

В характеристиках генерал-губернаторов И. П. Надарова и Е. О. Шмидта зловеще угадываются черты «властного идиота» и «административного василиска» Угрюм-Бурчеева. Результат деятельности первого лаконично сводится к формулировке — «все население трепещет от животного страха перед властью», о втором не менее красноречиво констатируется, что он умудрился включить в список сотен высланных в Сибирь казахов даже покойника.

В очерке «Бюрократическая утопия», написанном в защиту казахов Чангыстайской волости на Алтае, властным росчерком пера И. П. Надарова обреченным к высылке в пределы безводной Голодной степи, где они были бы не в состоянии приспособить свой уклад жизни к природному ареалу, Букейхановым дается убийственная оценка возникшей социально-политической ситуации: «как живое продолжение истории города Глупова». В связи с государственной службой военного сановника Надарова возникает в целом обобщающий вывод в очерке «Ненужное генерал-губернаторство»: «Неограниченная власть степного генерал-губернатора, чистого, как ангел, от знания края, опасна, как огонь, которым играет ребенок». Ирония, как

вид тропа, которым Букейханов владеет в совершенстве благодаря учебе у классиков русской реалистической литературы, прежде всего у Салтыкова-Щедрина, здесь переходит в сарказм, звучащий грозным предупреждением общественности относительно гибельности для судеб государства бездумного администрирования в колониальных окраинах без абсолютного учета национальных, экономических и социально-культурных факторов регионов.

Ирония у Букейханова — излюбленное средство художественной изобразительности. Но нередко характерный иронии двойной смысл у него снимается, акцент переносится на открытую негативную оценку в тексте, лексико-семантические контрасты целенаправленно дезавуируют видимую солидарность с содержанием высказываемого, возводя риторику до уровня прямого обличения опасного общественного явления. Так, в очерке «Русские поселения в глубине Степного края», доказав неизбежность обесценивания земель казахов, насильно отчужденных от рек, озер и колодцев в процессе передачи переселенцам лучших земель, Букейханов саркастически предупреждает: «Киргизский скот, при всем своем консерватизме и идентичности своего святая святых с «истиннорусскими» взглядами на разрешение аграрной проблемы, вряд ли пойдет так далеко, что откажется пить воду…». Сарказм как особо язвительная ирония виден и в другой фразе из этого очерка: «Кочевые пути через реку Нуру в такой же степени выдумка злой и порочной воли киргиз, в какой их скотоводческое хозяйство…». Также саркастична реплика в очерке «Ничьи деньги»: «Было бы странно, если бы киргизы не помогли переселенцам, для которых отобрали отцовские земли».

В очерках Букейханова часто встречается ироническое описательное выражение *«млечные реки в кисельных берегах»*, которым заменяются представления апологетов царской аграрной политики об обеспечиваемом ими переселенцам безбедном существовании в Казахстане. Иронический оборот обозначает социально опасные иллюзии, вынашиваемые сторонниками экстенсивной сельскохозяйственной колонизации новых земель, относительно лучезарных перспектив жизни новых волн русских крестьян, вытесненных на периферию империи.

Устойчивым структурным свойством канона русской литературы второй половины XIX — начала XX века, ориентированного на удовлетворение духовных и культурных запросов широких демократических кругов, было сатирическое наполнение разножанровых художественных текстов. Критическая позиция большого количества авторов литературных произведений по отношению к существующему общественному строю порождает пафос отрицания многих обветшалых форм жизни, тормозящих социальный прогресс, воплощается в обновляющихся художественных жанрах с неизменным отрицательным взглядом на государственную идеологию.

Индивидуальное мастерство реализации художественного замысла в каждом отдельно взятом произведении демократической направленности может быть совершенно неповторимым, опосредованно столбовой традицией русской литературы глубоко проникать в душу человека и одновременно давать образное представление обо всей полифонии народной жизни, однако в интегральном выражении сопричастность субъектов творчества этого литературного содружества к признанному им канону должно было найти отражение в общности принципов отбора речевых средств выразительности, схожести повествовательных стилей. Объединяющий внутри канона принцип скрытости выражения своего негативного отношения к объекту критики накладывает свой отпечаток на особенности использования тропов и фигур речи.

Букейханов виртуозно использует творческий опыт стереоскопического изображения жизни в сочетании с точным использованием риторических средств в целях сатирического освещения на первый взгляд рутинных явлений русской жизни, характерный произведениям многих русских писателей второй половины XIX века. Здесь уместно привести в пример отрывок из очерка ««Русские поселения в глубине Степного края», где Букейханов одновременно и точно передает атмосферу пессимизма, царящую в среде переселенцев, эйфорию, охватившую колониальную администрацию от «легкого» решения вопроса обустройства большой массы пришлых крестьян на новых землях, тревожную озабоченность демократически настроенной части общества политическими последствиями порочного социального эксперимента: «Зимою в 1892 году заболели цингою переселенцы поселка Таволжанского. Приезжал в поселок казенный врач и велел больным, голодным и нищим крестьянам есть лук и пить кумыс. «Киргиз запоит кумысом, только пей», — говорил почтенный доктор в футляре… Тогда неурожай был превращен в недород. Если современных коновалов аграрного вопроса в России, сулящих голодному крестьянству млечные реки в кисельных берегах Киргизского края, почтенный доктор не привлекает за плагиат, то это объясняется его верою, что цингу можно вылечить чужим кумысом, который появляется-то с начала мая, как и аграрный вопрос разрешить подачками киргизских солонцов. «Киргиз даст вам Беловодье, только идите к нему и уходите от нас», — говорят крестьянам паши и евнухи помещичьего землевладения и убирают их. Надолго ли?»

Убедительность текста достигается тем, что энергичное повествование от третьего лица, насыщенное аллюзиями, усложняется чужой прямой речью, создающей пересечение точек зрения. Возникает плотное пространство мысли, которая к тому же обретает многомерность. Здесь три речевые позиции: авторская объективно трагедийная, фарсово-лицемерная среднего русского интеллигента — прислужника царской администрации, и высокомерно-отчужденная апологетов идеи насильственного вытеснения безземельных русских крестьян в Казахстан из правого политического лагеря. Композиция текста позволяет спонтанно совмещать малые и крупные планы мыслей, объединяя в единую и долгосрочную политическую тенденцию безразличие к плачевному социальному положению переселенцев и бездушно-потребительское отношение к коренному населению Степного края рядовых русских специалистов-интеллигентов и колониальных чиновников разных уровней.

Колоритная аллюзия «доктор в футляре» отсылает нас к А. П. Чехову, который в рассказе «Человек в футляре» художественно обобщил в образе учителя Беликова целый пласт русской социальной жизни, характеризующийся усилением охранительной психологии в русской интеллигентской среде, в результате вырождения народничества, в массе обернувшейся болотом демонстративного верноподданничества, нередко с черносотенским оттенком. Авторский окказионализм «казенный врач» в контрасте с последовавшим эпитетом «почтенный доктор» для чиновничества подчеркивает абсолютную закономерность совпадения социально и политически безликого мнения интеллигента относительно практически обязанности казахов поить обнищавших на новых землях переселенцев кумысом, с уверенностью идеологов русской земельной аристократии от государства в том, что казах по определению призван обеспечить пришлых на их земли русских крестьян «Беловодьем».

Ярко выраженной формой присутствия индивидуальности автора, моделирующего свой мир этических ценностей через насыщение текста поэтической семантикой, предстает в очерках Букейханова такая стилевая фигура, как антитеза. Несовместимости и противоположности между позицией

автора и взглядами защитников классовых интересов крупных русских помещиков по отношению к одним и тем же явлениям административной практики вытеснения коренных жителей Казахстана с насиженных земель и обманного манипулирования низкими показателями продуктивности расширяющихся территорий под русские поселения, проявляются на стилевом уровне в виде содержательно значимой контрастности образной мысли.

Так, авторская оценка деятелей, фарисейски обосновывающих целесообразность опоры в аграрной колонизации Степного края на опыт освоения новых земель в Северной Америке при абсолютном неведении относительно гидрографии отводимых переселенцам пространств, облекается в форму антитезы: «Как бы вы ни кичились *культурой* с чужого плеча и собственным *варварством*, вы не увеличите ни единой слезой недостаток влаги в Киргизском крае…»

Антитеза в своих различных стилистических ипостасях замечательно представлена и в очерке «Переселенческие наделы в Акмолинской области», продолжившем тему переселения в преломлении к растущим социальным проблемам местного населения Степного края. Скупой, но живописный намек на психологический облик сановников и их чиновных приспешников, одержимых маниакальной идеей превращения степей Казахстана в сплошные сады, можно усмотреть в иронической репликеантитезе: «…и пустыню обратят в цветник». А вот в заключительной части этого очерка, в сущности, всей системой доказательств утверждающей тезис о неизбежности перехода разорившихся русских переселенцев к скотоводству в условиях казахской степи, снова появляется антитеза, указывающая на единственную спасительную для них перспективу: «если не отряхнут ног своих от этой заманчивой простором, но скудной по содержанию степи». В этом же очерке особенно обращает на себя внимание развернутая метафора, способствующая объемному представлению пестрой картины регулярных перемещений крестьян-переселенцев с выпаханных и выдохшихся земель на новые наделы: «Мы наблюдаем здесь своего рода уникум, свойственный только Киргизской степи, где земля изнашивается, как одежда, и где ее починяют и сменяют, как последнюю. Хорошо, что пока есть киргизские земли и хорошие портные...»

А. Букейханов в своих очерках на русском языке успешно реализует такую возможность газетно-журнальной публицистики, как действенное влияние на настроения и поведение аудитории и целях актуализации общественных конфликтов и проблем, требующих безотлагательного решения или долгосрочного управления ими. Публицист достиг своей цели, так как ясное изложение своей позиции неизменно подкреплял языковой организацией текста, способной затронуть глубинные струны души адресата, возбудив в нем сознательное или безотчетное желание откликнуться. В этой авторской прагматической установке опора на литературный контекст в части актуального эстетического канона, сформированного в произведениях русских писателей обличительного содержания, дает эффект мощной воздействующей силы.

Серикказы КОРАБАЙ

Памяти героя Саши-казаха — Адий Шарипова

«Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) — московская серия книг о знаменитых людях, живших и оставивших после себя память потомкам в виде культурных, литературных, научных и других ценностей. Мне импонируют

практически все книги из этой серии, с которыми ознакомился. Они весьма познавательны, информативны, прекрасно оформлены, написаны хорошим языком. В Казахстане также накоплен опыт выпуска таких серий разными издательствами.

В 2016 году в алматинском издательском доме «Қазақ университеті» Казахского Национального университета имени аль-Фараби вышли в свет сразу две книги, посвященные жизни и деятельности славного сына казахского и белорусского народов, видного государственного и общественного деятеля Казахстана, легендарного партизанского вожака, ученого, писателя Адий Шарипова. Первая книга «Адий Шарипов» издана в серии «Өнегелі өмір» («Поучительная жизнь»), наподобие московской «ЖЗЛ», осуществляемой главным вузом Казахстана в последние годы. Таких трудов данной серии довольно много: более 70 книг, но малым тиражом. Однако они являются только сборниками воспоминаний и статей о выдающихся личностях Казахстана.

В подготовке же очередного тома об Адий Шарипове почти придерживались издательской традиции московской «ЖЗЛ». Новый том, как и первый труд о знаменитом человеке, был специально написан по просьбе супруги Адий Шарипова — Клары Жагипаровны Мынжасаровой. В этом отношении Аслан Жаксылыков, известный писатель, ученый-литературовед, с честью выполнив свою миссию, представил на суд читателей первое жизнеописание известной исторической личности, свою версию его судьбы, которая и составила основную часть нового тома данной серии «Өнегелі өмір». Во вторую, небольшую часть книги под заглавием «Воин, писатель, ученый» включены воспоминания об А. Шарипове.

Многолетнее соприкосновение исследователя с деятельностью той или иной личности обязательно формирует в нем собственное прочтение как этой деятельности, так и самой жизни исторической персоны, не говоря уже об эмоциональном фоне, который такое прочтение окрашивает. Поэтому вполне оправданным выглядит название второй книги — «Сын степей и гор, Адий...», опубликованной под авторством самого Жаксылыкова, куда включены новый труд писателя с его послесловием и воспоминания главного героя. Это издание для широкого круга читателей с тиражом в тысячи экземпляров.

Содержание новой книги А. Жаксылыкова настоящей серии отвечает трем главным принципам московской ЖЗЛ — научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность. Но надо сказать, что ни по одному из этих трех принципов оригинальный труд Аслана Жаксылыкова не уступает, а в некоторых даже превосходит казахстанские издания такого плана.

Впрочем, в беспристрастности книгу ученого-писателя тоже не упрекнешь, и это отнюдь не недостаток. Это последовательный, подробный и в то же время цельный, научный и достоверный, а также занимательный и живой, изысканный труд.

В предисловии к книге читаем: «Адий Шарипов — поистине удивительный человек, который, безусловно, заслуживает увековечивания и почитания потомками, и конечно, романного повествования о нем». Здесь мы видим еще один метод: использование литературоведческого потенциала, знание произведений Шарипова помогает автору обосновать многие свои биографические гипотезы его произведениями.

Опираясь на архивные документальные первоисточники, значительная часть которых представлена читателю впервые, автор книги стремится к объективному воспроизведению исторической фактологии, атмосферы острой политической борьбы и дает беспристрастный исследовательский

анализ общественных процессов XX века. В целом документальное произведение А. Жаксылыкова способствует формированию новой, более адекватной концепции тех суровых времен насильственной коллективизации, голода, разрухи и репрессий 30—40-х годов прошлого столетия, в том числе относительно личности и деятельности А. Шарипова.

Уже с первой страницы мы входим в детальный разбор семейной проблематики, подробные изыскания в том, что касается генеалогии и родословной, которым сам Адий Шарипов уделял немного внимания. Автор в то же время корректирует некоторые поверхностные замечания в отношении тех или иных членов семьи или даже рода. Так, дана обоснованная оценка точки зрения о знатном происхождении отца Адий Шарипова, хотя понятно, что сегодня исследование родословной главного героя книги стало явью. Произведения Адий Шарипова, привлеченные в качестве рабочего материала, представляют интересные факты.

Биография династии Шариповых восстанавливается с особой тщательностью. Привлекается множество бесценных свидетельств и документов суровых 30—50-х годов прошлого века, оставивших тяжелый след в жизни А. Шарипова. Примеры можно множить и множить: и то, как совершение хаджа отцом и дедом сильно отразилось на судьбе Адий, и то, как легко можно было объявить их «врагами народа». Выявлять таких врагов в далекие 30-е годы XX века считалось даже доблестью.

Действительно главный герой — Адий Шарипов прошел трудную школу жизни, полную тяжких невзгод и счастливых удач. В двухлетнем возрасте он потерял отца, который умер в Мекке, сопровождая паломников, среди которых был дед Кайранбай. Дедушка тоже не вернулся из этой поездки — умер на обратном пути домой и похоронен в российской Пензе. Уже работая в высокой должности заместителя Председателя Верховного Совета СССР, Адий побывал в Мекке и разыскал могилу отца. Когда мальчику исполнилось 13 лет, умерла его мать. Ему пришлось стать пастухом и самому зарабатывать деньги на жизнь. Рано повзрослев, Адий понял, что главное богатство в жизни — знания. Переехав из родного села Мариновка в губернский центр — город Семей, он поступает в школу, живет то у родственников, то у знакомых. Благодаря одаренности и усидчивости, становится лучшим учеником.

Во время страшного голода начала 30-х годов XX века Адий помогает обессиленным, голодным людям. В 1934 году студенту Казахского пединститута А. Шарипову неожиданно подвернулась работа технического секретаря, которую ему предложил председатель Союза писателей Казахстана, один из классиков национальной литературы нового периода Ильяс Жансугуров. Но в 1937 году Жансугурова арестовывают, а над студентом Шариповым начинают сгущаться грозовые тучи. За день до ареста его предупреждают, и Адий уезжает в город Красноводск, в Туркмению. Начинает преподавать в училище. Добрый и отзывчивый, Адий пришелся по душе местным жителям, которые помогали ему чем могли. И когда из Алматы пришла весть, что можно возвращаться, казахи, живущие в Туркмении, собрали ему деньги на обратную дорогу.

После окончания Казахского педагогического института им. Абая учительствовал в сельской школе поселка Каскелен Алматинской области. В феврале 1940 года призван в ряды Красной Армии и отправлен к месту службы в город Белосток Западной Белоруссии, где в летнем военном лагере и застала его война, первые дни которой стали самыми страшными и тяжелыми.

Внезапность нападения, нехватка оружия и боеприпасов привели к большим потерям. Первый бой лейтенант Адий Шарипов принял рано

утром 22 июня 1941 года у приграничного поселка. Весь день длился бой, тяжелый и жестокий. Несколько раз поднимал он своих бойцов в атаку, однако силы были неравны. Через несколько дней, чтобы не попасть в окружение, А. Шарипов со своим поредевшим взводом с боями пробивается и выводит бойцов в район Брянских лесов. Здесь он организовывает один из первых партизанских отрядов, который стал наносить ощутимый ущерб немцам на территории Белоруссии, Смоленской и Орловской областей России.

И значительная часть книги «Сын степей и гор, Адий...» посвящена партизанской жизни А. Шарипова. Беларусь всегда была в сердце Шарипова, он был у истоков партизанского движения республики в годы Великой Отечественной войны, и Беларусь до сих пор помнит и чтит своего героя.

Отряд под его командованием вошел в состав 2-й Клетнянской партизанской бригады, заместителем комиссара которой стал храбрый казахский джигит. В его боевой характеристике отмечается, что «Адий Шарипов участвовал во многих боевых операциях, проводимых отрядом и бригадой, показав себя при этом исключительно смелым, находчивым и мужественным командиром». Он лично участвовал в сражениях, ходил в разведку, держал связь с подпольем, возглавлял диверсионные группы, подрывал эшелоны с танками, боеприпасами и солдатами противника. О его храбрости и мужестве в народе ходили легенды. Поэтому немцы назначили крупное вознаграждение за голову отважного партизана Сашки-казаха, как называли его партизаны.

В одной из партизанских операций он был тяжело ранен и чудом выжил. После освобождения Белоруссии А. Шарипова направляют в Казахстан, где вскоре назначают заместителем министра, затем министром просвещения Казахской ССР, заместителем Председателя Совета министров Казахской ССР и министром иностранных дел республики.

В конце 60-х годов он — первый секретарь Союза писателей Казахстана, секретарь Союза писателей СССР. В 1971 году доктора филологических наук А. Шарипова назначают директором Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахстана. Он избирается депутатом Верховного Совета Казахской ССР и Верховного Совета СССР (1966—1970 гг.), на сессии которого его избирают заместителем Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

Перу А. Шарипова принадлежат романы, повести и рассказы «Дочь партизана», «Исповедь друга», «У могилы отца», «История одного полушубка», «Дочь степей», «Лекарь» и другие. Он является автором более 350 научных и публицистических работ, составителем хрестоматии «Казахская литература» для 9—10-х классов средней школы. По мотивам повести А. Шарипова «Дочь партизана» поставлена кинокартина «Лесная баллада», которая получила премии на кинофестивалях и Ташкенте и Алматы.

В книге А. Жаксылыкова особняком стоят женщины в судьбе главного героя. Эта страница в жизни знаменитых личностей входит в число обязательных у биографов, но только у А. Жаксылыкова эта часть обрела подлинно «живую жизнь». Это полнокровный нарратив с сюжетной составляющей. Развернув полотно общественной жизни, автор вводит новые фигуры, которые сыграли важную роль в жизни и деятельности Адий Шарипова. Это и его мать Газиза, и его покойная жена, первая казашка-парашютистка Загила Куленова, и ныне здравствующая его супруга Клара Жагыпаровна Мынжасарова, усилиями которой осуществляются грандиозные мероприятия по увековечению памяти славного сына земли Жарминской.

Еще одна задача, которая возникает перед автором биографии, когда он глубоко в теме, ввести читателя не только в жизнеописание, но и в круг

литературоведческих проблем, связанных с отдельными произведениями писателя. Думается, после основной части повествования правильно введено воспоминание самого Адий Шарипова «Память» об одном эпизоде партизанской жизни, что тесно перекликается с сюжетом А. Жаксылыкова о подвиге соратника главного героя Петра Афанасьева.

Значимость и ценность книги А. Жаксылыкова в том, что чрезвычайно сложные экзистенциальные вопросы и проблемы поставлены остро, что вольно или невольно заставляет читателя думать не только и не столько о Шарипове, сколько о себе и своей собственной жизни.

И еще: было бы недостаточно только констатировать, что книга академична и научно достоверна. Важно, что книга получилась живой, читаемой, так сказать, на одном дыхании. Нам представляется, что «Сын степей и гор, Адий» — это книга нового тысячелетия. Понимаем, звучит образно, но это так, если ответственно поразмыслить. Разумеется, все воспоминания и статьи об Адий Шарипове значимы, но это первая цельная книга о нем. И в нашу эпоху появился совсем другой, неизведанный еще Адий Шарипов, поскольку автор прежде всего думал о читателе, современнике, но что важно — отнюдь не в ущерб академизму. Кстати, и дума-то его о читателе была разновекторна. С одной стороны, Аслан, вероятно, хотел, чтобы книга была динамичной, сюжетной, с другой — он постоянно сокращал объемы разрастающегося труда, чтобы этакий «кирпич» не придавил читателя. Кто нынче читает толстые книги? Но эту книгу не только, думаю, будут читать, и отнюдь не только литераторы.

Книга Аслана Жаксылыкова — добротная работа. Она, образно говоря, стоит на трех столпах. Первый из них — колоссальная эрудиция автора в вопросах истории и литературы. За его плечами — долгая карьера в сфере классической литературы, да еще и профессиональное образование. Это далеко не задиристый публицист, готовый судить о том, чего не знает совершенно, лишь бы слово его звучало остро. Аслан Жаксылыков проявляет огромную эрудицию и со знанием дела анализирует художественные творения Адий Шарипова, комментирует суть новаций, которые принесла в казахскую литературу партизанская тема ученого-писателя. Он внимательно следит за теми изменениями, которые происходили в творческом стиле Адий Шарипова, ясно и доходчиво объясняет, каково их внутреннее содержание и какую реакцию вызвали они у его современников.

Второй — превосходное знание истории родного края и глубокое понимание судьбы Адий Шарипова, так как сам автор — уроженец этих прекрасных мест. Как и знаменитый писатель-партизан, А. Жаксылыков родился и вырос у подножия Калбинских гор, в соседнем ауле Кокпектинского района Восточно-Казахстанской области.

Аслан Жаксылыков — известный ученый-литературовед, писатель, философ, академик Международной академии информатизации, доктор филологических наук, профессор Казахского Национального университета имени аль-Фараби, возглавлявший на протяжении ряда лет кафедру перевода вуза. Литературную деятельность начал в 1973 году. Известность к писателю пришла в конце восьмидесятых годов прошлого века, когда был опубликован сборник рассказов и повестей «Окно в степь» (1987). Автор историософского романа-тетралогии «Сны окаянных» и свыше двухсот научных трудов и пятнадцати художественных произведений является известным ученым, перу которого принадлежат книги «Философия всеединства и саморегуляции», «Просветление Ахмеда Яссави», «Религиозные мотивы в художественной литературе», «Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы».

В 2004 году А. Жаксылыков стал номинантом международной Букеровской премии.

Роман-тетралогия «Сны окаянных» А. Жаксылыкова частично автобиографичен, наполнен философскими суждениями о жизни. По мнению Мурата Ауэзова, это книга-прорыв, новая ступень в развитии казахской литературы. Критик-литературовед Виктор Бадиков считал ее «смелым откликом на литературные эксперименты третьего тысячелетия». Эти знания автором были применены и в его новом труде.

Наконец, третий столп — самая искренняя любовь автора книги к своему герою. Это не просто увлеченность неординарной личностью, без которой и написать по-настоящему хорошую биографическую книгу невозможно.

В итоге можно сказать: книга Аслана Жаксылыкова отличается высокой культурой суждений, пламенной одержимостью главным героем и потрясающей информационной насыщенностью. Адий Шарипов был человеком твердого характера и очень доступным, простым. Умел располагать к себе собеседника, был демократичным. Образец высоконравственного, интеллектуального, делового потенциала личности представлен на его примере в этом уникальном труде. По пальцам одной руки можно пересчитать книги, вышедшие в серии «Өнегелі өмір» за последние четыре-пять лет и сравнимые по уровню с биографией Адий Шарипова.

Прославленный писатель-партизан А. Шарипов умер 4 ноября 1993 года. Но память о нем жива. Имя его занесено в библиографический справочник «Выдающиеся люди планеты», выпускаемый Международным библиографическим Центром Кембриджского университета.

Постановлением Восточно-Казахстанского областного акимата от 18 сентября 2015 года аул Былкылдак в Жарминском районе, где родился А. Шарипов, переименован в аул Адий. В Алматы есть средняя школа и улица в центральной части города, названные именем героя-партизана. На улице Адий Шарипова установлен памятник. Его именем названа улица в Гродно. И каждый житель или гость Алматы и Гродно, проезжая по улице Адий Шарипова, непременно вспомнит легендарную личность. Издана и первая книга о нем, которая своей значимостью свидетельствует о том, что биография ученого, писателя, воина по-прежнему актуальна как историческое исследование.

Мы с особой гордостью произносим имя сына степей и гор Адий Шарипова! В Беларуси книги героя-партизана популярны до сих пор, потому что в них — суровая правда о войне. В них нет выдуманных героев.

Я горжусь тем, что мне посчастливилось работать вместе с прославленным земляком в одном институте. Люди, которые любят страну, в которой живут и сохраняют уважение к ее истории, непременно найдут и прочитают эту книгу, потому что таких людей, как Адий ага, надо помнить и высоко чтить.

Альмира КАЛИЕВА

Казахская национальная драматургия на рубеже веков

За последние годы тенденции развития казахской литературы нашли отражение во всех ее жанрах. В литературно-художественных произведениях, написанных в период независимости, глубоко переосмыслены историческое прошлое казахского народа и его современная действительность. Писателями и поэтами нашего времени тонко замечены современные нравы

и националистический дух, характерные данной эпохе. Дух национального патриотизма особенно ярко выражен в современной поэзии, разветвленной по жанровым разновидностям. В прозе наблюдается тенденциозная направленность писателей на освоение исторической тематики. Интенсивно развивается в эпоху независимости и драматургия, пополнившаяся целым рядом замечательных сценических произведений.

Жизненная правда каждой исторической эпохи отражается в литературных произведениях того времени, но уже в художественно переосмысленном виде. Несомненно, еще рано подводить итоги по становлению национальной литературы периода независимости. Бесспорным является и то, что объективную оценку современный этап развития литературы получит лишь спустя время. Поэтому в данном разделе нами предпринята попытка обобщить творческие искания казахских драматургов последнего двадцатилетия.

В драматическом жанре, по сравнению с лирикой и прозой, современная действительность воспроизводится значительно ярче и полнее, поскольку основной художественно-эстетической функцией драматургии издавна является раскрытие жизненной правды, выявление и осмысление наиболее острых проблем современности.

Изучая современный драматургический процесс в аспекте национального развития, мы заметили, что исторические события, произошедшие в конце XX столетия, и общественно-политическая ситуация, сложившаяся в стране за последние годы, создали благоприятные условия для развития данного литературного жанра. Такие позитивные понятия, как «демократия» и «гласность», «свобода слова», вошедшие в нашу жизнь с приобретением независимости, позволили нам заново переосмыслить свое историческое прошлое и современную действительность. Таким образом, в литературной жизни произошли резкие перемены, имеющие положительный характер, и художественный процесс начал развиваться в новом направлении. В связи с этим национальная драматургия пополнилась новыми произведениями, которые посвящены истории казахского народа, советскому прошлому и суверенной действительности.

В казахской драматургии особенно интенсивное развитие наблюдается в историческом жанре. Действительно, в 1990-е и 2000-е годы исторической тематике уделялось большое внимание. Об этом свидетельствуют драмы, отражающие наиболее важные моменты истории становления казахского государства. На сегодняшний день фонд национальной драматургии содержит множество сценических произведений периода независимости, в которых дана художественная переоценка истории нации. Такие драматургические произведения играют значительную роль в возвышении национального духа и патриотизма, в воспитании подрастающего поколения в XXI веке. Среди них можно выделить драмы, которые посредством изображения исторической личности Абылай хана поднимают идею национального единства и государственной целостности. Это — народный героический драматический дастан «Абылай хан» А. Кекильбаева, реквием «Завет Абылая» (широко известен под названием «Последние дни хана Абылая») М. Байсеркенова, драмы «Сабалак Абылай — Хан Абылай» С. Жунусова, «Хан Абылай» С. Сматаева, а также следующие драмы о становлении независимого казахского государства, основанные на исторических фактах: «Томирис» Шахимардена, «Чингисхан» И. Оразбая, «Султан-Бейбарс» Р. Отарбаева, «Печальная пора» («Зар-заман») С. Сматаева и «Смута» («Аласапыран») С. Жунусова. С приобретением независимости казахская литература, развивавшаяся в советский период в рамках социалистической идеологии, пополнилась рядом произведений,

посвященных отдельным историческим личностям, которых чтит память народа. По идейному содержанию и тематике этим драмам присущи высокий патриотический дух и национализм. К таким произведениям можно отнести «Домалак ана» Ш. Муртазы, «Девушка Бакей» Т. Мамесеитова, «Казахи» К. Ыскака.

Также необходимо выделить драмы, посвященные Махамбету Отемисулы, где драматурги обращают внимание на проблемы взаимоотношений исторической личности и его эпохи. В данном случае можно перечислить драмы «Пролетевшая жизнь» Н. Абуталиева, «Раненый барс» К. Мырза-Али, а также киноповесть «Судьба Махамбета» С. Жунусова.

В драматургии периода независимости наблюдается тенденция, согласно которой казахскими писателями разнообразно воспроизводится историческая правда о советском прошлом. Казахский народ многое пережил за годы советской власти. За семьдесят лет народ испытал на себе много бед. В драмах «Самопожертвование» и «Красавицы в кебенек» К. Ыскака, «Утраченная жизнь» Б. Мукая, «Письмо от пятерых» Ш. Муртазы, «Гений и тени» С. Жунусова, «Декабрьская ночь» С. Асылбекулы изображены такие явления, как сталинские репрессии, унижение личности, унижении нации. Некоторые из них и по сей день успешно проходят в национальных театрах страны.

В рамках исторической темы также следует уделить внимание трагедиям «Вечное дитя» Р. Мукановой и «Конец света» Б. Мукая (написан совместно с О. Сулейменовым), в которых отражены страдания казахского народа, причиненные ядерным полигоном. В произведениях, тесно взаимосвязанных единой тематикой и сходством идейного содержания, изображаются реальные исторические события второй половины XX столетия. Если сюжет «Конца света» охватывает события 1953—1983 годов, то трагедия «Вечное дитя» раскрывает перед нами горькую истину о том, что последствия ядерного полигона стали для народа трагедией века.

Исторические драмы, написанные в период независимости, не только обогатили национальную драматургию идейно-тематическим разнообразием, но и восполнили белые пятна в историческом развитии нации.

Изображение творческой личности знаменитых представителей казахской культуры является одной из основных тем современной драматургии. Подразумеваемые поэтические, лирические драмы посвящены жизни и творчеству таких известных людей, как Абай Кунанбайулы, Жамбыл Жабаев, Мукагали Макатаев, Шамши Калдаяков.

В последние годы на сценах всех регионов республики ставятся драмы, посвященные творческой биографии великого поэта Абая. Такой живой интерес к творчеству поэта мотивируется глубоким значением его наследия в нравственном воспитании подрастающего поколения. Сценические постановки «Абай», «Абай десем…», «Таинственная личность» Р. Сейтметова и Б. Атабаева, а также трагедия «Абай» А. Мамбетова, вновь написанная на основе пьесы М. Ауэзова и Л. Соболева, свидетельствуют о значительной роли поэта в культурном наследии казахского народа.

Драматическое исследование «Муза» А. Тарази является сложным произведением и по сюжетному, и по композиционному строю, так как автор в тесном переплетении повествует о судьбах современников Абая и Мукагали. Авторские раздумья об искусстве и творческой личности имеют глубокий философско-эстетический смысл. Образ выдающегося поэта XX века М. Макатаева представлен также в «Музе» Р. Мукановой и «Мукагали» С. Тургынбекова.

Лирическая драма, написанная в стиле мюзикла, «Цыганская серенада» И. Сапарбая в 2000-е годы стала одним из любимых сценических произве-

дений казахских зрителей. Драма тонко изучает бесконечные противоречия во взаимоотношениях судьбы таланта и его окружения. К исследованию природы таланта, творческой лаборатории личности, конфликтов, возникающих между ним и обществом, обращается и Д. Исабеков в своей драме «Сети дьявола» («Булгаков»).

Тяжелые судьбы талантов — актеров и писателей, творческий процесс, наделенный некой мистической таинственностью, психология личности получили яркое отражение в пьесах «Актриса» Д. Исабекова, «Невзгоды» Б. Мукая, «Красавица и художник» Т. Ахметжана. Названные сценические произведения являются значительным вкладом в освоение темы искусства в отечественной драматургии.

В драматургии периода независимости особое место занимают пьесы о современности. В 1991—2011 годы в связи с общественно-политическими и экономическими изменениями в стране происходила переоценка прежних жизненных ориентиров, духовных и материальных ценностей. Новая эпоха создала новые типы людей, отличающихся друг от друга мировоззренческими взглядами. Самые неожиданные повороты на политической арене, исторические, общественно-экономические явления, повлиявшие на социально-психологическую ситуацию в среде, подтолкнули драматургов к изучению острых проблем современной действительности. В результате был написан целый ряд социальных драм, где затрагиваются самые разные вопросы быта казахского народа в условиях рыночных отношений. В драмах «Преступник» С. Жунусова, «Люди под шатром», «Кошачье царство» Р. Мукановой, «Ночная бабочка» А. Акпанбетулы, «На стыке веков» К. Ахметова путем глубокого художественного анализа причин возникновения в обществе таких явлений, как массовая безработица, отсутствие жилья, аморальное поведение граждан, рост преступности, раскрывается правда о современной жизни. А в следующем ряде пьес перед нами предстают личности, более богатые в духовном плане. Действующие лица пьес «Транзитный пассажир» Д. Исабекова, «Нас было трое» Т. Абдикова, «Не теряя надежды» Н. Келимбетова, «Интервью» С. Касымбек дискутируют на темы: жизнь и борьба за нее, благородство и насилие, любовь и ненависть. Ценность данных произведении заключается в их художественном своеобразии и идейном содержаний, которые указывают на высокий интеллектуальный уровень.

Драма должна отвечать современным условиям, диктуемым театром. От этого зависит «продолжительность жизни» драмы на сцене. Безумный темп современности, повседневные тяготы и глобальные проблемы общечеловеческого характера (всемирный экономический кризис, катастрофическое состояние экологии и т. д.) иногда пробуждает в сознании людей желание забыться в мире грез. Этим обусловлен интерес зрителя к лирическим драмам. Все же лирические драмы, написанные благодаря неустанным творческим исканиям отдельных драматургов, являются неотъемлемой частью лучших творений казахской драматургии. «Осенний романс», «Вечер в “Империи”» С. Асылбекулы, «Век, прожитый без любви», «Призрак тоски» С. Балгабаева, «Голубое такси» С. Сматаева, «Прощение в старом доме» Т. Нурмагамбетова, «Балкон» Е. Аманшаева — яркие доказательства того, что жанр семейной мелодрамы в последние годы художественно разносторонне развивается.

Без юмористических произведений, в которых изображаются смешные натуры жизнерадостных, открытых людей, и сама театральная сцена, и жизнь были бы просто скучными, однообразными. «Ходжа Насреддин жив!..», «Одна свадьба на пятерых холостяков» Т. Нурмагамбетова, «Шумный дом», «После тоя» Б. Мукая, «Дуние-думан» А. Акпанбетулы, «Продажа ослов» Ш. Муртазы наглядно представляют современный процесс развития жанров комедии и трагикомедии.

Бесспорно, что драматургия в первую очередь должна выполнять свою художественную функцию, которая заключается в способствовании интеллектуальному развитию зрителей. Итак, главная миссия драматического произведения, представленного на сцене, — «сеять доброе, вечное, мудрое». В этом плане большое значение имеют познавательные пьесы для юных зрителей. Сегодняшний театр юных зрителей нуждается в драматических произведениях высокого духовного уровня, которые указывают верный путь в будущее, оберегают молодое поколение от опасных явлений жизни и от негативных влияний общества, призывают к любви и уважению, знанию родного языка, истории и культуры своего народа. Пьесы, посвященные молодежной тематике, «В каждом доме свой баловень» С. Жунусова, «Любящие сердца» Т. Ахметжана, «Новелла о наркомане» Р. Отарбаева, «Долгожданная любовь» С. Касымбека были написаны в целях удовлетворения подобных духовно-эстетических требований современного общества.

Следует по справедливости оценить художественное значение произведений, написанных до девяностых годов XX столетия, которые не только не исчерпали свою актуальность, но и с каждым днем становятся востребованными, избранными творениями. Благодаря высокой художественности они продолжают жить на сцене и в наши дни. Ставшие любимыми спектаклями, «Енлик-Кебек», «Абай», «Карагоз», «Красавица в трауре», «Байбише-токал», «Хан Кене», «Лихая година», «Дос-Бедел Дос» М. Ауэзова, «Ботагоз», «Светлая любовь» С. Муканова, «Исатай-Махамбет» И. Жансугурова — поистине вечные классические творения, которые составляют золотой фонд национальной драматургии. «Грехопадение Шолпан» М. Жумабаева, «Любовные муки» и «Акбилек» Ж. Аймаутова обогатили казахскую драму идейно-тематической разнообразностью, оригинальным сюжетным строем и проблематичностью художественных мотивов. Благодаря своеобразным творческим экспериментам, художественным исканиям современных драматургов и театральных режиссеров, персонажи данных прозаических произведений предстали перед зрителями национальных театров (речь идет о «художественном анализе» А. Тарази под названием «Грех» и режиссерской постановке А. Ашимова «Акбилек»).

Драмы, рассмотренные в данной статье, отражают художественно-эстетическое развитие национальной драматургии за годы независимости. Каждая из них представляет собой многогранный и противоречивый мир, через который можно созерцать нашу жизненную среду. Художественно отображая исторические события и современную действительность, драматургия наряду с другими жанрами всесторонне участвует в литературном процессе. В данном случае необходимо выделить имена известных драматургов А. Тарази, Д. Исабекова, С. Жунусова, Ш. Муртазы, Б. Мукая, Т. Нурмагамбетова, И. Оразбая, С. Балгабаева, Р. Мукановой, И. Сапарбая, Р. Отарбаева, Е. Аманшаева, Д. Рамазана и других, плодотворно занимающихся сегодня творческой деятельностью в области драматургии.

Кадиша НУРГАЛИ

Новая реальность художественного текста

Прозаик, эссеист, философ, кинодраматург… Дидар Амантай пишет на казахском и русском языках. Пишет прозу, эссе, миниатюры, стихотворения.

В эссе «Ретроспектива по Камю и Достоевскому» заметно его увлечение философскими вопросами бытия: «Бывает, когда усомнишься в

правильности выбранного пути, не хочется читать, тем более писать. К тебе приходит абсурд, жизнь становится бессмысленной, написанная проза кажется далекой, чужой, и ты, как тот художник, теряешься. Такие дни будут напоминать тебе чистые, ненаписанные полотна того художника. Ты молча, без чувств будешь собирать такие дни твоей жизни, на которых ничего не написано, ни печали, ни благоговения. Кроме одиночества среди равнодушных людей. Тогда захочется иметь красоту, которая тебя спасет».

Многие называют Д. Амантая постмодернистом. Постмодернизм применительно к истории ввел в научный оборот Жан Франсуа Лиотар. Постмодерн рассматривается как «состояние современной культуры, включающее в себя предпостнеклассическую философскую парадигму, допостмодернистское искусство, а также массовую культуру. Таким образом, постмодернизм был первым и последним направлением XX века, которое открыто призналось в том, что текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее, даже много реальностей, часто вовсе не зависимых друг от друга».

В Париже, Анкаре и Улан-Баторе на французском, турецком и монгольском языках издана книга Д. Амантая «На вершинах Каркаралы». Д. Амантая критики и литературоведы называют мастером современного художественного слова.

Предисловие к французскому изданию написал Олжас Сулейменов, оказавший немалое содействие в публикации книги «На вершинах Каркаралы» Д. Амантая в Париже. Перевод с казахского языка на французский успешно осуществил Айткали Бахытов, редактором выступил французский переводчик. Известный литературовед и искусствовед Франции Альбер Фишлер дал переводу высокую оценку.

В издание на турецком языке вошли роман Д. Амантая «Цветы и книги» и рассказ «Внук аксакала Толеутая». Перевел произведения казахского прозаика на турецкий язык известный чокаевед и тюрколог Абдуакап Кара.

На монгольский язык роман «Цветы и книги», а также подборку рассказов разных лет перевели Жазгуль Жумабай и Напил Базылхан.

Книга Д. Амантая, лауреата Государственной молодежной премии Республики «Дарын» — первая из пяти томов. Автор продолжает творческую работу и планирует выпустить по одной книге в течение ближайших четырех-пяти лет.

Увидят свет произведения Д. Амантая и на китайском языке. В г. Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района готовится к выпуску сборник его произведений, в который войдут роман «Цветы и книги», «Томление» и 37 избранных рассказов разных лет. На китайский язык прозу Д. Амантая переводит известная переводчица Кайша Табариккызы. Ранее в китайском популярном журнале «Киян» («Tian Ya») опубликованы три рассказа Д. Амантая.

Книга «На вершинах Каркаралы» переводится на русский, немецкий, испанский, арабский, английский, персидский (фарси) и корейский языки. Такое внимание к произведениям казахского автора объясняется его способностью создавать оригинальную атмосферу бытия. Нарратив в прозе отражает специфику современного состояния общества.

Г. Бельгер пытался определить специфику его таланта, внимательно перечитывая произведения: «Кто-то им умеренно восхищается (особенно молодежь), кто-то отвергает его на корню (большей частью — старшее поколение). Первые говорят: лаконичен, философичен, не увлекается описаниями и банальной литературщиной, современен, лишь пунктирно обозначает мысль, позволяя читателю додумывать, домысливать, соразмыш-

лять, сочувствовать, не рассусоливает, динамичен, сплошь ассоциативен, технологичен, владеет модной формой изображения. Чтение его — труд. А не забава, не кайф.

Вторые утверждают: сух, рационален, нет художественности, жесткий язык, рубленая фраза, много инородных вкраплений, весь усложнен, с выкрутасами, намеками, подтекстами, реминисценциями, будто ребусы-кроссворды отгадываешь, странный, изломанный, манерный.

«Да ну его!» — отмахиваются одни.

«Нет, что-то в нем есть», — настаивают другие.

Полагаю: и те, и другие в определенной степени правы».

Д. Амантай напоминал Г. Бельгеру его «уникального, неповторимого во всем покойного друга Аскара Сулейменова. Его тоже нередко упрекали в нарочитом оригинальничании, не понимая его сложной психофизической организации духа, его своеобразного мировидения».

Исследователь из Франции А. Фишлер подмечает, что Д. Амантай пишет «иногда очень сжато, чаще деликатно. Амантай в различных стилях, включая форму религиозных стихов, задается вопросами общего смысла литературы «Как сказать?» более, чем умением сказать. И это с постоянной озадаченностью: «Как быть оригинальным?», потому что автор обеспокоен потерей, по его мнению, внутренних основ тюркской культуры, которая так дорога его сердцу и от которой отдалились, как думает автор. Он обеспокоен потерей Бога Тенгри — Верховного Божества степного мира, где природа является верховным правителем и которая сегодня теряет свою магическую и загадочную ауру».

В романе Д. Амантая «Цветы и книги» ищет смысл бытия, философский стержень жизни неуемная душа писателя Алишера (*эго* автора). Читатель увлечен этими же поисками, пытаясь ответить вслед за героем на вопрос: «В чем смысл жизни?»

Автор не дает четких ответов на поставленные вопросы. Читатель, по его мнению, должен соразмышлять, додумывать самостоятельно. Один Алишер не может написать летопись Тенгри. Но он верит, что она будет написана.

В романе, по мнению Г. Бельгера, цветы и книги противопоставлены друг другу. Цветы — «символ свободы и одиночества. Книги развивают чувство мысли. Они — символ духовности и преодоления хаоса».

Глубокая, насыщенная философскими параллелями и сравнениями проза Д. Амантая в чем-то перекликается со светлым и лиричным повествованием Г. Богдаева «Несказанное, синее, нежное».

Оба прозаика воспевают степь, степной мир и красоту пейзажей, изменчивость жизни, «потому что в нашей физической Вселенной нет ничего вечного. Ни по логике вещей, ни по жизненным законам. Надо просто жить нормально и достойно на этом белом свете — и все».

Жить, замечая степную красоту и очарование лугов, где танцуют одуванчики с нежными фиалками, темно-синие колокольчики, гирлянды сиреневых цветов. В удивительной рапсодии «слышится и дуновение ветерка, и слаженный треск кузнечиков, стремительный полет шмелей, диких пчел, однозвучное комариное попискивание и гортанный вороний возглас».

Есенинские мотивы пронизывают элегичное повествование Г. Богдаева, где «дорога воспоминаний уходит вдаль. А Родина светла. Светла от берез и песен, васильковых ручьев и соловьиных зорь, желанной любви и нежности нашей, негасимой во веки веков».

Степь воспевали в своих произведениях известные мастера художественного слова XX века — Павел Васильев, Антон Сорокин, Сакен Сейфуллин, Ильяс Жансугуров и многие другие. Продолжают поэтизировать степь, степные просторы и современные авторы Казахстана.

Алимжан **ТИЛИВАЛДИ-ХАМРАЕВ**

Суфийские мотивы в поэзии Ташполата Наматова (Икрамий)

В советское время на периферии метареалистической тенденции развивалось творчество Ташполата Наматова (псевдоним — Икрамий, Довольный), приобретшего наибольшую известность в уйгурской поэзии благодаря классическим ритмам. Поэт родился в городе Чилпанзе СУАР КНР и переехал со своей семьей в Казахстан, город Жаркент в 1954 году. В 1964 году закончил филологический факультет Ташкентского государственного университета (Узбекистан). Общественное признание получил в Узбекистане, где был принят в Союз писателей. Однако большинство произведений поэта издается в Казахстане и посвящается простым труженикам и детям, достижениям нашей страны, ее прекрасной степной природе и т. д.

Вершиной творческих устремлений Т. Наматова стала поэтическая антология «Закавәт зияси», состоящая из 14 книг, опубликованных в Алматы. Его книга «Рубаят бостани» написана в форме классических четверостиший, а «Ғәзәлият бостани» представляет сборник газелей.

Суфийские мотивы в уйгурской поэзии на современном этапе так же неоднородны, как и в предыдущей классической традиции. За ними могли скрываться личности как крайних эмоциональных взглядов, так и прогрессивного склада ума. Нами отмечено, что суфийские стихи уйгурских поэтов были глубоко таинственными и скрытными, а большие суфийские произведения (дастаны, мукамы и т. п.) представляли собой зашифрованные поэтические трактаты.

С этой точки зрения таинственность суфийской символики поэта Икрамий оправдана как исторически, так и поэтически. Поэт пишет так, чтобы читатели могли понять глубину его мыслей, пусть даже самую гедонику, принять чувственность как аллегорию, как высокую сущность «Илах», воплощенную в поэтику эзотерической сущности. Личный нарратор в классических формах поэзии традиционно одержим любовью и желает погибнуть в огненной лаве любви, создавая уйгурско-сказочный колоритный образ.

Пожалуй, одним из лучших газелей в творчестве Т. Наматова является «Бармекин» («Есть ли…»).

Такой страдальческой душе лекарство в мире есть ли?
Есть ли другой на чужбине, рассудок теряя, вконец одичавший?

Так же, как я, без гроша и без дома живущий есть ли,
Бессонные ночи в думах своих проводящий?

Нет близких, возлюбленной нет, разделить свою участь,
Кругом лишь страдальцы, в мир печали, как я, погруженные.

Тоской по родине терзаясь, страдая и мучась,
Вижу во сне лишь картины ее, в сердце моем сохранные.

Чужой на чужбине, судьбу свою горько клянущий,
По разрушенным мечтам слезы и кровь проливаю.

Есть ли другие, такие же все муки несущие,
Есть ли предавшие меня среди них, я не знаю.

Есть ли такие, как я, что рабы на чужбине,
За кусок хлеба в могиле живущих поныне…

Икрамий, ты отвергнут, вскормленный молоком матери.
Поэтому ты не видишь сладости жизни.
Есть ли еще такой, потерявший голову, как я.

Известный критик Виктор Шкловский рассуждал: «Великий поэт рождается из противоречий своего времени. Он предварен неравенством вещей, сдвигом их, течением их изменения…»

Вся суфийская лирика Т. Наматова такова. Любовная символика лишь прикрытие чего-то очень важного, современного, часто тревожного.

Классическая лирика Икрамий глубоко обусловлена спиритуализмом, верой в духовное начало бытия. И поэтому личный нарратор часто передает тонкую веру в романтико-мистическое, не укладывающееся в традиционные рамки мировосприятия. Например, в стихотворении «Ялған әмәс» он, следуя заветам Ахмета Яссави, порицает реальность:

Эй, Икрамий, будь осторожен, мир, по сути, жесток.
В этом жестоком мире не жил до конца счастливо никто.

В газели «Не спорь и не борись» поэт, используя восточный рефрен «радиф», усиливает эту же тональность:

Не цепляйся за этот мир, где все преходяще.
Так как можешь в нем заблудиться всегда.
Ведь жизнь коротка, так что живи настоящим,
Сколько б вершин ни достиг, все уйдет навсегда.

Икрамий считает, что уйгурское общество нуждается в обновленной нравственной вере, ему следует возобновить утраченный советским поколением духовный поиск. Тут необходимо отметить и традиционный назидательный вывод поэта о том, что духовный поиск неизменно связан с отрешением от мирских дел. Однако мы считаем, что гораздо интереснее не тенденциозная мораль в произведениях Икрамий, а осмысление значения сегодняшних реалий. Отсутствие веры, по мнению поэта, в современном обществе ведет к хаосу и жестоким изменениям. Философско-эстетическую суть онтологического классицизма Икрамий можно свести к следующему: в человеческой жизни существует высокий, но потаенный смысл, который нужно постоянно постигать, а не искать и обустраивать собственное место под солнцем.

В творчестве Икрамий, как и у других поэтов, синтезируются лирические газели, философские рубаи, касыды и другие формы классической восточной поэзии. Суфийская символика переплетается с фольклорными притчами, баснями, поучениями, в целом — раздумьями о жизни. В этом смысле поток — глубина духовного поиска в классической уйгурской поэзии идет из эпохи караханидов, в частности, от дискретного характера традиционных рационалистических и эзотерических идей в произведениях Юсуфа Хас хаджиба Баласагунского. Икрамий отдает себе полный отчет в том, что в суфийской уйгурской лирике больше говорят о мудрости и прозорливости поэтов, поэтическая символическая мысль которых часто граничит с ясновидением и предсказаниями. Поэт Нурахмат Ахматов не скрывает своего удивления. Он восхищается трудолюбием Икрамий, его философскими стихами, детской поэзией, считая его самым интересным поэтом современности.

Вся классическая поэзия Икрамий, как в целом и уйгурская, проникнута верой в бессмертный творческий разум человека. Основная часть лири-

ческих произведений Икрамий глубоко обусловлена поисками мудрости и счастья личного нарратора для всего земного и неземного. Поэт стремится в мир мудрецов, совершенный и чудесный. Он отличается от мира подлецов тем, что не только созидает, пополняя книгу «заветов» великих уйгурских поэтов, но и пророчески раскрывает тайну социально-культурных знаков времени и законы Вселенной. С возрастом поэт становится мудрее. Если раньше он писал обо всем, то сейчас ограничивает себя традиционными жанрами и неизменно продолжает свой путь в лирике.

Айнур **МАШАКОВА**

Современная шотландская драматургия

В Шотландии современная драматургия представлена творчеством Дэвида Грейга, Дэвида Харроуэра, Элизабет Энн Лохэд, Николы МакКартни, Дэвида Лэдди и многих других. Ведущее место среди них занимает писатель и театральный режиссер Д. Грейг. Он является представителем поколения талантливых писателей, сделавших шотландскую сценическую драматургию одной из самых захватывающих в мире. Его пьесы с успехом проходят в «National Theatre of Scotland», «Royal Court» и «Royal Shakespeare Company».

Д. Грейг родился в Эдинбурге. Большую часть своего детства провел в северной Нигерии, где его отец работал в строительной компании. Семья жила там до 1980 года и вернулась в Шотландию, когда Грейгу было 11 лет. Тема родины — о корнях происхождения, национальной идентичности — часто освещается в его творчестве. Дэвид изучал драматургию в Бристольском университете. Там он с другими студентами создал небольшой театральный коллектив «Suspect Culture».

К основным особенностям драматургии Д. Грейга относится его стремление найти связь между персонажами, несмотря на огромные личные, социальные, культурные и политические расстояния между ними; он рассматривает международные и глобальные связи, представленные посредством путешествий, традиций других культур. При этом большое значение уделяется воображению.

Первая пьеса Д. Грейга поставлена в Глазго в 1992 году, и с тех пор он написал много пьес, которые ставятся на мировых сценах. Как пишет «The Daily Telegraph»: «Дэвид Грейг — один из самых интересных и успешных драматургов своего поколения». Д. Грейг — автор более 30 пьес, либретто, киносценариев, занимается переводом и адаптацией произведений для театра. Ежегодно в среднем пять его пьес ставятся в театрах Шотландии и Великобритании.

Наиболее известные пьесы Д. Грейга — «Дунсинан», «Летнее солнцестояние», «Странный исход Пруденсии Харт». Они являются самыми популярными постановками Национального театра Шотландии. Многие произведения получили награды: «Дамаск», «Отдаленные острова», «Американский летчик», «Пиренеи», «Последнее сообщение космонавта…», «Архитектор» и «Европа». К адаптациям относятся «Кредиторы», «Тинтин в Тибете», «Когда соловей перестал петь», «Калигула» и «Питер Пэн». Пишет и пьесы для детей и молодежи: «Монстр в зале», «Желтая луна», «Гоббо» и «Пример доктора Коржака». В 2015 году Д. Грейг назначен художественным руководителем театра «Lyceum». Председатель правления театра Шонейг Макферсон в интервью газете «The Scotsman» отметил: «У нас было много претендентов на должность, но Дэвид оказался самой

идеальной кандидатурой, с учетом его самоотверженного отношения к театру и видения его успешного будущего. Будучи значимой фигурой в шотландской драматургии, Дэвид осуществил постановки своих пьес в разных театрах по всей Великобритании и Шотландии, в том числе и на Эдинбургском международном фестивале».

В исторической пьесе «Дунсинан» (сиквеле к трагедии Шекспира) действие происходит после поражения Макбета в XI веке в Шотландии. Автор показывает то, что будет дальше. Сможет ли Малкольм (сын шотландского короля Дункана) в коалиции с англичанами подчинить своей воле шотландских бунтарей? Вдова Макбета не умерла, а выжила, чтобы бороться дальше. Интересным фактом является постановка пьесы «Дунсинан» в 2014 году в Москве в рамках Международного театрального фестиваля имени Чехова.

Главные герои пьесы «Европа» — иностранцы, ищущие убежища в неизвестном провинциальном пограничном городке, что ведет к неоднозначной реакции местных жителей. Хотя Грейг шутливо предположил, что он назвал бы пьесу «Шотландия» и что неизвестное место вполне могло бы быть Мазервеллом, в «Европе» меньше внимания уделяется местному, а больше — тому, что местное означает в контексте глобализации. Подобные темы рассматриваются автором в пьесах «Плач», «Местные», «Аэропорт», действие в них происходит в неизвестных местах, транзитных или приграничных участках.

У драматурга, родившегося в Эдинбурге и выросшего в Нигерии, шотландца, которого постоянно спрашивают, откуда он родом, вопросы глобализации и интернационализации занимают ведущее место в творчестве. Он не выделяет национальное за счет глобального, скорее он рассматривает сложные и часто противоречивые эффекты, которые они оказывают друг на друга. В «Отдаленных островах» действие происходит на изолированном шотландском острове в конце 1930-х годов и касается двух кембриджских орнитологов, англичанина и шотландца, занимающихся составлением каталога местных колоний птиц.

В пьесе «Сан-Диего» события разворачиваются в более чем 20 различных местах, как говорится в аннотации: «Это серия связанных и разобщенных историй, которые простираются по всему земному шару и сливаются в одно единое повествование». Сосредоточив внимание на разнообразных движениях и траекториях разных людей (летчики, знаменитости, нелегальные иммигранты), «Сан-Диего» является одновременно рассказом об объединяющей Америке, а также об американизации как варианте глобализации. Эти темы Грейг исследует далее в «Американском пилоте», пьесе об американском самолете-шпионе, который разбился в отдаленной стране, и как местные жители реагируют на обнаружение потерпевшего пилота. В «Дамаске» Грейг фокусируется на городе, известном как одно из старейших поселений в мире, не как месте застоя, а как месте транзита и трансформации.

В ежедневной британской газете «The Telegraph» можно прочитать следующий отзыв на творчество Д. Грейга: «Среди современных драматургов, которые изучают коллизии и проблемы, вызванные глобализацией, немногие делают это так глубоко и утонченно, как Грейг». В пьесе «Европа» есть такая строчка: «Мы чувствуем себя дома только тогда, когда мы вдали от дома». «И я чувствую себя так же», — говорит Грейг. «Часть меня чувствует себя наиболее комфортно в гостиничном номере. Поезд до Лондона, вероятно, мое единственное любимое место в мире. Но другая часть меня живет здесь, в Северном Куинсферри. Я не хочу никуда уезжать».

И действительно, Д. Грейг живет в Шотландии, хотя мог бы при его популярности жить и работать в Лондоне.

Д. Харроуэр — автор пьес «Ножи в курицах», «Убей стариков, пытай молодых», «Кокон», «Культурный слой», «Черный дрозд». Им подготовлено и несколько адаптаций мировой классики, выполненных для театральных постановок («Войцек», «Иванов», «Мария Стюарт», «Шесть персонажей в поисках автора» и др.). Пьеса «Государственный инспектор» — современная версия известного произведения Н. Гоголя.

Пьеса «Ножи в курицах», поставленная в эдинбургском «Traverse Theatre», отмечена Премией Оливье за «Лучшую новую пьесу». Она ставилась на Бродвее и в театрах Сиднея. Пьеса опубликована в русском переводе в «Антологии современной британской драматургии» (М., 2008, 768 с.). Премьера спектакля в переводе О. Рюминой с успехом прошла в 2008 году в Москве в театре-студии «Человек». Герои пьесы — обитатели затерянной во времени и пространстве деревушки: пахарь Вильям, его молодая жена и мельник Гилберт, речь идет о любовном треугольнике.

Пьеса «Черный дрозд» в постановке Петера Штайна стала одним из важных событий Эдинбургского фестиваля 2005 года.

Э. Э. Лохэд занимается драматургией для театра и радио, ее пьесы активно ставят театры Англии и Шотландии. Благодаря театру и своей работе на радио она стала чрезвычайно популярным поэтом. Как драматург известна блистательными адаптациями классических пьес и исторических сюжетов из эпохи Античности и Возрождения. К примеру, комедия «Прекрасные дни», поставленная в 1998 году в «Traverse Theatre», в том же году стала хитом Эдинбургского фестиваля и была признана самой яркой постановкой этого театра. В 1999 году состоялась постановка этой пьесы в «Hampstead Theatre» в Лондоне. За пьесу «Медея» драматургу была вручена самая престижная литературная премия Шотландии — Ежегодная премия книжного общества Андреевского креста.

«Красавица и чудовище» — рождественский спектакль, поставленный в 2001 году в «Tron Theatre» в Глазго. Премьера «Misery Guts» прошла в 2002 году в «King's Theatre» Эдинбурга. «The Sunday Times» писала о спектакле: «Блестяще, смело и непередаваемо смешно». «Фиванцы» — современная адаптация истории Эдипа, Иокасты и Антигоны (премьера 2003 года). «Хорошие вещи» — романтическая комедия, премьера которой состоялась в «Tron Theatre» в 2004 году. По мнению издания «Herald», это «потрясающий хит для всех поколений». «Образование Агнесс» — адаптация комедии Мольера «Школа жен», премьера состоялась в 2008 году в «Citizens Theatre» города Глазго. В Великобритании «Прекрасные дни» признаны одной из самых лучших пьес о кризисе среднего возраста.

В 2004 году основана «Студия драматургов Шотландии» («Playwrights' Studio Scotland»). Ее деятельность посвящена долгосрочной поддержке, развитию и популяризации шотландских драматургов. На сайте организации можно познакомиться с творческой деятельностью профессиональных драматургов и режиссеров, последними новостями и событиями.

Тесно связана со «Студией драматургов Шотландии» драматург и сценарист Никола МакКартни. Она обладает уникальным опытом работы вне театра. За плечами Николы участие в сотнях социальных проектов. В 2004 году она была первым шотландским драматургом, познакомившим российских коллег с технологией Class Act. Методики, которыми владеет Н. МакКартни, помогли множеству людей в социальной реабилитации и вернули их для общества не только в Шотландии, но и по всему миру. В настоящее время Н. МакКартни — профессор драматургии Эдинбургского университета, а до этого около десяти лет она была художественным

руководителем современного театра «Lookout» в Глазго. Кроме того, она работает на радио и телевидении, сотрудничает с Национальным театром Шотландии, театрами «Треверс», «Эдинбург» и «Эбби» в Дублине. Пьесы «Наследие», «Спасательная шлюпка», «Легко» пользуются популярностью у шотландских любителей театра. Н. МакКартни — лауреат премии «Творческая Шотландия» за пьесу «Ледяной Ангел».

В 2005 году за пьесу «Чудо» она получила литературную стипендию «Sac». Пьеса основана на реальной истории одного уикенда в жизни молодого Альберта Эйнштейна. В интервью корреспонденту журнала «The List» Алану Рэдклиффу автор объясняет, что послужило вдохновением для этой пьесы: «В течение многих лет я интересовалась реальными кумирами, размышляла, кем они были прежде, как стали теми, кем стали. В пьесе «Чудо» я рассказываю об Эйнштейне и его жене Эльзе, действие происходит в 1919 году. Прежде чем написать пьесу, я проводила много исследований». На вопрос «Существуют ли трудности при написании пьес?» Н. МакКартни ответила: «Я всегда берусь за слишком много дел и везде полностью стараюсь выложиться по максимуму. Когда пишу, я должна забыть о том, что драматург, хотя это очень трудно сделать. Несмотря на то, что я почти 20 лет занимаюсь этим делом, всегда хочу, чтобы все было в совершенстве с первого раза. Как драматург, я знаю, что зачастую эти «несовершенные» места сценария делают его интересным».

В базе данных «Студии драматургов Шотландии» размещена информация о писателе и режиссере Д. Лэдди из Глазго. Он является художественным руководителем театральной труппы «Fire Exit». Его пьесы были показаны по всему миру от Бостона до Буэнос-Айреса, от Сан-Паулу до Сантьяго, Милана и острова Малл. Награды Д. Лэдди включают «Fringe Award» Эдинбургского международного фестиваля, «Herald Angel Awards», приз Общества критиков Сан-Диего.

В спектаклях он стремится сочетать интеллектуальную стимуляцию исполнительского искусства, динамизм новых цифровых технологий с эмоциональным драйвом драматического текста пьесы. Последние спектакли включают в себя «Sub Rosa» — готический променад в закулисном лабиринте Викторианского театра; «Шум», где зрители окунаются в ботанический сад и слушают в наушниках; «Белый чай», где действие происходит внутри огромной бумажной коробки, а публика надевает белые бумажные кимоно и потягивает японский чай, в то время как актеры играют вокруг них. В «Истории любви без названия» зрители принимают участие в групповой медитации на тему любви и искусства, и в то же время наблюдают за четырьмя переплетающимися историями, разворачивающимися на шелковистой водной глади ночной Венеции.

Театральная деятельность и творчество Д. Лэдди получили высокую оценку на страницах европейских изданий: «Творчество Д. Лэдди является убедительным, поскольку он способен прикоснуться к публике на эмоциональном уровне, в то же время призывая к глубоким культурным размышлениям на самые разнообразные темы и проблемы» («The Sunday Times»). Его называют «восходящей звездой шотландского театра» («Observer»), «гением» («Scotsman»), «успешным, ведущим молодым драматургом Шотландии» («The List»), «театральным новатором» («The Times»).

В развитии драматургии и популяризации пьес шотландских драматургов большую роль играет проведение ежегодного международного Эдинбургского фестиваля искусств, который отличается разнообразием представленных на нем видов искусства (танцы, музыка, театр, цирк и т. д.). Фестиваль в столице Шотландии — событие международное и многожанровое — встреча драматического и музыкального театров, оперы и

балета. Он занесен в Книгу рекордов Гиннесса как крупнейший фестиваль искусств на планете: около 30 тысяч самых разных событий происходит там каждый год. А для шотландских драматургов участие в фестивале предоставляет возможность показать свое творчество, познакомиться и обменяться опытом с коллегами со всего мира.

Айнур **КАЛИАСКАРОВА**

Иран и Казахстан: современное литературное сотрудничество

Литературный процесс Ирана основывается на следовании лучшим образцам классики и включает стремление к новизне и оригинальности в творчестве современных поэтов и писателей. Истоки мастерства современных прозаиков Ирана заключаются в восприятии традиций западноевропейской прозы, их творческой переработке и в использовании тех эстетических возможностей, которые характерны для персидской классической литературы.

«Духовность, шедевры творчества традиционно высоко ценимы народом этой страны», — пишет М. М. Ауэзов в книге «Времен связующая нить». Народы Центральной Азии и Ирана связаны тысячелетиями плодотворного взаимодействия. «Иран и Туран, — читаем далее, — это своего рода бинарная оппозиция, как правая и левая рука. Это — единая историко-культурная целостность». Впечатления от поездки в Иран по приглашению директора Иранского Национального архива и библиотеки, советника Президента ИРИ М. Хатами по вопросам развития культуры и духовности доктора Мохаммада Казема Мусави Божнурди оформились в статью М. О. Ауэзова «Иран», которая привлекает внимание интересным материалом, верными и точными наблюдениями: «Ислам в Иране «настоян» на зороастризме и суфизме. Любовь к истине и мудрость — основа иранского ислама». Духовность, шедевры творчества традиционно высоко ценимы народом этой страны.

Современные казахско-иранские литературные контакты продолжают развиваться и укрепляться.

В апреле 2016 года Казахским национальным университетом им. аль-Фараби совместно с университетом Шахид Бехешти (Исламская Республика Иран) проведена II Международная научно-теоретическая конференция «Казахстан и Иран: в поиске духовной и культурной интеграции». Ученые двух стран в формате диалоговой площадки всесторонне обсуждали широкий круг проблем по истории, современному состоянию и перспективам взаимодействия Казахстана и Ирана в социально-политических и гуманитарных сферах с целью возрождения разнообразных связей между нашими государствами, а также развития многогранных отношений, в основе которых лежит прочный исторический фундамент, общность культурных и духовных ценностей. Материалы конференции изданы отдельным сборником «Казахстан и Иран: в поиске духовной и культурной интеграции».

В современной иранской литературе меняется традиционная система литературных жанров, появляются новеллы и роман в их европейском понимании». По мнению Д. Х. Дорри, автора монографии «Персидская литература XX века», прослеживается переход сатиры из разряда «низких» жанров в один из ведущих. Одной из главных тенденций литературы Ирана исследователь называет «необычайное расширение языкового своеобразия прозы», чему способствовали активная переводческая деятельность иран-

ских писателей, широкое обращение к региональной и профессиональной лексике, местным диалектам, появление «провинциальной» и других тематических новаций. Логическим продолжением этого процесса явилось и расширение жанрового диапазона прозы. Увеличивается удельный вес аллегорической и мифологической прозы, писатели активно разрабатывают тематику исторического романа, на «литературную сцену под влиянием западноевропейской, американской и латиноамериканской литератур выходят такие явления, как модернизм, авангардизм, мистический реализм». Продолжаются поиски новых, наиболее адекватных времени средств художественного выражения.

Своеобразна пространственно-временная концепция поэзии глубокого мыслителя Сохраба Сепехри, следовавшего принципам французского символизма и «черного» романтизма, характерными чертами творчества которого являются, по мнению М. Яхьяпур, необыкновенная сила искренности и непосредственности в выражении чувств, напряженность истиннонравственных поисков. Мотив детства выступает ведущим в лирике. Герой стихотворения укрывается от мира «в зеленом саду одиночества», обретая «друга», который есть «недостижимое божество» поэта в уединении.

Из окна
Гляжу на закат, догорающий за стеною
детства.
Напрасно было. Было напрасно.
Над дверями в зеленый сад обрушивалась
эта стена.
И под обломками пропали
Цепь игр золотая и сказок светлое окно.
Тень моя там видна:
На глиняной крыше стою я
С грустным лицом.
И взор мой устремлен на дымку заката.

Время детства приближает лирического героя к внепространственно-временной необъятности:

Под колыбельную
Распускаются цветки белой акации:
Вечность на ветвях.

Поэт любит путешествовать и погружается в «абстрактное» путешествие, созданное его воображением. Стихотворение С. Сепехри «Путешественник» включает исторические образы и историко-географические названия — Месопотамия, озеро Толл, Вавилон, Бенарес, Иеремия, Греция, Венеция, Тадж-Махал, Ирак, Палестина и другие, которые служат «хранителями памяти». По философской концепции С. Сепехри, смерть — конец земной жизни и начало вечности. В то же время современные литературоведы Тегерана отсылают к анализу хронотопа дороги в поэзии С. Сепехри, проведенному критиком Д. Ашури: «Высокая его цель — оставить свой след на одолеваемом пути, олицетворяющем единую дорогу — историю целого народа, где сливаются тени предков со своими потомками»:

Я все еще в странствии.
Чудится мне,
По мировым водам лодка плывет,
И я — пассажир лодки — уже тысячи лет
Живую песню мореплавания
старинного… пою.

Природа у поэта выступает символом вечности и бесконечности, а его «художественный мир раскрывается через ассоциации с жизнью природы. Именно отсюда стремление к всеобщей гармонии, к единству всего сущего на земле».

Развиваются казахско-иранские контакты в области литературоведения и литературной критики. Широко известны научные исследования Шафии Кадкани по теории стиха, посвященные классической и современной поэзии, которые активно применяются в учебном процессе в университетах Ирана. Он редактор-составитель сборников произведений великих поэтов прошлого и автор вступительных статей к ним. Произведения и научные работы Реза Барахани переведены на иностранные языки. Он — обладатель ряда национальных и международных наград в области литературы и журналистики.

Один из первых членов Союза писателей Ирана, поэт, переводчик и литературный критик Мохаммад Али Сепанлу является одним из основателей и редактором издаваемого Союзом писателей литературного журнала. Хорошо известен на Западе, лауреат французской литературной премии имени Макса Жакоба, награжден орденом Почетного легиона. Во многом благодаря Сепанлу в мире познакомились с современной иранской литературой. Он — частый гость литературных конгрессов, проводимых в Европе и США. Принадлежащий перу Сепанлу труд «Первые писатели Ирана» — собрание произведений иранских прозаиков и драматургов XX века с развернутым анализом каждого, критическими заметками и статьями — является учебным пособием на филологических факультетах многих ВУЗов Ирана. Автор многих сборников стихов, в том числе «В изгнании на Родине», «Прогулки на лодках по Тегерану» и др. Произведения Мохаммада Али Сепанлу переведены на английский, немецкий, французский, нидерландский, шведский и арабский языки.

Знаковым событием в области иранско-российско-казахских литературных связей стало создание в сентябре 2016 года Ассоциации иранистов Евразии. Проект ее Устава рассмотрен на проходившей в Российском государственном гуманитарном университете международной конференции «Иранистика в Евразии: прошлое, настоящее, будущее» и принят за основу на заключительном заседании 23 сентября 2016 года. Правление Ассоциации иранистов Евразии возглавил Павел Лурье — заведующий сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург. Его заместителем избран доктор Сафар Абдулло, профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, главный редактор журнала «Иран-наме», г. Алматы. Секретарем Ассоциации стала Лана Раванди-Фадаи, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Москва).

Светлана АНАНЬЕВА

Литературная современность и проблемы психологизма

Современный литературный процесс независимого Казахстана всесторонне и глубоко, на большом текстологическом материале исследовал в монографиях и учебных пособиях академик Академии им. Ч. Айтматова, лауреат премии им. Ч. Валиханова, доктор филологических наук, профессор Бахытжан Майтанов. Его книги «Образ современника в казахской

прозе» (1982), «Критерии мастерства» (1983), «Духовный мир героя» (1987), «Описание и художественный портрет» (1991), «Мухтар Ауэзов — художник» (1996), «Казахский роман и психологический анализ» (1996), «Поэтика Магжана Жумабаева» (2001), «Критика слова» (2002), «Автор в повествовательной системе казахского романа» (2003), «Абай» (2004), «Психологизм в художественной литературе» (2004), «Поэтика портрета» (2006), «Структура монолога» (2006), «М. Ауэзов и тенденции развития казахской литературы» (2009), «Художественная семантика пейзажа» (2010) вносят значительный вклад в современное литературоведение и критику Казахстана.

Известный казахский литературовед обогатил науку о литературе методикой анализа художественного текста на примере тщательного и убедительного рассмотрения особенностей художественной структуры казахского романа, раскрытия образа автора и его поэтики, психологизма и драматизма повествования. Б. Майтанов прослеживал общность романов в аспекте выявления образа автора — повествователя, автора — героя произведения и автора — рассказчика. Ученый-литературовед разделяет точку зрения М. Бахтина на то, что повествователь и автор — не одно и то же лицо. «В поэтике произведения эти понятия не тождественны. Повествователем может стать и автор, и герой, и просто рассказчик». Прямая авторская речь «в лирико-эмоциональном плане раскрывает новые повествовательные возможности и благодаря этому выступает как доминирующий критерий идейно-структурной организации произведения, что наиболее очевидно проявляется в казахском историческом романе». В романах С. Сейфуллина «Тернистый путь» и С. Муканова «Ботагоз» существование объективного авторского образа выступает стойким художественно-эстетическим принципом.

Художественный опыт великих мастеров слова «поистине стал неисчерпаемым источником для размышлений нескольких поколений исследователей. Литературное движение привело к закономерному освоению глубоких, разносторонних способов изображения действительности, раскрывая наиболее общие традиции и духовно-нравственную эволюцию различных народов благодаря пристальному, неторопливому анализу их в рамках определенной социальной среды», — убедительно пишет Б. Майтанов. Нарратив, повествование ученый-литературовед рассматривал как специфическую форму дискурса, порождаемого культурой. Сюжет произведения, «несмотря на свою объемность по структуре и содержанию, может стать объектом разнообразного изучения в прагматическом аспекте. В особенности на основе изучения сравнительно-сопоставительного характера».

Доказательно и поэтапно подводит ученый к выводу о том, что роман С. Муканова «Ботагоз» не только построен в эпических традициях национальной казахской прозы, но и сыграл решающую роль в сближении казахской литературы с мировой и русской классической литературой, способствовал углублению психологизма современной казахской прозы, расширив в определенной мере границы ее поэтики, стиля.

Книги и исследования Б. Майтанова становятся глубже и привлекательней, когда их автор обращается к проблемам психологизма и драматизма повествования. Расширяется объект исследования — произведения З. Шашкина «Токаш Бокин», Х. Есенжанова «Яик — светлая река», трилогия А. Нурпеисова «Кровь и пот», роман «Гудок в степи» М. Каратаева, романы и повести С. Сейфуллина, С. Муканова, А. Нурпеисова, А. Нурманова и другие. Раскрывает Б. Майтанов и недочеты произведений: элементы фрагментарности, излишнюю лапидарность в описании сложных

жизненных моментов, приводящие порой к отрицательным последствиям в общей повествовательной канве произведения З. Шашкина «Токаш Бокин».

В то время как российские исследователи все реже включают произведения историко-революционного и исторического жанра в научный оборот, казахское литературоведение более бережно относится к своей истории и к произведениям, в которых освещается ход исторического процесса. Читаем у Б. Майтанова: «События народно-освободительного движения и февральской, октябрьской революций XX века являются для нас не фоном идеологических умозрений, а лишь состоявшимся фактом, который не может отрицать наука». Своеобразие трилогии А. Нурпеисова «Кровь и пот» Б. Майтанов видит в том, что автор, решительным образом не влияя на логическое развитие характеров персонажей, в самые сложные и наиболее важные психологические моменты дает тонкие оценки-комментарии разным жизненным явлениям. Трилогию А. Нурпеисова отличает «диалектика объективной индивидуальной манеры писателя, национальный колорит его стилевых изобретений, ориентированных на опыт предшествующих идейно-эстетических традиций».

Включая в круг исследуемых произведений «Орлы гибнут в вышине» М. Джумагулова, «Красную стрелу» Ш. Муртазаева, «Акбельский перевал» З. Акишева, «Айкыз» К. Исабаева, ученый-литературовед раскрывает отличительные особенности психологизма. Таким образом, в казахском романе автор «не только дает оценку происходящим событиям, т. е. не только выступает в роли повествователя, но и является зорким, тонким исследователем многочисленных сложных явлений эпохи и человека в их социально-этических, рефлекторно-характерологических ипостасях, в аспекте философски глубокого, нравственно-возвышенного психологизма».

Проблема психологизма в аспекте функционирования предметно-изобразительной системы художественного произведения на материале казахского романа всесторонне анализируется в книге Б. Майтанова «Психологизм в художественной литературе». Структура художественного текста является главным источником психологического анализа. Формы и приемы изображения внутреннего мира персонажа в свете поэтики повествовательных компонентов выявляются на основе изучения казахского романа XX века. Учебное пособие написано в русле современных литературоведческих тенденций. Автор обращает свой взор к исследованию проблемы автора и нарративной системы романа, портрету как составной части психологической характеристики героя и восприятию пейзажа как одной из форм психологического анализа. Анализирует и подтверждает конкретными примерами экспрессивно-семантические функции диалога в раскрытии характера, подробно обобщая теорию диалога, его этнопсихологическое значение и сферу эмоционального воздействия. Внутренний монолог исследован в пятой главе книги в следующих ракурсах: монолог и романтика души, самоанализ героя как фактор действия, экстравертность чувств и раздумий.

Книга имеет большое значение для исследователей национальных литератур Казахстана, так как на ее страницах разносторонне освещаются проблемы автора и героя, пейзажных описаний, художественно-эстетические составляющие психологического портрета (эмоционально-экспрессивные функции диалога, суггестивно-интуитивные, логические и иррациональные свойства внутреннего монолога). Б. Майтанов особо подчеркивает положительное влияние на мастеров слова Казахстана классиков национальной литературы М. Ауэзова, М. Жумабаева, Ж. Аймауытова,

Б. Майлина, Г. Мустафина. В лучших произведениях казахской литературы XX века органично воплощены плодотворные традиции русской классической и современной литератур с учетом опыта казахской прозы, преобладание модернистской и постмодернистской направленности. В романах последних лет «эпическое повествование наполняется элементами драматизма, лиризма. Обращение к искусству пластического изображения, к процессам интериоризации и экстериоризации ввиду их огромной роли в соотношении характера и обстоятельства вызвано тем, что в художественном произведении должны правдиво освещаться жизненно-мироощущенческие позиции, духовно-интеллектуальное своеобразие героя, хотя психологический анализ не всегда является доминантой».

В романах последних лет, приходит к выводу автор книги, «эпическое повествование наполняется элементами драматизма, лиризма». Психологизм во многих случаях «выступает одним из главных критериев мастерства писателей. Психологический анализ действенно обогащает содержание и форму казахского романа, реалистически воспроизводит динамику развития и совершенствования духовного мира людей, правду социального космоса в единстве противоречий… Традиционные формы изобразительности, соединяясь с новыми способами художественного мышления, предопределяют многообразие казахского романа, вносящего в совокупный опыт всемирной литературы присущие лишь ему особенности эстетического восприятия и осмысления мира».

Выступления Б. Майтанова на международных симпозиумах и конференциях, на заседаниях Ученого и Диссертационного советов характеризовали доброжелательность, тактичность, умение выделить главное, охватить материал разом и наметить тенденции дальнейшего развития. Подлинным казахским интеллигентом, круг научных интересов которого необычайно широк, называли его ученые Казахстана.

Б. Майтанов — постоянный рецензент коллективных и индивидуальных монографий сотрудников нашего отдела. Некоторые из его отзывов уже опубликованы в прессе. О других мы помним. Все свои тексты он передавал нам в электронном варианте, словно завещание и добрую память о себе.

Наиболее объемным и интересным в коллективной монографии «Новейшая зарубежная литература» (рецензентом которой выступили доктора филологических наук, профессора Б. Майтанов и А. Исмакова) является раздел Шериаздана Рустемовича Елеукенова о современной киргизской литературе, большая часть которого посвящена великому Чингизу Айтматову, — отмечал Б. Майтанов, выступая на Ученом совете, рекомендуя обсуждаемую книгу к изданию. Сборник включает русскую литературу, история которой, как говорят авторы раздела — Бейбут Мамраев и Лариса Демченко, насчитывает более десяти столетий. В разделе освещены не только произведения таких именитых писателей, как Андрей Битов, Василий Аксенов, Эдуард Лимонов, Татьяна Толстая, Людмила Петрушевская, но и произведения молодого поколения постмодернистов. В связи с последними событиями в этой стране наибольшего интереса заслуживает раздел Светланы Ананьевой о современной украинской литературе. По словам автора, русская литература, созданная украинцами на территории Украины, может стать составным элементом «родной» украинской литературы, что приведет к расширению понятия «украинская литература».

Не только интересным, но и познавательным не столько с литературной, сколько с культурной стороны считаю раздел Айнур Машаковой о современной испанской литературе, где рассмотрены романы военной тематики со свойственным им экзистенциальным, социально-историче-

ским фоном. С жанровой стороны очень подробно и полно написан раздел Ливии Которча и Богдана Крецу о современной румынской литературе. В книге представлены разделы о современных литературах Франции и Англии. Надо отдать должное авторам этих разделов за проведенный глубокий анализ через философские воззрения и самокритику. С большим интересом читаются разделы о современной литературе Словакии, Болгарии, Азербайджана и Молдовы. Если говорить о египетской литературе как таковой, то, к сожалению, она мало известна в Казахстане, и поэтому, я думаю, раздел о современной египетской литературе (автор — Айдос Бисенкулов) станет достойным продолжением статьи Г. Надировой о современной арабской литературе в предыдущей книге отдела — «Очерки зарубежной литературы рубежа XX—XXI веков».

Более двух лет продолжалась наша работа над проектом «Литературная классика. Лучшие творения казахской литературы». Мы готовили книгу к изданию совместно с преподавателями КазНУ им. аль-Фараби. В «Предисловии» Б. Майтанов раскрывает творческую лабораторию, обобщает проделанное, группирует, систематизирует факты литературной жизни. Книга увидела свет. И очень востребована. Она адресована самому широкому кругу читателей, так как «весьма дорогие для читателя коренной национальности творения неизвестны иноязычной аудитории. Лучшие произведения казахской литературы полностью не переведены на русский язык». Остаются неизвестными «художественные вещи, в которых наиболее достоверно изображены исторические этапы становления народа как этнопсихологический феномен, его мечты и чаяния, духовная культура… Значительная часть работы отводилась осуществлению адекватного перевода, редактированию отдельных текстов».

Особо значим вклад Б. Майтанова в подготовку к изданию и издание нового 50-томного академического полного собрания сочинений М. О. Ауэзова. Думаю, об этом напишут его ученики и последователи. И у каждого будет свой Майтанов, ибо есть «Мой Ауэзов» у академика З. К. Кабдолова.

Как одно из последних завещаний мастера художественного слова и искусного литературоведа и критика звучит обращение на Ученом совете Института подготовить раздел о современной русскоязычной литературе Казахстана для завершаемой коллективной монографии отдела казахской литературы периода независимости. Так появился раздел автора этих строк «Русскоязычная казахская литература» (в переводе на казахский язык доктора филологических наук Нурдаулета Акыша) в книге «Казахская литература XXI века».

Бережно храню отзыв Б. Майтанова о своей монографии «Русская литература Казахстана». «В книге С. Ананьевой сквозной нитью проходит мысль о том, что русская литература Казахстана является частью общего литературного процесса страны. Автор подчеркивает ее отличие от русской литературы других стран, в то же время верно отмечая ее причастность по многим параметрам к социокультурным реалиям Казахстана.

Своеобразие русской литературы Казахстана обобщено на обширном материале Казахстанской Пушкинианы в начальных главах «Авторский элемент в структуре текста» и «Современная Пушкиниана: Гипотезы и открытия». Исследователь, опираясь на классификацию жанров М. Бахтина, особое значение придает произведениям документально-биографического характера. В первой главе в центре внимания находятся книги-исследования Николая Раевского «Если заговорят портреты» и «Портреты заговорили», которые внесли огромный вклад во всемирную Пушкиниану. С. Ананьева выделяет точность анализа, ответственность выводов Н. Ра-

евского как индивидуально-стилевое качество писателя, что не отрицало присутствие авторских начал в тексте произведений.

Говоря о культурном концепте «память» в современной прозе, автор монографии акцентирует внимание на таком художественно-подсознательном явлении, как органичное сопряжение прошлых времен с современной действительностью, что является критерием оценки понятия нравственность».

Внимательно слушал Б. Майтанов на одной из научных конференций Института доклад «Современная литература Казахстана в литературной критике» о двух ярких личностях в нашей литературе — Николае Ровенском и Владимире Бадикове, общекультурном и философском подходах к теоретическим и историческим проблемам. В «Предуведомлении для читателя», открывающем сборник «Новые ветры», В. Бадиков напоминает о том, что «писатель и читатель должны помнить друг о друге, им порознь нельзя. А критик — их посредник, может быть некий лоцман для проводки новых произведений к читателю или читателя к ним. На критике лежит нелегкая ответственность — указать на «литературный факт» нашего времени, на литературные явления, заслуживающие серьезного внимания. Вторая сторона ответственности — разоблачать псевдолитературу».

Принципиальность и одухотворенность в служении литературе, бескорыстная и высокая любовь к ней — вот в чем притягательность книг Н. Ровенского, В. Бадикова, Б. Майтанова. Они были глубоко уверены в том, что «профессиональная критика не существует без опоры на серьезное академическое литературоведение. Надо основательно понимать художественную природу словесного искусства, чтобы судить о качестве и актуальности новой литературы». Разнообразное и богатое критическое и литературоведческое наследие ушедших от нас литературоведов и критиков перечитывается заново и вводится в научный оборот. Их работы отличали точность и объективность оценок, умение высвечивать самое главное, важное, ценное и направлять творческую энергию мастеров художественного слова на создание подлинно народных образов.

«Литературная современность — это уходящее сегодня. У нас на глазах оно становится следствием завтрашнего дня. Не будем останавливать литературные мгновения, чтобы не отстать от истории, но сохраним их в нашей культурной памяти как предзнаменования будущего — ветры перемен». Этот завет преждевременно ушедших из жизни больших ученых и ярких личностей обращен к коллегам и ученикам, которым продолжать начатое, опираясь на традиции и достигнутое.

Алесь МАРТИНОВИЧ

Выбор

Свое 80-летие отмечает известный писатель и общественный деятель Николай Чергинец, жизнь которого сама по себе большая книга. Вниманию читателей предлагаем отдельные ее страницы.

Не успел Чергинец вернуться из Афганистана, как его вызвал к себе Министр внутренних дел СССР Бакатин. И сам он, и его заместители к Николаю Ивановичу относились с большим уважением. Ведь именно благодаря его высокому профессионализму, проявленному в Афганистане, очень поднялся авторитет советской милиции. Конечно, Бакатину хотелось, чтобы люди, подобные Чергинцу, были востребованы. Поэтому он и предложил ему должность министра МВД БССР. Но Николай Иванович, хорошо знавший тогдашнего министра Пискарева, кроме того, считавший Виктора Алексеевича своим учителем, возразил, что принятие такого решения станет большой ошибкой, поскольку Пискареву еще рано идти в отставку. Именно Пискарев с его опытом работы, хорошим знанием обстановки в республике, убеждал Николай Иванович Бакатина, остается наиболее подходящей фигурой на этой ответственной должности. Тогда Бакатин, согласившись с его аргументами, сказал:

— В таком случае, у меня есть для вас еще несколько предложений.

— Какие? — заинтересовался Чергинец.

— Да на любой выбор, — улыбаясь, ответил Бакатин. — Как там у поэта: «Все работы хороши, выбирай на вкус»? Было бы неплохо, если бы Вы согласились, скажем, на Юг.

— Что я там буду делать?

— Можем Вас назначить министром внутренних дел в любой из азиатских республик.

— Так уж и любой? — засомневался Николай Иванович.

— А что тут удивительного? Там как раз проводим замену руководства в министерствах внутренних дел.

«Еще этого мне не хватало», — подумалось Чергинцу.

Бакатин, видимо, угадал его мысли:

— Если это предложение не нравится, можете стать начальником Главного административного управления Министерства внутренних дел СССР.

Николай Иванович задумался: «Кажется, нет такой структуры в этом ведомстве».

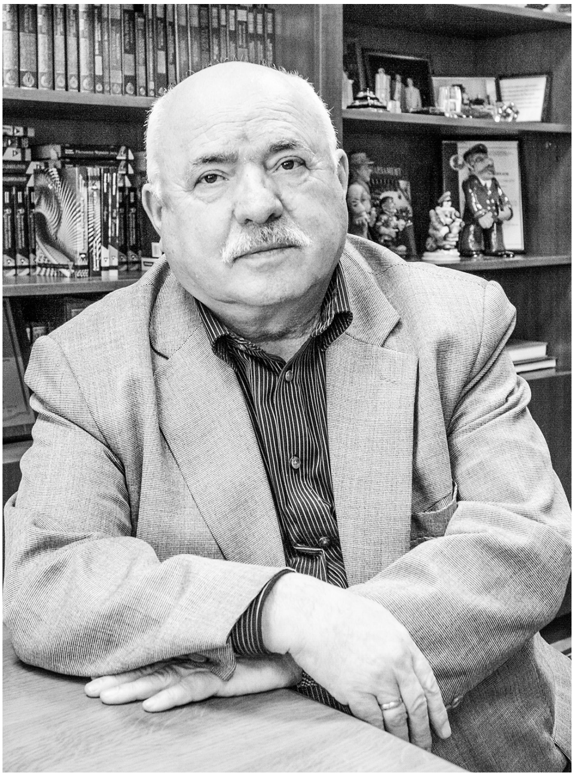
— Мы вводим такую должность, — между тем уточнил Бакатин. — Она генерал-лейтенантская, так что Вам подойдет.

Не успел он ничего ответить, а министр продолжал:

— А как Вы относитесь к тому, чтобы возглавить ОБХСС?

— Считаете, что на все эти должности я подхожу? — Чергинцу, по правде говоря, было лестно такое высокое доверие.

Пропустив этот вопрос мимо ушей, Бакатин сделал еще одно предложение:



— Есть и такой вариант: временно работаете первым заместителем начальника уголовного розыска МВД СССР, а потом, обещаю Вам, станете моим первым заместителем.

Тут-то он уже не сомневался, что перед такой заманчивой перспективой Николай Иванович не устоит. Поэтому посмотрел на него, как показалось Чергинцу, победно. И ошибся.

Кто в отставку, кто на должность

Николай Иванович, поскольку и на такое предложение не соглашался, в этот момент обдумывал, как бы ответить более корректно, чтобы не обидеть Бакатина.

— Предложения дельные, в самом деле, как говорится, на любой вкус, — заметил он. — Но поверьте, от чистого сердца это, однако мне хотелось бы все-таки работать в Беларуси.

— Почему же тогда не хотите быть министром МВД?! — в голосе Бакатина, хотя он и старался сдержать себя, проскользнуло недовольство.

Чергинец сделал вид, что ничего не заметил:

— А если подыскать в Минске для меня какую-либо другую должность? — он вопросительно посмотрел на Бакатина.

— Эх, Николай Иванович, Николай Иванович, — внезапно засмеялся тот. — Так и быть. Только из уважения к Вам. Как Вы смотрите насчет того, чтобы стать начальником Белорусского управления внутренних дел на транспорте?

— Но начальник-то Матвеенко!

— Увы, бывший.

Анатолия Семеновича Чергинец знал хорошо. Им приходилось немало работать вместе, когда случалось разматывать клубок сложных дел. И вот получается, что он помимо своей воли подсиживает Матвеенко. Появилось опасение, что Бакатин еще не принял решение об увольнении Анатолия Семеновича и судьба его может резко измениться только в том случае, если он, Чергинец, согласится занять эту должность. Если же и на этот раз ответит отрицательно, Матвеенко, скорее всего, некоторое время сможет работать на своей должности. Подсиживать кого-либо ему не хотелось, а тем более такого человека.

— Подумаю, — ответил он на это предложение Бакатина, решив тем самым иметь в запасе хотя бы немного времени, чтобы услышать из уст самого Матвеенко, как обстоит дело. Поэтому, придя в гостиницу, первое, что сделал, связался с Минском. Когда в трубке прозвучал голос Анатолия Семеновича, после взаимного приветствия поинтересовался, как тот живет-поживает. Конечно, к главному вопросу пока не переходил. Но его сразу же затронул сам Матвеенко:

— Вот — ухожу. Хочу поработать в Академии МВД. Одного хотелось бы, чтобы место мое занял достойный человек.

— Так это, выходит, правда? — вырвалось у Николая Ивановича.

— Ты уже в курсе? Так почему не сказал?

— Не успел…

— Правда, — подтвердил Матвеенко. — Все вопросы уже решены. А кто тебе все же об этом сообщил?

Чергинец не стал играть в кошки-мышки:

— Я-то из Москвы звоню. Бакатин предлагает мне эту должность.

— Предлагает? Соглашайся, не тяни. Мне приятно будет, что мое дело продолжит такой человек, как ты.

— В таком случае, завтра скажу Бакатину о своем согласии.

Так и возглавил Чергинец Белорусское управление внутренних дел на транспорте, тем самым начав отсчет новых страниц в своей и так уже богатой биографии.

С ходу за дело

Ситуация на вверенном Николаю Ивановичу участке к тому времени сложилась непростая. Это касалось и дисциплины, эффективности работы. БУВДТ обслуживало транспортные артерии не только Беларуси, но и Калининграда, его территория протянулась до Вильнюса, Чернигова, Смоленска, Брянска… Николай Иванович прекрасно понимал: чтобы требовать от сотрудников отдачи, надо решать и вопросы социально-бытового характера, ибо от должного благоустройства быта во многом зависит и отношение людей к работе. А здесь и было где развернуться.

Многие сотрудники милиции, работающие на транспорте, нуждались в жилье. Существовала и проблема с устройством на работу их жен. Не менее остро стоял вопрос и с местами для их малолетних детей в садиках — их в дошкольных учреждениях, относящихся к этому ведомству, катастрофически не хватало. Да и квартирных телефонов для мобильности и оперативности было мало. К тому же строительство нового здания для Управления, несмотря на все прилагаемые усилия, так и не было завершено.

Благо генерал Чергинец нашел понимание у председателя Совета Министров БССР Вячеслава Кебича. Вячеслав Францевич с пониманием отнесся и к тому, что нужно улучшить обеспечение сотрудников квартирами. А ведь без такой высокой поддержки и проблему, возникшую здесь, также было решить непросто. Сначала планировалось построить отдельный дом, в который могли бы вселиться нуждающиеся из аппарата Управления и его минского отделения. Однако Николай Иванович был убежден, что куда лучше жилье выделять в разных домах, ибо так легче пройдет психологическая разгрузка. Ведь усталость дает о себе знать не только в силу трудности работы, а и тогда, когда на ней и после нее видишь одни и те же лица.

Не все, однако, к этому отнеслись с пониманием. Без поддержки Кебича эта проблема вряд ли была бы решена достаточно быстро. Причем не только в Минске, но и в других регионах страны. Улучшилось и обеспечение детей дошкольными заведениями. Женам многих сотрудников оказали помощь в трудоустройстве. После этого на повестку дня и встал вопрос повышения качества и эффективности работы. Чтобы узнать ситуацию на местах, Чергинец объехал все области. Побывал и на Украине, ибо часть железных дорог этой республики была подчинена Белорусскому управлению. Наведался в Калининград — в ведении Управления находился отдел внутренних дел воздушного транспорта этого города. Имел встречи в Литве, Смоленской и Брянской областях — опять-таки и здесь находилась, если можно так сказать, его «вотчина».

Начал уделять все большее внимание борьбе с преступностью. Наболевшие проблемы обсуждал не в узком кругу своих заместителей, а также руководителей на местах, а выходил, как говорится, в народ. Во время встреч на местах

вел с людьми доверительный разговор, давая им понять, что в конечном итоге все зависит от них самих. Любил рассуждать таким образом: «Пойму тех, кто пытался раскрыть какое-либо преступление, но не сумел: что ж, надо повышать свой профессиональный уровень. Не догнал преступника, конечно же, плохо, но выход есть: следует больше заниматься физкультурой, спортом, чтобы всегда находиться в нужной форме. Но никогда не потерпим неуважительного отношения к людям, не простим хамства, всячески будут пресекаться любые попытки получить деньги за оказание помощи человеку, оказавшемуся в беде». Что его слова никогда не расходятся с делом, вскоре воочию убедились работники транспортной милиции Брестчины. Именно в этом областном центре проходила выездная коллегия Управления.

Виновен — отвечай

Как раз начинался вывод советских войск из Германии. Первыми на Родину возвращались жены офицеров и прапорщиков с детьми. Конечно, брестский вокзал не был рассчитан на наплыв такого большого количества пассажиров. Внутрь здания было не пробиться. А там — настоящее столпотворение. У касс — длиннющие очереди. Отдохнуть негде. Сотни людей разместились на полу. Дети от духоты плачут. Матери, поняв безвыходность положения, пробуют пробиться к начальнику вокзала. Однако и он, и военный комендант и так делают все возможное. Некоторые считают, что в такой критической ситуации вся надежда только на сотрудников милиции. Она и неплохо помогала, поскольку в ее органах работало много честных, чутких и отзывчивых людей.

Однако недаром говорят: в семье не без урода. Нашлись и те, кто из сложившейся ситуации постарались получить для себя хоть какую-то выгоду. У одной из женщин, например, за оказание помощи в приобретении билетов постовые, дежурившие на перроне вокзала, потребовали 150 марок. С другой, у которой возникла подобная проблема, поступили еще более «по-джентльменски»: нет баксов — расплачивайся «натурой». Были уверены, что в такой толкотне все сойдет с рук.

Однако женщины оказались не из тех, кто поплачет в платочек и обо всем забудет. Как это ни трудно далось (нашлись желающие покрыть товарищей по работе), но после их письменных заявлений фамилии негодяев установили. В результате на столе Чергинца лежали два заявления и справка из кадрового аппарата УВД, что указанные факты подтвердились. Он был вправе решить все один, приняв безотлагательные меры. Но решил, что будет больше пользы, если эти случаи разобрать принародно.

На выездную коллегию Управления в Бресте были приглашены прокурор области, начальники областных управлений внутренних дел и КГБ. Само собой разумеется, собрались работники транспортной милиции, не занятые в это время на работе. А поскольку Брест — город пограничный, разговор коснулся и поездок в Польшу. Желающих рассуждать на эту тему нашлось немало.

Надо пояснить: то время — 1989—90-й годы — было тяжелым. Разрушающаяся экономика, потребность в промтоварах, продовольствии у населения были велики, а тут еще и безработица. Но зарплату в МВД надо платить исправно.

«Ну и работнички! — с горечью выслушивал Николай Иванович «откровения» некоторых сотрудников. — О какой службе может идти разговор, если человек только и думает о том, чтобы больше выручить от поездок в Польшу. А если и намотается, то и работает тяп-ляп. А то норовит еще и «навар» на службе иметь». Таких оказалось немало. Ничего удивительного, если со временем кто-нибудь и из этих «торгашей» попросит плату за услугу. И не только деньгами. А может быть, уже и получал. Между тем, продолжал слушать «исповеди», сводившиеся к одному: поехал, купил, продал, заработал, снова — поехал, купил,

продал, заработал. Только один человек из шести выступивших повел разговор в ином плане.

— А мне кажется, — сказал он, — вовсе не для этого надо ездить в Польшу. Можно, конечно, и кое-что купить себе, но чтобы торговлей заниматься?! Не лучше ли хорошо отдохнуть? Особенно, если не один, а с женой, детьми. В Варшаве мы побывали уже, и в Кракове, и в Катовице. В театрах были, музеи посещали. Отдохнешь хорошо, так и работается лучше.

Увидев, что больше желающих выступать по этому вопросу нет, Николай Иванович перешел к главному, рассказав о письмах обиженных женщин. Сразу же сообщил, что указанные факты подтвердились.

— А теперь, — заявил решительно, — слушайте мой приказ!

В приказе были названы фамилии четырех сотрудников, уволенных из органов милиции.

Тишина… Никто, видимо, не ожидал такого сурового наказания провинившимся. Однако не успела коллегия закончить заседание, как коридор отдела милиции наполнился женскими криками. Это смысл происшедшего дошел до жен работников милиции, собравшихся за дверями.

— А о нас вы подумали?!

— А чем мы детей кормить будем?!

Самая настоящая истерика началась. Чергинец понял, что их, находящихся в таком состоянии, вряд ли можно в чем-то убедить. Подозвал к себе начальника брестской милиции на транспорте:

— Сколько времени нужно, чтобы собрать всех жен работников милиции, находящихся в вашем подчинении?

— Всех? — переспросил тот, ничего не поняв.

— Всех!

— Товарищ генерал, — придя в себя, он обратился, как и положено, по уставу. — Даже если по тревоге собирать, минимум часа четыре необходимо.

— Считайте, что объявлена тревога! Чтобы к вечеру все были здесь.

Слово жен — решающее

Чтобы собрать жен сотрудников милиции на транспорте, требовалось немало времени по той причине, что транспортная милиция была не только в Бресте, а и в Березе, Дрогичине, Иванове и других райцентрах, где есть железная дорога и аэропорты. Но женщины откликнулись охотно. В зал набилось столько людей, что яблоку негде было упасть. Гам стоял невозможный. Попытался Чергинец говорить, перебивают. Вскакивают с мест, рвутся к трибуне. Особенно неуправляемы были жены уволенных. Звучали прежние обвинения: о нас не подумал, детей голодом хочешь заморить!

— А что бы вы сказали, если бы оказались на месте тех женщин? — пробовал Николай Иванович вразумить негодующих.

И слушать не хотят:

— Оклеветали!

— Все это — вранье!

— Не виновны наши мужья!

И вдруг Чергинец спрашивает зал:

— А если я зачитаю письма тех, кого они оскорбили, у кого занимались вымогательством, используя служебное положение?

В зале стало немного спокойнее. Видимо, притихли жены уволенных. Все-таки им не очень хотелось, чтобы выносился сор из избы. Наконец, послышались голоса:

— Читайте.

Читал не спеша. Хотел, чтобы каждая узнала, что поступал по-хамски не кто-

то другой, а именно ее муж. Женщины же в заявлениях, надо отдать им должное, смогли передать все интонации разговора. Когда же Чергинец дошел до того места, где один из сотрудников за услугу в покупке билетов предлагал расплатиться «натурой», жена того милиционера не удержалась, закричала на весь зал:

— Знала, что негодяй, но чтобы такой?!

Не в силах себя больше сдерживать, она в ярости кричала:

— Увольняйте его! Ах, подлец!

— И моего правильно уволили! — поддержала ее еще одна женщина.

— Так проголосуем за увольнение? — предложил Николай Иванович.

— Проголосуем!

Проголосовали единогласно.

После этого случая уволил из рядов милиции еще несколько человек в Гомеле и Могилеве. Поняли нарушители, что спуску им не будет. А вскоре Белорусское управление милиции на транспорте стало одним из лучших в Советском Союзе.

Пар, не принесший вреда

События, между тем, развивались все стремительнее и стремительнее. Изменения в жизни советского общества, происшедшие с приходом к власти Михаила Горбачева, не могли не освободить большую энергию народа. Долгое время она, словно спрессованная, только ожидала толчка, чтобы вырваться наружу. Так бывает тогда, когда из котла, находившегося перед этим под сильным давлением, неожиданно достают заглушку.

На волне резких изменений в жизни появилось немало желающих половить рыбу в мутной воде. Особенно активизировались люди амбициозные, с замашками вождей, но, как правило, лишенные созидательных начал. Разрушительные силы еще в большей степени начали активизироваться после того, когда стал воплощаться в жизнь парад суверенитетов. Поскольку тогдашняя власть в Беларуси была слабой, безвольной, свой бал начали править пиарщики различных мастей. Словно грибы после теплого дождя, появлялись разные партии. И каждая из них старалась тянуть одеяло на себя.

Для правоохранительных органов настали трудные времена. Это ощутило на себе и Белорусское управление МВД на транспорте. Парализовать действие путей сообщения — также входило в задачу тех, для кого давно не существовали законы. Так называемые борцы за свободу и права все усиленнее искали удобный случай, чтобы от слов перейти к организации массовых беспорядков. Увы, положение дел в стране этому благоприятствовало. Появились безработные, снижалась зарплата, да и та своевременно не выплачивалась, полки в магазинах опустели. В том числе и на железнодорожном транспорте, работники которого при Советской власти были во многом в привилегированном положении.

Напряженностью в обществе и поспешили воспользоваться новоявленные «лидеры». Случилось это и в Орше. Летом 1991 года ситуация в этом крупном железнодорожном узле республики стала критической. Несколько тысяч людей, подстрекаемые «борцами» и их приспешниками, перекрыли железнодорожные пути, движение грузового и пассажирского транспорта приостановилось.

Положение усугублялось тем, что дело происходило на привокзальной площади, которая была зажата с двух сторон многочисленными железнодорожными путями. Некоторые же участники митинга додумались прийти туда с детьми. Стоило какому-то провокатору посеять панику, как началась бы давка, а это, безусловно, не обошлось для кое-кого без смертельного исхода. Ко всему, на митингующих ополчились пассажиры остановленных поездов. Задержка с отправлением составляла уже не один час. У многих в душных купе дети — без еды, без воды… Если оршанцы требовали немедленной отставки руководства города и выше, то пассажиры проявляли более скромное желание: освободи-

те пути, дайте проехать, а потом кричите хоть всю ночь. Нервы у всех были настолько напряжены, что на почве несоответствия целей двух групп людей могли произойти столкновения.

Поскольку все происходившее касалось дел на транспорте, порядок должен был навести Чергинец. Любой ценой. Да не зря говорят: благими намерениями выстлана дорога в ад. Начальство предложило Николаю Ивановичу, казалось бы, неплохой вариант: подогнать пожарные поезда и… Конечно, под мощными струями воды, которая может сбить с ног, вряд ли кто устоит. Но умные головы в Совмине и МВД не удосужились «прокрутить» возможные варианты развития событий. Напряжение на железной дороге в проводах не каких-то 220 вольт, как обычно, а целых 28 тысяч! Если вода, коснувшись проводов, сплошным потоком обрушится на людей, стоящих едва не впритык друг к другу, вряд ли кто останется в живых, а если кому и повезет, то получат сильные ожоги.

Был и «запасной» вариант. На первый взгляд, более щадящий. Суть состояла в том, чтобы любой ценой, используя всевозможные способы, кроме водометов, оттеснить митингующих от железнодорожных путей. Но никто не принял во внимание, что многие, удирая, бросятся на пешеходный виадук, а он под тяжестью, в десятки раз превышающей допустимую нагрузку, рухнет на электропровода, похоронив тех, кто окажется под его обломками.

Предлагалось также отогнать подальше скопившиеся поезда и силой погнать митингующих через железнодорожные пути с площади в направлении города. Но Николай Иванович отверг и этот вариант. Получалось, что сама власть загоняет людей на пути…

Прокручивая в мыслях различные варианты, Чергинец, наконец, остановился на том, который в сложившейся ситуации выглядел наиболее подходящим: поговорить с более спокойными, рассудительными пассажирами задержанных на путях поездов, чтобы они уговорили митингующих разойтись. Так и было сделано, однако это не разрядило ситуацию до конца. Тогда Чергинец выступил уже в который раз и предложил митингующим дать своих представителей и поспешил вместе с ними в Минск. Но не подкрепления собрался выпрашивать, а уговорить оппозиционеров из Верховного Совета приехать в Оршу. Ради общего дела не посчитал для себя зазорным пойти к тем, от кого часто слышал незаслуженные упреки, доходившие до оскорблений. Убеждал их, что разногласия во взглядах не должны мешать тому, чтобы найти компромисс, который пойдет на общую пользу. К счастью, нашлись умные головы, послушались, поехали в Оршу.

Так совместными усилиями ситуацию удалось разрядить. Выпущенный пар не принес вреда. Постепенно народ начал расходиться. Ни один человек не пострадал. Люди, словно очнувшись от дурного сна, аплодировали и громко благодарили Николая Ивановича за настойчивость и мудрость. Казалось, что только сейчас они поняли, какую беду от них отвел генерал.

Победил здравый смысл

Руководители тогдашнего госсекретариата, правда, попытались обвинить Чергинца в слабости, заявляя, что в такой ситуации следовало действовать более решительно. Особенно усердствовал начальник управления по вопросам прав граждан, общественной безопасности и оборонной работы Г. Данилов. Не ограничиваясь метанием молний налево и направо, он обратился к Главе правительства республики, обвиняя едва ли не всех, в том числе и правоохранительные органы, не только в бездеятельности, но даже и в попустительстве к нарушителям общественного порядка.

«Председателю Совета Министров
Белорусской ССР
т. Кебичу В. Ф.

О соблюдении законности при проведении
массовых мероприятий

06. 05. 91 *№ 10/ 37*

События 1—25 апреля 1991 г., имевшие место в г. Минске, Витебске, Орше, Солигорске и некоторых других городах республики, выявили серьезные упущения в организаторской работе исполкомов Советов народных депутатов, руководителей предприятий и правоохранительных органов республики. […]

[…] В гг. Минске, Орше исполкомы Советов народных депутатов […] по существу заняли беспринципную, соглашательскую позицию, предоставляя оборудование и технические средства для проведения несанкционированных мероприятий. […]

[…] Органы внутренних дел и Прокуратуры республики не заняли активной и принципиальной позиции по защите законности и правопорядка в республике. Действующие нормы уголовного и административного законодательства в связи с незаконными политическими акциями используются неэффективно. Не принимаются должные меры по выявлению организаторов, подстрекателей, активных участников незаконных политических акций и связанных с ними беспорядков, а также меры к прекращению незаконных массовых мероприятий. По событиям 1—25 апреля 1991 г. к ответственности привлечено лишь несколько человек. До сих пор не выявлены и не наказаны все виновники противоправных действий 7 ноября 1990 г., продолжается волокита по возбужденному в этой связи уголовному делу. Розыскная работа МВД БССР и КГБ БССР не сориентирована на выявление и фиксацию незаконной деятельности этих лиц, сбор и закрепление доказательств. […]

[…] На обострении социально-политической ситуации в республике, в частности в г. Орше, сказалось то, что ряд народных депутатов БССР заняли деструктивную позицию в ходе происходивших несанкционированных митингов, наблюдались попытки вмешательства с их стороны в деятельность местных органов власти и правоохранительных органов. […]

[…] МВД БССР, управлениям внутренних дел облисполкомов, Минского горисполкома совместно с исполкомами Советов и хозяйственными руководителями решить вопрос об усилении охраны и территорий крупных промышленных предприятий, имея в виду пресечение любых попыток проникновения через ограждения и проходные предприятий посторонних лиц. Применить все меры противодействия указанным нарушениям порядка, предоставленные Законом БССР о милиции, административным и уголовным законодательством. […]

[…] МВД БССР, управлениям внутренних дел облисполкомов и Минского горисполкома в течение мая месяца провести специальную аттестацию кадров служб охраны общественного порядка, руководителей городских, районных отделов внутренних дел и их заместителей по применению действующего законодательства, регулирующего порядок и ответственность в сфере общественно-политической деятельности, а также применения приказа МВД СССР по этому вопросу. […]

Начальник управления по вопросам прав
граждан, общественной безопасности и
оборонной работы
Г. И. Данилов».

Хотя Г. Данилов и не называл Н. Чергинца, не трудно заметить, что, не имея для того никаких оснований, в бездействии обвинял и транспортную милицию. Конечно же, Николай Иванович не мог молча переносить подобные измышления, поэтому действовал со свойственной ему принципиальностью:

«Министру внутренних дел
Белорусской ССР
генерал-лейтенанту внутренней службы
товарищу Егорову В. Д.

РАПОРТ

В своей записке Председателю Совета Министров Белорусской ССР от 6 мая 1991 года начальник управления по вопросам граждан, общественной безопасности и оборонной работы тов. Данилов Г. И., проработавший в этой должности около недели, дает негативную оценку действиям внутренних дел во время массовой забастовки, проведения несанкционированного митинга на площади у здания железнодорожного вокзала и блокирования железной дороги трудящимися города Орши, ставит вопрос о замене руководителей органов внутренних дел в случае «их дальнейшей бездеятельности».

Считаю указанные заявления начальника управления Совета Министров БССР оскорбительными для меня как профессионала, коммуниста и просто гражданина, привыкшего всю свою жизнь служить не начальству, а народу, я вынужден обратиться в Ваш адрес с этим рапортом и изложить следующее:

Оценка т. Даниловым Г. И. и поддержанная руководством Совмина БССР имевших место событий 1—25 апреля 1991 года в ряде городов республики как «серьезные упущения в организаторской работе исполкомов Советов народных депутатов, руководителей предприятий и правоохранительных органов республики» является не только ошибочной, но и политически неправильной, которая может привести в республике к крайне нежелательным последствиям. В записке делается упор на следствия, а не на причину забастовок и несанкционированных митингов, в том числе блокирования железной дороги в г. Орше [...]

[...] Обвинения в мой адрес, как руководителя действиями милиции в городе Орше [...], что не была применена сила, я отвергаю, так как эти обвинения и требования провоцировали меня на кровавые столкновения с бастующими и наверняка привели бы к большим жертвам. Дело в том, что вокзал и площадь перед ним, занятая митингующими, находятся между многочисленными железнодорожными путями, куда можно проникнуть по старому, узкому пешеходному мосту, перекинутому через железнодорожные пути и имеющему один ступенчатый спуск к вокзалу. И если бы я исполнил дилетантские требования, о которых ратует тов. Данилов Г. И., то это наверняка привело бы к десяткам и даже сотням человеческих жертв, так как мост не выдержал бы такой нагрузки. Применение водометов и вытеснение огромной толпы в город через многочисленные железнодорожные пути было бы тоже ошибочным, так как привело бы к соприкосновению воды с контактной сетью напряжением в 25 тысяч вольт и вызвало бы массовое убийство людей электротоком. Это во-первых, а во-вторых, не позволило бы привлечь организаторов и активных участников блокирования транспорта к ответственности, так как они тут же заявили бы, что на железнодорожные пути их выгнала силой милиция. [...]

[...] Не могу согласиться и с выводами, сделанными в справке, что народные депутаты в данном случае занимали деструктивную позицию, ибо их обращение к собравшимся, беседы с членами стачкома сыграли большую роль в прекращении митинга.

Обвинения в свой адрес в том, что розыскная работа МВД не сориентирована на выявление и фиксацию незаконной деятельности организаторов и

активных участников несанкционированного митинга и блокирования движения железнодорожного транспорта, считаю не только несправедливыми, но и незаслуженными, так как нами во время этих мероприятий поводились теле- и фотосъемка, установлены десятки участников и организаторов незаконных действий. На ряд лиц составлены протоколы. Мера ответственности других граждан будет определена в ходе следствия, когда станет ясно, кого необходимо привлечь к уголовной ответственности, а кого к административной.

В связи с изложенным я не могу согласиться с указанными обвинениями и вижу в этом случае очередную попытку со стороны некоторых руководителей (ранее это допускалось неоднократно) унизить меня, а если удастся, то и подготовить почву для расправы.

В этой ситуации свою дальнейшую службу в органах внутренних дел считаю нецелесообразной и прошу Вас, товарищ Министр, рассмотреть вопрос о моем увольнении в связи с выслугой лет.

Учитывая, что бывшие руководители МВД и КГБ республики неоднократно допускали в мой адрес различные клеветнические, позорящие меня измышления, о причинах своей отставки я намерен объявить через средства массовой информации.

Я искренне благодарен Вам, товарищ Министр, членам коллегии МВД БССР за то, что нынешнее руководство Министерства сделало для органов внутренних дел на транспорте во много раз больше, чем все бывшие руководители за все предыдущие годы. Уверен, что эта помощь получит дальнейшее развитие.

Начальник Белорусского управления
внутренних дел на транспорте МВД БССР
генерал-майор милиции
Н. И. Чергинец».

Как видим, непростая ситуация сложилась и в правоохранительных органах. Это было тем более прискорбно, что все происходило в такое непростое время, когда деструктивные элементы пытались добиться дестабилизации в обществе, настроить население против власти. К чести тогдашнего министра внутренних дел республики Владимира Егорова, он смог трезво оценить как то, что происходило во время митингов и других акций протеста, так и действия правоохранительных органов в Орше и других городах, где имели место беспорядки. Из всего Владимир Демьянович сделал правильные выводы, дав, в частности, высокую оценку действиям Чергинца во время митинга в Орше. Это видно и из интервью В. Егорова:

«Из первых уст»

Это наша твердая позиция

На днях министр внутренних дел республики Владимир Егоров дал интервью Белорусскому телеграфному агентству. Мы публикуем его с небольшим сокращением.

— Весной нынешнего года у вас появились новые заботы, которых белорусская милиция раньше не знала. Речь идет о необходимости обеспечивать порядок во время митингов, шествий, других акций протеста.

— Нельзя сказать, что такой работой мы занимались только в этом году. Уже в прошлом нам пришлось значительные силы отвлечь на обеспечение порядка во время проведения акций протеста. А их было немало, за год и четыре месяца — 247, в них приняло участие около полумиллиона человек. И не важно, разрешен митинг или нет, а нам порядок обеспечить надо. [...]

— Вы говорите, милиция контролировала, принимала меры. Но ведь в Орше порядок все же был серьезно нарушен, дело дошло до остановки движения на очень важной для страны и Европы железнодорожной артерии…

— Обстановка в Орше складывалась особенно остро. На несанкционированный митинг вышло несколько тысяч человек, которые блокировали затем железную дорогу. Да, нарушен Указ об организации и проведении митингов, собраний, демонстраций. Нарушен и Закон о недопустимости блокирования транспортных коммуникаций. Но я хочу сказать и другое. В городе у нас было достаточно сил для того, чтобы не допустить блокирования и рассеять собравшихся. Но нетрудно догадаться, к чему это могло привести. А лучше сказать, к чему это неизбежно привело бы. К жертвам. Дело в том, что вокзал и площадь, на которой собрались митингующие, находятся между многочисленными линиями железнодорожных путей, и попасть на эту площадь можно только по старому и узкому пешеходному мосту. Он переброшен через пути и имеет лишь один ступенчатый спуск к вокзалу. При первой же попытке оттеснить людей через этот мост он бы рухнул. И тогда пришлось бы вести речь о десятках жертв. Таким же трагическим образом могли закончиться и другие формы применения силы.

Оправдано ли это даже на фоне экономических убытков от задержки поездов? Конечно же, нет. Поэтому руководство МВД и представляющий его в Орше начальник Белорусского управления внутренних дел на транспорте генерал-майор Н. Чергинец приняли единственно правильное решение: вести переговоры со стачкомом. И они велись. Было трудно, сложно, и все же удалось достичь договоренности, а тем сам избежать столкновений, непредсказуемых последствий. Не могу не сказать и об усилиях народных депутатов республики М. Слемнева и Е. Глушкевича. В этой острой ситуации они смогли найти слова, в немалой степени способствующие стабилизации обстановки.

И вдруг после той громадной работы, когда нервы были напряжены, как оголенные провода, после принятия решений, которые были продиктованы взвешенностью и серьезным расчетом, следуют обвинения в нерешительности, в неумении овладеть ситуацией. Притом упрекают и всю милицию, и генерала Чергинца в частности. Николай Иванович не нуждается в защите, но я все же хочу сказать, что это настоящий профессионал милицейской службы, прошел путь от оперуполномоченного уголовного розыска до генерала, начальника весьма ответственного управления, воевал в Афганистане и бывал в таких операциях, ситуациях, которые его критикам даже не снились. Его боевые награды — тому свидетельство.

Кстати, допускаю, что кое-кто добивался именно применения силы с нашей стороны, полагаю, кому-то хотелось беспорядков, погромов, кровопролития. Но пусть ни у кого не возникает иллюзий насчет того, будто наша сдержанность продиктована слабостью. Повторяю, органы внутренних дел располагали всем необходимым, чтобы просто не допустить больших скоплений людей. Но видели свою задачу не в том, чтобы продемонстрировать силу. Мы старались действовать с позиций здравого смысла. Контролировали похождение колонн по улицам, поддерживали порядок во время митингов, «изымали» пьяных. Были и такие «протестанты». Не трудно представить их требования. […]»

«Народная газета», 1991, 24 мая

Что в карманах у министра

Когда вошел в строй действующий аэропорт «Минск-2», естественно, встал вопрос о создании в нем милиции. Чергинец сделал об этом запрос в Министерство внутренних дел СССР. Ответ не заставил себя долго ждать. Безусловно, согласились в этом союзном ведомстве, в аэропорту надо незамедлительно соз-

давать отдел милиции, но сокращая другие свои подразделения. Только как их сократить, если и так каждый сотрудник на счету. Николаю Ивановичу ничего не оставалось, как ехать в Москву. Не сомневался, что Бакатин, поскольку у них сложились хорошие отношения, отнесется ко всему с пониманием. Да и как не помочь тому, кому даже предлагал стать своим заместителем. Но все оказалось не так просто, как представлялось.

— Пойми меня правильно, — сказал Бакатин после того, как Чергинец обрисовал обстановку, — нет у меня свободных штатных единиц.

— Позвольте, — возразил Николай Иванович, — но если организовывают новый административный район, в нем создают и милицию.

— А ты сократи штат милиции в аэропорту «Минск-1».

— Поймите: некого там сокращать.

Бакатин продолжает стоять на своем, Чергинец — на своем. И не заметили, как оба начали разговаривать на повышенных тонах. Дошло до того, что Николай Иванович не выдержал, повернулся и пошел к двери. В сердцах так грохнул ею, что все сидевшие в приемной вскочили. Значит, нечто чрезвычайное произошло, если посетитель с такой реакцией оставил кабинет министра. А Чергинец, кипя от негодования, что так и не смог убедить Бакатина в том, ради чего приехал в Москву, вышел в коридор. И вдруг слышит сзади чьи-то быстрые шаги. Обернулся, а это первый заместитель министра Иван Шилов:

— Чего это ты раскипятился? Разве можно так себя вести с министром.

Не успел Николай Иванович ничего ответить, а Шилов продолжает:

— Бакатин тебя зовет.

Вернулся и видит, что министр стоит посреди своего огромного кабинета. Будто ничего и не произошло, говорит ему:

— Успокойся. Так и быть: даю тебе 32 единицы.

Но Чергинец-то просил больший штат. Собрался было и теперь об этом напомнить. Бакатин, видимо, догадался, что такая просьба теперь снова прозвучит. Поэтому опередил Николая Ивановича. Но сделал это оригинально. Вывернул карманы своих брюк:

— Видишь: больше у меня нет ни одной единицы.

На этом конфликт и исчерпался, и вопрос с созданием отдела милиции в аэропорту «Минск-2» был решен положительно. Кстати, благодаря Николаю Ивановичу произошло и усовершенствование в структуре органов внутренних дел Беларуси. До этого на транспорте были линейные отделы внутренних дел с указанием его местонахождения. К примеру, линейный отдел на станции «Минск-Пассажирский». Чергинец предложил несколько иное название — отдел внутренних дел на транспорте. Бакатин прислушался к его предложению и разрешил в порядке эксперимента сделать такое переименование в Беларуси. Так и появились Минский отдел внутренних дел на транспорте, Брестский, Гомельский и т. д.

Произошли и некоторые другие изменения. Так, в крупном железнодорожном узле «Орша» находился отдел милиции, а Витебск имел только отделение. Получалось, что по статусу областной центр был ниже. А вот Барановичский отдел милиции почему-то обслуживал и Гродно. Резонно было в обоих этих городах иметь самостоятельные отделы, что и было сделано. Это, безусловно, повысило статус отделов, привело к повышению зарплаты, да и улучшило моральный климат в коллективах, заставило сотрудников милиции на вверенном им участке работать лучше.

«Доброжелателям» по-прежнему неймется

Тем не менее, постоянно находилось немало желающих потрепать Чергинцу нервы. Некоторые из них дошли до того, что сразу же после возвращения Николая Ивановича из Афганистана начали утверждать, что он якобы очутился там по знакомству и протекции. Это под пули-то! Эти, с позволения сказать, «правдо-

искатели» нисколько не краснели, когда их оппоненты, выступая в защиту Чергинца, говорили, что в Афганистан на помощь афганскому народу подбирали только самых достойных. Более того, если человек относился к командному составу, то его не один раз проверяли и перепроверяли. Все проходило под пристальным контролем ЦК КПСС, и появись хоть маленькая «червоточина», снимали.

Но очернители не сдавались. Мол, чему удивляться, они по-прежнему доводили свое: Афганистан ему нужен был, чтобы «отмазаться» за «мозырское» и «витебское» дела. Поэтому, обведя всех вокруг пальца, и скрывался в этой горячей точке планеты от ответственности.

Николай Иванович в силу своего мягкого, уравновешенного характера, высокой интеллигентности поначалу старался не обращать внимания на все эти нападки, досужие вымыслы. Однако его спокойствие возымело обратное действие: молчит — значит виновен. Уже и среди писателей, к сожалению, появились те, кто, не вникая в суть происходящего, недвусмысленно шушукался о его милицейском прошлом. Становилось очевидным, что надо давать отпор всем этим недоброжелателям, приперев их фактами.

Чергинец позвонил в Москву Генеральному прокурору СССР Рекункову. Объяснив суть вопроса, попросил представить справку, в которой бы указывалось, какова его роль в раскрытии нашумевших на весь Советский Союз судебных дел. Генеральный прокурор пообещал такую справку дать.

Правда, не справки дождался, а звонка от первого заместителя Генерального прокурора. Того самого Сороко, который в свое время, не желая выносить сор из избы, и препятствовал в том, чтобы стала известна истинная правда о «мозырском» и «витебском» делах. Теперь Сороко было не узнать. По тону, которым он говорил, можно было подумать, что, наконец, после долгого молчания созвонились два добрых друга. Сороко поспешил высказать радость от того, что Николай Иванович вернулся из Афганистана цел и невредим:

— Мы в восхищении от Вашей деятельности в Афганистане! — И тут же, как бы невзначай, спросил: — Мне говорили, что вам требуется какая-то справка?

Пришлось опять повторить суть вопроса, хотя и был уверен, что Сороко в курсе всего.

— Никто, Николай Иванович, и не сомневается, что эта ваша заслуга в раскрытии этих дел, — заверил его первый заместитель Генерального прокурора.

— Но мне нужна справка.

— Зачем эти формальности?

— Для меня это не формальность, — настаивал на своем Чергинец. — Поэтому прошу: вышлите справку.

Сороко опять ответил что-то невразумительное. Поняв, что дальше разговаривать с ним бесполезно, Николай Иванович сказал резко:

— Для меня это — не бумажка, а документ! — И добавил: — Если не дадите справку, то уж точно обращусь в ЦК КПСС, — после чего положил телефонную трубку.

Справка послана, но где она?

Своего рода продолжением этой истории стал звонок старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации Леонида Прошкина, который в свое время был руководителем группы по расследованию «мозырского» и «витебского» дел при Генеральном прокуроре СССР. Насколько он серьезно отнесся к вопросу, поднятому Чергинцом, говорит уже то, что позвонил из Ленинграда, где находился в служебной командировке.

— Генеральный прокурор приказал мне связаться с вами, — сообщил Леонид Георгиевич. — Не волнуйтесь, сразу по возвращении в Москву прослежу, чтобы необходимую справку вам отправили.

Нельзя было не верить в искренность Прошкина. Но что это? Неделя прошла, вторая, а справки все нет. Начал Чергинец выяснять, в чем дело. Оказалось, что она была послана на имя министра внутренних дел БССР Пискарева, а тот велел своему заместителю по кадрам спрятать эту справку подальше.

«Было у Виктора Алексеевича, — вспоминает Чергинец, — очень плохое, даже можно сказать, страшное качество — зависть и подозрительность. Я от этого страдал немало».

Один из случаев произошел еще тогда, когда его в 1981 году назначили начальником Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел БССР. Только случайно узнал, что должность эта — генеральская, а Пискарев, получив распоряжение Правительства, заявил своему заму по кадрам, как и при получении справки из Генеральной прокуратуры: «Спрячь подальше и никому не показывай». И вот опять проблема со справкой.

Только когда Николай Иванович сказал Пискареву, что из Москвы сообщили об отправленной на его имя справке, тот отдал ее.

Прокуратура СССР представила документы, в которых сообщалось об особой роли Чергинца в раскрытии всех страшных преступлений. Приведем только несколько выводов из них

«Тов. Чергинец в период расследования умышленных убийств гр-ки Тоисевой в Могилёвской области, а также Кузьменко и Кузьменкова в Гомельской области, не был начальником УУР МВД БССР и участия в раскрытии этих преступлений не принимал.

После назначения тов. Чергинца начальником УУР работа по раскрытию многочисленных убийств женщин в Витебской области была активизирована. Сотрудниками правоохранительных органов делалось очень многое для установления и изобличения преступников. В конечном итоге был установлен действительный убийца — Михасевич Г. М., а невиновные лица — реабилитированы.

Известно, что тов. Чергинец еще задолго до задержания Михасевича ставил вопросы о проверке обоснованности привлечения к уголовной ответственности за убийства женщин некоторых граждан, в т. ч. гр-на Блинова Е. Д., которого следователь прокуратуры БССР Жавнерович пытался обвинить в убийствах 5 женщин.

Расследованием не установлены какие-либо незаконные действия со стороны тов. Чергинца Н. И. Нет сведений и о том, чтобы он организовал совершение подобных действий подчиненными ему сотрудниками уголовного розыска либо знал об этих действиях и не присек их».

Однако, поскольку эта справка Николая Ивановича полностью не устраивала, он вторично обратился в Прокуратуру СССР. 11 марта 1990 года на имя Пискарева пришел еще одни ответ за подписью Прошкина. В нем, в частности, говорилось:

«Анализ материалов уголовных и уголовно-розыскных дел об убийствах женщин в Витебской области (дело Михасевича) позволяет сделать вывод, что после назначения т. Чергинца Н. И. начальником УУР МВД республики работа по раскрытию этих тяжких преступлений была активизирована. Тов. Чергинец принимал активное участие в выработке направлений расследования. Именно он настаивал на том, что преступления могли быть совершены одним и тем же лицом, имеющим возможность пользоваться автомобилем «Запорожец» красного цвета.

Известно также, что тов. Чергинец предпринимал все возможные меры, вплоть до личного обращения, в том числе и в письменном виде, к руководству республики и в Прокуратуру СССР, к тому, чтобы были пересмотрены уголовные дела граждан, по его мнению, ошибочно осужденных за убийства, которых они не совершали».

На этом Николаем Ивановичем и была поставлена точка. Но не его ниспровергателями. Через три года, 6 октября 1993 года в «Литературной газете» появилась статья некого Олега Блоцкого «Политический процесс чистейшей воды», автор которой начал поливать Чергинца грязью со слов бывшего депутата Верховного Совета БССР Евгения Новикова, да еще попытался столкнуть его со Светланой Алексиевич.

Первым дал отповедь клеветнику Прошкин. Заодно и всем блоцким и новиковым. Леонид Георгиевич сказал и от имени всех, кто по-настоящему уважает Чергинца как честнейшего и порядочного человека, восхищается его мужеством и талантом. Он потребовал от редакции газеты принести извинения Николаю Ивановчиу:

«Публикацию этого письма я бы расценил как извинение перед достойным профессионалом-сыщиком, мужественным человеком и известным писателем, о чьих книгах неоднократно можно было прочитать и на страницах «Литературной газеты».

Были и другие письма. Газета дважды опубликовала извинения перед Николаем Ивановичем.

Появилось, хотя и запоздалое, извинение Блоцкого:

«Хуже нет, когда говоришь о человеке неправду. Пусть даже и не от своего имени, а цитируя председателя Белорусской лиги прав человека Евгения Новикова.

Тогда я рассказывал о судебном процессе в Минске над Светланой Алексиевич по поводу публикаций отрывков из книги «Цинковые мальчики» в «Комсомолке». И Новиков утверждал, что процесс инспирирует Чергинец.

— Я с уважением отношусь к Светлане Алексиевич, к ее творчеству, — несколько раз повторил Николай Чергинец при нашей личной встрече, — хотя не всегда согласен с ее выступлениями в прессе относительно афганской войны.

Разговаривая и с Николаем Ивановичем, и со Светланой Александровной, я увидел, что их волнуют сейчас одни и те же проблемы, что оба совершенно не желают возврата к прошлому.

Очень долго не мог понять, почему Чергинца и Алексиевич так усиленно стараются противопоставить друг другу. А потом понял: многим людям очень удобно делить мир на «наших» и «ненаших». Жизнь тогда становится осмысленнее, остается только выбрать для себя партию. И очень здорово, если у нее будет лидер — человек с именем. Мне кажется, что если бы в Минске не было Алексиевич и Чергинца, то их все равно бы придумали и устроили бы противостояние. Впрочем, в одном ли Минске это происходит?

Приношу свои извинения Николаю Чергинцу и очень надеюсь, что он и Светлана Алексиевич смогут сделать шаг навстречу друг другу, отметая тех, кто настойчиво подталкивает их к взаимной неприязни».

Здесь, казалось бы, уж точно можно поставить точку в этом вопросе. Но — увы! — и позже нашлись желающие использовать «мозырское» и «витебское» дела, чтобы клеветать на Николая Ивановича.

Сколько таких шрамов на сердце может вынести человек?

Стратегия — везде стратегия

Вскоре Совет Министров Беларуси решил создать Комитет по социальной защите военнослужащих, ветеранов войны и увековечения памяти погибших. Когда зашел разговор о кандидатуре председателя, поняли, что на эту должность, как никто другой, подходит Чергинец. Именно он — человек, знающий их проблемы не понаслышке, умеющий найти дорогу к сердцам, поскольку сам хорошо ощу-

тил истинную цену воинского братства, понимает душу людей, прошедших через суровые испытания. Разных проблем с каждым днем становилось все больше.

Полным ходом уже шел вывод советских войск из Европы. Поэтому очень актуальным стал вопрос расквартирования воинских частей, обеспечения военнослужащих жильем, трудоустройства тех, кто подпадал под сокращение. Ситуация приобрела еще большую остроту из-за того, что тогдашнее руководство республики во главе с Шушкевичем, не задумываясь над тем, как все это аукнется, бросило клич ко всем белорусам-военнослужащим, где бы они ни находились, возвращаться домой. Не просчитали вариант, что желающих может оказаться очень много. Никто не подумал, что такой наплыв людей усугубит и без того сложное положение с предоставлением жилья, трудоустройством.

Хорошо, что немцы, довольные тем, что, наконец, выводится советский контингент войск, помогали создавать центры по профессиональной переподготовке. Приходилось вместе с ними и работать. Но это было немного позже, а пока пришлось все начинать с нуля. Помогало Николаю Ивановичу то, что его заместитель Сергей Гайдукевич был хотя по своему характеру человеком и горячим, но деловым. Однако трудность заключалась и в том, что руководство республики слабо представляло себе, что нужно конкретно делать. Часто приходилось полагаться на собственную инициативу, а еще работать, работать, работать. В том числе занимаясь созданием надлежащей законодательной базы, потому что ее, касающейся вопросов, находящихся в ведении Комитета, не было, поскольку до этого не существовало и проблем, обрушившихся, как снежная лавина. Благо, что в комитете работали специалисты высокого уровня, среди которых выделялись генерал Александр Солдатенко и несколько офицеров.

Ежедневно на прием приходили десятки и десятки людей. Ступени лестницы, на которой они ожидали своей очереди, давно были избиты, а посетители шли и шли. Еще больше их стало после того, когда власти Германии начали уплачивать деньги жертвам фашизма, вывезенным во время войны в концлагеря. Сначала, как известно, на эти цели они выделили 200 млн. немецких марок. Но было понятно, что всем, кому полагаются подобные выплаты, такой суммы не хватит. Кроме того, многие из бывших узников, особенно живущие в сельской местности, ничего не слышали о такой инициативе, как возмещение причиненного им ущерба. Не оставалось сомнений, что со временем и от них начнут поступать заявления на выплаты. Откуда брать тогда деньги? Те, кто их не сможет получить, начнут возмущаться, жаловаться в различные инстанции, обвиняя власть… Таким образом, Комитет превратится в своеобразный громоотвод.

Николай Иванович увидел единственно правильный выход из создавшейся ситуации в том, чтобы создать отдельную структуру, не подчиняющуюся ни правительству, ни государству. Это, по его замыслу, должно было быть специальное общественное представительство, а перед ним нужно создать наблюдательный совет. Опять-таки общественный. Как в воду смотрел. Тысячи и тысячи людей начали писать заявления. Но если бы появилась отдельная структура, их было бы легче рассматривать, а затем принимать нужные решения. Чергинец в очередной раз оказался стратегом, который смог предусмотреть дальнейшее развитие ситуации, тем самым упредил многие сложности. Возглавил эту структуру прекрасный человек, профессионал высокого уровня Валентин Герасимов, который сначала не воспринял, но чуть позже высоко оценил идею Чергинца.

Память об ушедших

По возвращении из Афганистана Чергинец поддерживал тесную связь с Комитетом солдатских матерей, и конечно же, с организацией участников войны в Афганистане, которую в то время возглавлял Павел Шетько. Сам участник афганской войны, тяжело раненый (остался без руки), он, как никто другой,

понимал, как нужны поддержка и понимание тем, кто вернулся оттуда, а в большей степени — родителям, потерявшим своих сыновей. Именно Шетько, будучи народным депутатом СССР, предложил кандидатуру Чергинца на пост председателя Комитета по делам воинов-интернационалистов. Но вызванный в Москву Николай Иванович, так же как и Валентин Варенников, от должности отказался. Избрали Руслана Аушева.

Предстояло сделать все возможное ради того, чтобы увековечить память погибших героев. Так и появилась идея поставить им памятник.

Место, где он теперь находится, было выбрано не случайно. Остров на Свислочи — это как бы часть суши, отделенная от Большой земли. Да и афганцы часто между собой говорили: «За речку поедем», когда разговор заходил о направлении в Демократическую Республику Афганистан. Вскоре появился и проектант памятника — Юрий Павлов, приехавший из России. Однако он согласен был сделать окончательный проект только в том случае, если будет утверждено место его установки.

Определение же места находилось под вопросом. Конечно, бывшие афганцы и те, кто входил в состав Комитета солдатских матерей, были настроены решительно. Находилось и немало поддерживающих их. Однако свой голос подняли те, кто выступал против такого замысла. Видите ли, их беспокоило, что тем самым будет нарушен ландшафт исторической части Минска. В печати появилась одна статья, вторая… Не остановившись на этом, противники памятника на Свислочи занялись сбором подписей. Иногда, введенные ими в заблуждение, свои «против» выражали даже известные деятели литературы, искусства, культуры. Тогда матери афганцев обратились к Чергинцу.

— Если вы не вмешаетесь по-настоящему, Николай Иванович, не стоять памятнику на месте, которое мы выбрали, — заявили они.

Безусловно, последнее слово оставалось за Минским горисполкомом. Туда Николай Иванович и обратился. На специальное заседание пригласили архитекторов, а также тех, от кого зависело принятие этого решения. Были как сторонники, так и противники памятника на острове. Вел заседание первый заместитель председателя горисполкома Геннадий Сенькевич.

Спор разгорелся не на шутку. Матери со слезами на глазах доводили свою точку зрения, а некоторые архитекторы, являясь противниками памятника, возражали им. Дело дошло до криков. А Чергинец сидит спокойно, словно происходящее его и не касается. Матери афганцев уже недоумевают: в чем дело? Некоторые из них укоризненно смотрят на него. Тоже, мол, защитник. Слово сказать боится, словно воды в рот набрал. А у Николая Ивановича свое на уме: пусть все выскажутся, пар выпустят, а тогда можно будет и выступить.

И такой момент наступил. Все, устав от обсуждения вопроса, ненадолго притихли. Тогда-то Чергинец и взял слово. Он уже успел выработать своего рода тактику выступления. Выбрал из собравшихся двух особенно рьяных противников построения памятника.

— Вы служили в Афганистане? — спросил одного из них.

— Нет, — с ухмылкой ответил тот.

— А ваши дети?

— Также не служили.

После этого обратился ко второму:

— А вам довелось там служить?

— Нет, — последовал ответ.

— А ваших детей призывали в Афганистан?

— Еще чего не хватало! — вырвалось у того.

Чергинца взорвало:

— А дети этих матерей погибли там! Они поехали туда вместо вас, вместо ваших детей. Ваши дети радуются жизни, а их детей нет. И теперь вы набираетесь наглости заявлять, что увековечение памяти этих светлых, чистых душой

ребят опозорит честь Минска. Есть ли у вас после это человеческая совесть? Неужели не знаете, что Минск во все времена помнил своих сыновей и чтил их память?!

Тихо стало, а Николай Иванович продолжал:

— Вот вы кичитесь тем, что есть подписи тех, кто вас поддерживает. А не подумали вы о том, что мы можем собрать десятки, сотни тысяч тех, кто поддержит идею установления памятника. Пойдем по дворам, по квартирам. В каждую зайдем. Объясним, что это за памятник. Вовсе он не какой-то коммунистический символ, как утверждаете вы, а просто хорошая часовня. Память об ушедших. Уверен: после этого миллион подписей обеспечен.

Сенькевич вдруг как ударит кулаком по столу:

— Ясно! Будем устанавливать памятник. Принимаем решение. Кто «за»?

Члены исполкома все как один подняли свои руки.

Зачем понтоны? «Горбатый» мостик выдержит

Когда своего рода мертвая стена, стоявшая на пути возведения памятника, была пробита, Чергинец обратился к председателю Совета Министров Республики Беларусь Вячеславу Францевичу Кебичу с просьбой, чтобы как можно быстрее был решен вопрос с финансированием строительства. И сам Кебич, и его первый заместитель Михаил Владимирович Мясникович отнеслись к этому доброжелательно. Вопрос с финансированием был быстро решен, а ответственность за строительство возложили на комитет, возглавляемый Чергинцом.

После этого Николай Иванович написал письмо в Министерство обороны, в котором также изложил суть вопроса и просил, чтобы возведение памятника военное ведомство взяло на себя. Конечно же, уточнил, что финансирование обеспечено. Можно понять его удивление — да какое удивление, негодование! — когда через несколько дней получил свое письмо обратно, а на нем корявой рукой одного из тогдашних высших руководителей министерства было написано: «У нас самих не хватает денежных средств». Даже не удосужился этот чиновник вникнуть в суть содержания. Не говоря уже о том, что Министерство обороны, по сути, «отбивалось» от солдат и офицеров, погибших в Афганистане, не желало помнить, что само же их туда и посылало.

Пришлось искать тех, у кого сильно чувство армейского и гражданского долга и кто, что также важно, не утратил человечности. Таких людей нашел в лице начальника гражданской обороны Республики Беларусь генерал-лейтенанта Анатолия Пономарева, командующего пограничными войсками, бывшего афганца, командира 103-й дивизии генерал-лейтенанта Евгения Бочарева и командующего железнодорожными войсками генерал-майора Анатолия Степука.

Пригласил их троих к себе в кабинет. А у него была маленькая комната для отдыха. На столе все по-фронтовому: фляга, стаканы, хлеб, скромная закуска. Как в боевых условиях. Помянули тех, кто погиб в Афганистане, вспомнили общих друзей и знакомых, и только после этого Николай Иванович перешел к самому главному.

Все согласились, что это дело важное. Да и как не согласиться, если все касалось увековечения памяти тех, кого только что вспоминали, поднимая фронтовые сто грамм.

Да загвоздка-то была в том, что не все в одинаковой степени могли помочь. Поэтому решили, что каждый возьмет на себя то, что в его силах. Бочарев пообещал оказывать помощь машинами, а также, при необходимости, привлекать для работы военнослужащих. Пономарев — обеспечить на остров понтонную переправу, поскольку «горбатый» мостик, ведущий на остров, мог не выдержать многотонных самосвалов. Главным же строителем стал Степук. И неудивитель-

но: Анатолий Яковлевич до этого возвел большинство железнодорожных мостов в Беларуси.

Быстро оформили нужные документы и приступили к строительству. Однако Пономареву так и не пришлось устанавливать понтоны. Степук — строитель опытный, от Бога! Вместе со своим главным инженером полковником Виктором Лазаренко он произвел нужные расчеты и убедился в том, что в понтонах просто нет надобности.

— Без понтонов обойдемся? — удивился Чергинец, когда они ему обо всем рассказали.

— Запросто! «Горбатый» мостик выдержит.

— Вы понимаете, что говорите?! — не сдавался Николай Иванович. — По христианским традициям, если во время строительства гибнет человек, это плохой знак.

— Завтра убедитесь, что ничего страшного, — решительно сказал Степук.

Пришлось согласиться.

Эксперимент начался в заранее условленное время. К мостику подошли три тяжело груженные «КРАЗа». Степук дал разрешение, и они, натужно гудя моторами, медленно тронулись с места.

Первый из них въехал на мост, который внешне выглядел очень хрупким. Казалось бы, он должен был зашататься. Однако махина переехала его и остановилась у самого спуска.

Второй «КРАЗ» доехал до центра, и водитель нажал на тормоза.

Третий замедлил свой ход, едва въехав на мостик.

— Молодцы! — не скрывал своего восхищения Чергинец. Его радость можно было понять. Налицо выигрыш во времени, да и в материальных и финансовых затратах, которые неизбежно появились бы, если бы начали устанавливать понтоны.

Одни работают, а другие шум поднимают

Работа на объекте закипела. Однако рано радовался Николай Иванович. Тревога появилась после того, как автор проекта Юрий Павлов вместе со своей женой Галиной, которая также являлась соавтором проекта памятника, в сопровождении полковника Лазаренко неожиданно пришли к нему и заявили, что, если установить памятник на этом уровне и смотреть на него с высшей точки моста, он получится как бы в яме. Выход был в том, чтобы поднять уровень острова хотя бы на 1,5—1,7 метра. Впрочем, и этого мало.

Чергинец понимал, что поднять уровень острова не так и сложно. Однако опять придется ходить по инстанциям, добиваясь разрешения. Это займет немало времени. Задержка в строительстве затянется на месяцы, а то и вовсе на год. Он сразу же вспомнил тех, кто рьяно доказывали в горисполкоме свое отношение к памятнику. А ведь потребуются визы.

— Где проект памятника? — жестко спросил он.

Павлов расстелил его на столе.

Николай Иванович взял красный фломастер и наискось в верхнем уголке проекта написал: «Тов. Степуку. Тов. Павлову. Прошу поднять уровень насыпи для строительства памятника на высоту 2,5 метра». Расписался и поставил гербовую печать.

— Ответственность беру на себя!..

Однако когда одни возводили памятник, не жалея сил, не боясь ответственности, когда в чем-то приходилось отходить от инструкций, то некоторые, убедившись, насколько важное дело совершается, решили извлечь из этого для себя пользу. Был один из таких и в комитете Чергинца (Николай Иванович не считает нужным называть его фамилию). Бывший замполит, он если чему научился, так

поднимать пропагандистский шум, желая увековечить себя как великого строителя. Николай Иванович относился к нему с надеждой, что человек еще пересмотрит свое поведение и станет полезным обществу. И такие задатки у того были. Бывало, закажет в Минобороны оркестр, позвонит на телевидение:

— Приезжайте срочно.

— Что случилось?

— Как что? Памятник афганцам возводится.

— Так мы рассказывали об этом.

— Но такого еще не было. Матери погибших солдат и офицеров на стройке работают.

Приезжает телевидение. Играет оркестр. Сияет от радости этот «замполит». И места себе не находит Лазаренко.

— Николай Иванович, — просит он Чергинца, — не надо цирка. Матери разве что где-нибудь камешки убирают. А у меня машины, трактора, краны работают. Несчастье может случиться! Зачем эта показуха?

Что было, то было. Но строительство продолжалось. Согласно замыслу, на памятнике нужно было установить три колокола. Один из них отлили на одном минском оборонном заводе. К директору поехали Чергинец и несколько солдатских матерей. Директор все понял, и завод отлил первоклассный колокол из циркония. Еще два колокола подарил сам... Чергинец.

Очутились они у Николая Ивановича таким образом. У него завязалась переписка с моряками одной атомной подводной лодки на Тихом океане. Они любили его книги, с удовольствием читали их, впечатлениями делились в письмах. Ребята решили по-своему отблагодарить писателя, чьим творчеством восхищались. Когда из океанских глубин было поднято одно старинное судно, колокол с него они и передали Чергинцу. Точно такой же второй, только меньший колокол Николай Иванович получил от моряков-североморцев.

Колокола помещены не вверху памятника, а внутри него. К ним тянутся струны, которые на ветру дрожат и таким образом гудят, а колокола звонят.

Наконец настало время торжественного открытия — 3 августа 1996 года. Как и полагается в подобных случаях: оркестр, знамя, почетный караул. Огромное стечение народа. Пришли бывшие афганцы, родители погибших солдат и офицеров. Здесь же был и председатель Союза афганцев Беларуси Станислав Говорушкин. Конечно же, и Чергинец. Не забыли руководители тогдашнего Белорусского союза ветеранов войны в Афганистане того, во многом благодаря кому был установлен памятник. По крайней мере, Говорушкин всегда помнил и подчеркивал роль Николая Ивановича в сооружении памятника и других его делах во благо «афганцев». Здесь же присутствовали представители церкви. Ожидали и католическое духовенство, но пришел ответ, что, мол, католики в Афганистане не воевали. Приехала делегация из Москвы во главе с Маршалом Советского Союза Соколовым. Николаю Ивановичу было очень приятно, что красную ленточку на открытии разрезал Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, а вместе с ним Чергинец!

Назавтра Соколов предложил Чергинцу еще раз съездить на остров Слез. Это и была поездка, после которой ему уже не хочется ездить туда.

Полет, каскадер позавидует

Прежде чем говорить о том, что тогда произошло, вернемся на несколько месяцев назад. Товарищ Николая Ивановича Сергей Прокофьевич познакомил его с одним как бы экстрасенсом. Этот человек не просто предсказывал судьбу, а делал это при помощи компьютера. Уточнив дату рождения того, кто хотел узнать что-то о своей судьбе, он производил какие-то сложные вычисления, после которых и объявлял результат.

Он назвал Чергинцу несколько точек в Минске. Среди них были такие места, где ему бывать нежелательно. От посещения других вовсе нужно было воздержаться. Назывались также благоприятные, а то и вообще такие, где Николая Ивановича как бы оберегают ангелы-хранители.

Происходило это предсказание в начале февраля 1996 года.

Сначала памятник воинам-афганцам планировалось открыть ко Дню Победы, а потом перенесли на День освобождения Минска, а затем уже на 3 августа. Однако «экстрасенс» тогда ничего об этом не знал. Тем не менее, когда назвал он самую неблагоприятную для Чергинца точку, по координатам вычислили, что это именно остров Слез.

«Вы должны быть очень осторожны 4 августа, — заявил он. — Ни в коем случае не ходите туда. Если же надо будет быть обязательно там, то не садитесь за руль, в любом случае посетите точку своего ангела… Если не сделаете этого — случится с Вами беда». Повторяю, этот разговор состоялся в феврале, за полгода до 4 августа.

В день открытия памятника для Чергинца все прошло благополучно, а вот назавтра он чувствовал себя как-то неважно. Но не отказываться ведь от приглашения Соколова! Поэтому и поехал на остров Слез. Однако не со всеми, а за рулем собственной машины. На острове почувствовал себя как-то странно, какую-то угнетенность. Все разбились на группы, ходят, разговаривают, а он вдруг почувствовал себя одиноким, никому не нужным. Получалось, что зря сюда приехал.

Подошел к Соколову и сказал, что завтра заедет за ним, чтобы проводить на вокзал, а потом пошел к своей машине. Вместе с ним находился и солдат, родом из той деревни, где размещается дача Николая Ивановича. Только проехали немного, как Чергинец почувствовал, что начинает засыпать. И это несмотря на то, что на дворе солнце, голубое небо, полдень! Будто провал какой-то в памяти происходит. Спохватился.

— Леша, — попросил солдатика, — поговори со мной, а то усну.

А Леша слово-второе скажет и молчит. Плохой из него собеседник. Чтобы быстрее приехать на дачу, Николай Иванович увеличил скорость. Проскочили Раубичи, повернули на дорогу, ведущую к нужной деревне. Кажется, все в порядке. Впереди взгорок, дальше спуск и налево — всего две минуты езды. В мыслях одно желание: зайти в дом, сбросить костюм и завалиться в кровать.

Это было последнее, что мелькнуло в его сознании. Дальше произошло как бы полное отключение его. Когда пришел в себя, почувствовал удар с правой стороны: правым крылом сбил километровый столб. От удара вместе с крылом отлетело колесо. Впереди — опора высоковольтной электролинии, у которой подпорка, на столбе — электроподстанция. Все же успел немного вывернуть машину, чтобы она ударилась в столб не прямо, а под углом. И это при одном переднем колесе! По подпорке машина пронеслась почти до проводов на «брюхе» и — хрясь назад! — отвалилось заднее левое колесо вместе с осью. А машина повисла на подпорке — трудно представить себе! — где-то в трех метрах от земли.

Придя в себя, Николай Иванович тихонько открыл дверку:

— Прыгай, Леша!

— Высоко.

— Ты же солдат, Леша!

Только Леша спрыгнул, как Чергинец наклонился для балансировки на его место, чтобы машина не опрокинулась.

А в это время прибежали сельчане, которые находились поблизости.

— Придержите машину, — попросил их и спрыгнул сам.

Потом подошел трактор «Беларусь», и с его помощью машину стащили с подпорки.

Назавтра по деревне пошла молва, что Николай Иванович вез с собой огромное количество спиртного, а ко всему, был пьяным. Спиртного-то не вез, а банок

15 разных солений, которые утром поставила жена в багажник, чтобы завез на дачу. Они-то и разбились…

Вспомнил рассказ об опасных и счастливых для него местах, который слушал в конце февраля в хороший и по-весеннему теплый погожий день.

Однажды в субботу Чергинец выехал вместе с Сергеем Прокофьевичем и «экстрасенсом» в район Зеленого Луга, где когда-то проживал и куда по-прежнему его тянуло: как-никак, родные места. Выехали на окраину города, остановились в том месте, где находится водохранилище и начинается маленький лесок. За рулем находился шофер, поэтому решили выпить пива. Осмотрелись по сторонам. Природа красивая, самая благодать.

— Как мне хорошо здесь! — не удержался Николай Иванович от восторга.

Прокофьевич с «экстрасенсом» рассмеялись.

«Экстрасенс» раскрыл карту:

— Смотрите, вот это место. Оно для вас самое благоприятное. Сюда нужно обязательно приезжать, если вы побываете в неблагоприятном для вас месте, тогда будет все хорошо.

Вот и не верь после этого оракулам.

Служба службой, а истина дороже

Честность, порядочность Николая Ивановича особенно проявились и во время первой президентской кампании. Тогда вдруг появилось немало желающих на эту должность. Нашлись и те, кто сам быть президентом и не помышлял, но их толкали на это те, кто в случае победы хотел получить от избрания своего протеже немалые дивиденты. Некоторые из них начали уговаривать баллотироваться на пост Президента и летчика-космонавта СССР Владимира Коваленка, в то время бывшего депутата Верховного Совета Беларуси. Но Чергинец отговорил его: «Не нужно тебе президентство. Ты же и так наше национальное достояние. Малого тебе этого? А провал для тебя станет большой душевной травмой». И Коваленок послушался своего друга.

Как человек власти, Николай Иванович, конечно же, не мог не поддерживать кандидатуру Кебича, тем более что других кандидатов совершенно не знал. Но так продолжалось только до завершения первого тура выборов. Когда были обнародованы его результаты, сразу стало ясно, что карта Кебича бита. Возможно, он и согласился бы с провалом и отказался идти на второй тур. Однако многие из ближайшего окружения премьер-министра, а также срочно заказанные Москвой различные предсказатели и экстрасенсы, продолжали доказывать ему, что ничего страшного не произошло и еще есть шансы наверстать упущенное. Остается только надлежащим образом провести агитацию.

Тому, как действовать в этой ситуации дальше, было посвящено специальное заседание Совета Министров, на котором присутствовало едва ли не все высшее руководство страны, в том числе и Чергинец. Когда ему дали слово, он, в отличие от некоторых, прямо сказал:

— Нет никакого сомнения, что во втором туре победит Лукашенко. Поэтому ради единства страны, Вячеслав Францевич, вам нужно сойти с избирательной дороги. И подать в отставку.

Что тут началось! Какие только обвинения не посыпались. И пораженец, и отщепенец. Однако Чергинец отступать не собирался. Обратился уже непосредственно к самому Кебичу:

— Если вы, Вячеслав Францевич, честно признаете свое поражение, то тем самым докажете готовность и дальше служить своей стране. Таким образом, вы будете сохранены для Беларуси как специалист высшего класса, опытный хозяйственник. Вместе с вами, — продолжал он, — подадим в отставку и все

мы. Опять-таки во имя интересов Беларуси. Если же кто-то из нас в дальнейшем будет нужен стране, обязательно востребуют.

Тогда его поддержал только один человек — начальник главного штаба Минобороны Николай Гуркин. Он встал и твердо и лаконично по-военному произнес:

— Я согласен с Чергинцом.

Кебич, как известно, на этот шаг не пошел. И как следовало ожидать, второй тур президентских выборов бесславно проиграл.

Когда были объявлены результаты, Николай Иванович, как и обещал, подал Президенту рапорт об отставке. Правда, по какой-то причине (может быть, не дошел по назначению) его оставили без ответа. Потом был второй, третий. И подумать не мог, что найдутся «доброжелатели», которые такой его шаг преподнесут как своего рода протест против новой власти. Не знали (скорее всего, и не желали понять это), что, будучи уже генерал-лейтенантом, Чергинец как представитель силовой власти иначе поступить не мог.

Однако Кебич оказался человеком порядочным, не затаил обиду. Через некоторое время Чергинцу, который еще работал в комитете, позвонил водитель бывшего премьер-министра:

— Вячеслав Францевич спрашивает, можно ли к вам заехать?

— О чем разговор?! Ожидаю.

Кебич зашел в кабинет с бутылкой водки.

— Вы не обиделись на меня? — спросил он.

— А вы на меня? — вместо ответа в свою очередь спросил Николай Иванович.

Оба рассмеялись, обнялись.

Только налили по маленькой, как начали заходить бывшие афганцы. Их, конечно же, тоже пригласили за стол. Тогда Кебич сказал:

— Мудрый вы человек, Николай Иванович. Признаюсь, что совершил большую ошибку, не послушавшись вас.

Кто ищет, не всегда найдет

Николай же Иванович, как и следовало ожидать, вскоре оказался на вольных хлебах. Сначала особо не переживал. Даже обрадовался, когда увидел, сколько появилось свободного времени. Думал заняться литературным творчеством, благо писать было о чем. Тем более, надо было закончить роман «Илоты безумия». Однако постепенно появилось чувство одиночества, которое все больше угнетало, вызывая далеко не оптимистические мысли. Бывали минуты, когда не только не хотелось ничего делать, а и вообще не появлялось желания браться за какую-либо работу. Да и финансовое положение семьи ухудшалось. Замучили его еще и просьбы. Приходили десятки людей, в том числе афганцы. Просили: «Помогите, Николай Иванович». И вдруг верная подруга, жена Надежда Ивановна тихо сказала:

— Коля, а ты не заметил, что на поездки по инстанциям на своей «Ниве» за семь-десять дней уходит пенсия?

Попытать своего счастья решил, когда были объявлены очередные выборы в Верховный Совет Республики Беларусь. Тем более что с подобной инициативой выступили те, дружбой и хорошими отношениями с кем он всегда дорожил. Во главе избирательного штаба Чергинца был афганец генерал Станислав Князев. До этого он, приехав в Беларусь, возглавлял военную контрразведку, однако нечестные люди Станислава Никифоровича оболгали. Только позже, благодаря Александру Григорьевичу Лукашенко и госсекретарю Совета безопасности Виктору Шейману, Князеву вернули доброе имя, восстановили его в генеральском звании. После этого он возглавлял Институт национальной безопасности, был

первым заместителем госсекретаря Совета Безопасности, Главы Администрации Президента Республики Беларусь, ректором Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Те, кто еще недавно травили Князева, узнав, что Николай Иванович баллотируется в депутаты, как злые волки, набросились на Чергинца. Ушаты грязи выливали в печати, поместили снимок его дачи, которую он построил вместо предыдущей в три этажа, причем построенную по решению ЦК КПБ с Совмином БССР, а потом проданную. За вырученные деньги, гонорары и деньги, полученные за три года войны в Афганистане, построил другую на 17 человек — родным. Видимо, понимая, что такого «компромата» мало, нашлись желающие, как это делали и раньше, перетянуть на свою сторону избирателей.

Какими сильными ни были наскоки оппозиции, однако и штаб Николая Ивановича не дремал. Благодаря целенаправленной работе, обходу квартир, многих избирателей смогли убедить, что лучшего депутата, чем Чергинец, им и не нужно. И многие люди поверили в то, что следует голосовать именно за него. Но с первого захода он так и не стал депутатом. Не хватило кворума: не хватило чуть менее процента.

Безусловно, ситуацию мог бы исправить второй тур выборов. Однако все испортили представители власти, среди которых был и Сергей Посохов. Из их уст начали звучать странные призывы, что во втором туре можно вообще не принимать участия. Исходили из того, что в состав Верховного Совета уже прошли многие нужные им люди, а зачем еще Чергинец, который не согласен сотрудничать с оппозицией.

Никто не принял во внимание того, что именно его избирательная программа соответствует чаяниям людей, как нельзя лучше учитывает их интересы. В частности, одним из пунктов ее было создание объездного железнодорожного транспортного пути по кольцевой дороге, тем более что эта работа приостановилась, а оставалось насыпать только последние 14 километров и положить рельсы. Это позволяло не свозить в Минск опасные вещества.

Однако обращения Посохова и других возымели свое действие. На избирательные участки явились далеко не все. И хотя за Чергинца проголосовало 70 процентов всех пришедших, депутатом он так и не стал, поскольку не был перейден 50-процентный рубеж явки голосующих.

В три часа ночи 29 мая, когда стали известны результаты второго тура выборов, члены избирательного штаба Николая Ивановича в бессилии плакали. Огромная проделанная работа, по сути, пошла насмарку. Мало утешало и то, что Минск вовсе остался без своих представителей в Верховном Совете. Стали поступать предложения по работе…

С точки зрения рецензента

Обостренное чувство Родины

Как каждому мальчишке, ему хотелось поскорее стать взрослым, чтобы окунуться в неизвестный мир, разгадать его загадки и тайны. Ведь все тропинки в родной деревне, что вели от дома к говорливой речушке, сонному болоту, грибному лесу, уже были изведаны. Здесь под плетистой березой обожгло сердце чувство первой юношеской любви и до зари ласкали слух в ивовых зарослях соловьиные трели…

Он мечтал защищать Родину, большую и бескрайнюю, не осознавая того, что все его высокие душевные порывы исходят от малой родины, от родного порога — старенького домика в деревне Молуновка Хотимского района, где он, Иван Юркин, жил вместе с труженицей-матерью, которой уверенно обещал: «Вот вырасту!..»

Иван Захарович Юркин действительно «вырос» — дослужился до генеральского звания. Не страшась опасностей, нередко рискуя собой, доказывал Родине свою верность. В суровых буднях, наполненных настоящей мужской работой, копилась в его сердце нежность к тому особому на земле месту, откуда начались истоки всех его великих дел. «Часто снятся сейчас мне метели, // Тихий шепот июльской жары // И глаза самой, самой любимой, // Дни счастливой и юной поры».

Поначалу Иван Захарович попробовал себя в детской литературе. Придуманные дедом рассказы — самый верный способ позабавить внуков. Получилось. «Забавные истории», «Маша и ее друзья», «Молекулы в дырявых сапогах» — книги Ивана Юркина, которые полюбились многим белорусским детям. Они учат добру, справедливости, честности.

После поездок на малую родину, где многое изменилось со времен босоногого, трудного, но такого радостного детства, его все чаще стали тревожить дорогие сердцу, милые образы. Неожиданно для себя Иван Юркин понял, что переполняющие душу чувства все больше близки к поэзии. Так появились строчки: «Вспоминаю тебя, мой родной уголок, // Мне, поверьте, другого

не надо. // Часто вижу во сне я родительский дом, // И тропинку у нашего сада».

Сегодня у Ивана Юркина еще одно откровение — он представляет широкому читателю свой песенный сборник «Любви серебряная нить», недавно вышедший в свет в издательстве «Беларусь» в Минске. Многие песни из сборника уже получили признание публики. Об этом свидетельствует поэтический альбом «Где калина цвела», созданный несколько ранее Иваном Юркиным в соавторстве с Анатолием Ярмоленко и Олегом Елисеенковым. Как известно, этот творческий проект отмечен высокой наградой — премией Союзного государства в области литературы и искусства.

Надо признать, что в современном технологичном мире становится все более очевидным, как уходит деревенская эпоха с ее особым колоритом. Детство Юркина, как, впрочем, и многих его ровесников, было наполнено тем, чего у нынешней молодежи, увы, нет — «Вспоминаю ночное с друзьями», «На лугу я встречаю рассвет», «Я пройдусь босиком по родимой земле»…

В его, на первый взгляд, простых строках ностальгия по былому деревенскому быту, крестьянской жизни. Немало его стихов посвящено женщине — матери, жене, любимой. Особый источник вдохновения для поэта — природа. Автора волнует запах сирени, липовый цвет, букет полевых цветов…

В поэтических размышлениях Ивана Юркина, как человека, знающего жизнь в разных ее проявлениях, звучит нескрываемая тревога о будущем. Ведь раньше каждый был тесно связан с землей, отчим домом, природой. «Мне так близко дыханье природы, // И в часы предрассветной зари // Подкрадусь незаметно послушать, // Как токуют в лесу глухари», — пишет Юркин, и для него важно: какими ценностями будут жить новые поколения? Что для них будет жизненным ориентиром? Какое тепло согреет их души на перипетиях жизненных дорог?

Вот какое послание-наказ он адресует сыну: «Помни имя свое, // Честь всегда береги, // Путь судьбы непростой // Ты достойно пройди». Эта заповедь неизменна во все времена, считает Иван Юркин, человек, родившийся в далекой белорусской глубинке и славно прошедший трудовой путь на просторах великой Родины.

Елена СТЕЛЬМАХ

Авторы номера

РУБЛЕВСКАЯ Людмила Ивановна. Родилась в 1965 г. в Минске. Окончила Минский архитектурно-строительный техникум, филологический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте им. М. Горького. Поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Автор более 20 книг поэзии и прозы. Лауреат Национальной литературной премии, конкурса драматургии «Купалавы далягляды», премии «Залаты апостраф» журнала «Дзеяслоў» и премии им. Францишека Богушевича. Живет в Минске.

ЗЭКОВ Анатолий Николаевич. Родился в 1955 г. в д. Потаповка Буда-Кошелевского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист, юморист и сатирик, детский писатель. Автор свыше десятка сборников поэзии, прозы, литературных пародий и книг для детей. Живет в Минске.

ДЕЙКУН Раиса Васильевна. Родилась в 1954 г. на ст. Авраамовская (д. Партизанская) на Гомельщине. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор книги-исповеди «Мой ЧарноБыль, або Я боль людскі кранаў… рукамі…», сказок, сборника «Картошка – хлебу и… любви присошка» и др. Живет в Гомеле.

КУЛЕШ Михаил Иванович. Родился в 1956 г. в д. Полкатичи Ивановского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор книг поэзии «Белые ночи», «Окна», «Я уже не тот…». Живет в Бресте.

АМБРУШ Золтан. Родился в 1861 г. в г. Дебрецене (Венгрия). Писатель, драматург, переводчик, критик, театровед, член-корреспондент Венгерской Академии Наук. Изучал право в Будапештском университете, прошел курс литературы во Франции в Сорбонне и Коллеж-де-Франс. Автор романов «Царь Мидас», «Подозрение», «Сентябрь», «Жирофле и Жирофля», а также многочисленных новелл. Перевел на венгерский язык романы Флобера, Мопассана, Бальзака, Франса. Умер в 1932 г. в Будапеште.